

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОСТОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
(ФГКОУ ВО РЮИ МВД России)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

**Сборник материалов
Международной научно-практической конференции**

(9 ноября 2022 г.)

Ростов-на-Дону
2023

УДК 343.13(08)
ББК 67.411
А 43

Редакционная коллегия:

С. В. Пахомов, кандидат юридических наук, доцент;
Н. С. Диденко, кандидат юридических наук, доцент;
Н. Н. Ткаченко, кандидат юридических наук;
Я. А. Шараева, кандидат юридических наук;
Т. И. Джелали, кандидат юридических наук, доцент.

Ответственный секретарь – *С. Л. Денисов*.

Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса

А 43 [Электронное издание] : сборник материалов Международной научно-практической конференции (9 ноября 2022 г.) / отв. ред. Н. С. Диденко. Электрон. дан. (1,34 МБ). – Ростов-на-Дону : ФГКОУ ВО РЮИ МВД России 2023. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования: IBM PC, 1 GHz; 512 mb оперативной памяти; 3 mb ОЗУ; CD/ DVD-ROM дисковод; операционная система Windows XP и выше; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше.

ISBN 978-5-89288-488-4.

Сборник подготовлен по итогам Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории практики уголовного процесса». В нем представлены материалы по наиболее значимым вопросам теории и практики уголовно-процессуального права.

Адресован педагогическим работникам, представителям зарубежных стран, адъюнктам образовательных организаций МВД России, представителям образовательных организаций России, сотрудникам правоохранительных органов.

Выпускается по решению редакционно-издательского совета
ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.

ISBN 978-5-89288-488-4

УДК 343.13(08)
ББК 67.411

© ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Бондарева И.О. Практика применения ст. 189.1 УПК РФ в деятельности следственных подразделений г. Ставрополя	6
Гулиев Р.А. Актуальные проблемы методики расследования преступлений против собственности	9
Гомозов Н.М. Производство обыска: проблемы теории и практики	13
Горобец Д.Г. Тактические особенности допроса участников уголовного судопроизводства при расследовании похищения человека	16
Гриценко Т.В. Проблемные вопросы прекращения уголовных дел с назначением судебного штрафа	21
Данькова Т.Н. О некоторых криминалистических аспектах способов совершения должностных злоупотреблений	26
Денисов С.Л. Участие специалиста в уголовном процессе	30
Джелали Т.И. Проблемы использования в доказывании результатов контроля и записи переговоров	36
Девятковская С.В., Пирогова Е.Н. Неприкосновенность жилища в рамках проведения некоторых следственных действий	41
Диденко Н.С., Торовков А.А. Некоторые процессуальные аспекты проведения проверки сообщения о совершенном преступлении	46
Диденко Н.С., Вакуленко Н.А. Проблемные аспекты производства следственных действий с участием лиц, страдающих нарушениями слуха	50
Ищенко Д.П. Ошибки предварительного расследования как фактор, снижающий эффективность уголовного судопроизводства	56
Какуткин П.Ю. К вопросу о работе сотрудников полиции по проверке отдельной категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам (специальных субъектов), при проведении обысков	62
Кузнецова Е.В. Проблемы совершенствования производства очной ставки в уголовном процессе России	67

Кузнецова С.М. Проблемы обеспечения гласности и непосредственности судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела с использованием систем видео-конференц-связи	72
Латыпов В.С., Свяженина А.А. Отдельные вопросы избрания и применения подписки о невыезде и надлежащем поведении	76
Лантух Н.В., Егорова Р.Е. Соблюдение принципа разумного срока уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела	81
Лаврова О.Н., Селедников Н.В. Некоторые особенности деятельности следователя на первоначальном этапе расследования уголовных дел о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств	92
Матинов С.Г., Матинова З.Г. Методика расследования преступлений в сфере экономики	99
Малянова К.П. Использование информационных технологий при организации поиска доказательственной информации	104
Мандрыка Ю.С., Миронова А.В. Некоторые проблемные вопросы, связанные с производством допроса несовершеннолетних лиц в уголовном судопроизводстве	109
Митькова Ю.С. Особенности процессуального положения прокурора на стадии предварительного расследования в уголовно-процессуальном законодательстве России и Республики Беларусь	113
Миронова А.В. Проблемы эффективности применения дознания в сокращенной форме	117
Навалиев Н.М. Особый правовой режим и уголовно-процессуальный иммунитет: к вопросу о соотношении понятий	122
Осяк В.В. Особенности организации первоначального этапа расследования преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ	126
Седых Т.В. Проблемные аспекты деятельности следователя по доказыванию в стадии возбуждения уголовного дела	131

Терехов М.Ю., Свиридов Р.В. Некоторые проблемы собирания доказательств в уголовном судопроизводстве	136
Фисаков М.Ю., Моругина Н.А. Волеизъявление потерпевшего как одно из условий реализации его процессуальных прав при примирении сторон.....	140
Черкасова А.М. Принцип разумного срока уголовного судопроизводства России и его реализация в стадии возбуждения уголовного дела	144
Шараева Я.А. Некоторые проблемные вопросы уведомления близких родственников о задержании подозреваемого	146
Якубина Ю.В. Решения прокурора на окончании предварительного следствия	149

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 189.1 УПК РФ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ Г. СТАВРОПОЛЯ

Бондарева И.О.

Преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

Уже почти год действует норма ст. 189.1 УПК РФ, введенная в действующее уголовно-процессуальное законодательство Федеральным законом от 30.12.2021 № 501-ФЗ [1].

В соответствии с указанной нормой законодатель разрешил проводить следственные действия путем использования видео-конференц-связи (далее – ВКС). Из всего перечня следственных действий, закрепленных в нормах отечественного уголовного законодательства, по средствам ВКС можно проводить лишь три из них: допрос, очную ставку, опознание [2].

Анализ названия ст. 189.1 УПК РФ позволяет констатировать, что говоря об опознании, законодатель имеет в виду такое следственное действие, как предъявление для опознания, общий порядок которого предусмотрен ст. 193 УПК РФ, хотя в названии ст. 189.1 оно звучит просто «опознание», равно как и в названии гл. 26 «Допрос. Очная ставка. Опознание. Проверка показаний на месте». Считаем, что опознание и предъявление для опознания законодатель в действующем законодательстве использует в качестве синонимов.

Необходимость проведения следственных действий с использованием ВКС назрела уже давно, задолго до ее введения в УПК РФ, особенно при производстве такого распространенного следственного действия, как допрос, которое встречается в каждом уголовном деле. Наибольшая необходимость внесения изменений в нормы УПК РФ в части проведения допроса, очной ставки и опознания путем ВКС назрела в период введения

ограничительных мер, связанных с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19).

Безусловно, норма ст. 189.1 УПК РФ является молодой и практика применения, что вполне естественно, еще в полной мере не сложилась. Заметим, что проведение допроса путем использования ВКС на стадии судебного следствия проводится уже почти 10 лет и показало свою эффективность.

Что же касается практики применения рассматриваемой нормы на стадии предварительного расследования, то пока об ее эффективности говорить достаточно сложно.

За время действия ст. 189.1 УПК РФ (10 месяцев) субъектами, проводящими предварительное расследование на территории г. Ставрополя она была применена всего лишь один раз для проведения очной ставки.

Опрос сотрудников следственных подразделений показал, что отсутствие практики использования данной нормы связано с наличием ряда факторов:

- отсутствие необходимости в использовании ВКС – 90 % опрошенных;
- отсутствие технической возможности использования ВКС – 95 % опрошенных;
- отсутствие практики применения ВКС и опасение признания доказательства в связи с допущенными ошибками недопустимым – 10 %.

Следует заметить, что сотрудники, ответившие, что не применяют норму ст. 189.1 УПК РФ ввиду отсутствия необходимости, обосновывают свою позицию тем, что проще направить поручение, определив круг вопросов, подлежащих установлению, в субъект, где находится лицо, либо оформить командировку и лично допросить участника уголовного судопроизводства по месту его нахождения.

Сотрудники, ответившие, что отсутствует техническая возможность, ссылаются на то, что, во-первых, УПК РФ не разъясняет каналы, по которым возможно соединение абонентов, во-вторых, технические возможности интернет-соединения у лиц, производящих расследования, и лиц, исполняющих поручения, могут в значительной степени отличаться, что не позволит провести следственное действие эффективно из-за неполадок соединения, низкого качества соединения и т. д.

Практика применения нормы ст. 189.1 УПК РФ в г. Ставрополе позволяет констатировать, что для проведения очной ставки путем использования ВКС соединение осуществлялось посредством мобильных телефонов и использования мессенджера WhatsApp между сотрудниками подразделения, один из которых в рамках служебной командировки по расследуемому им уголовному делу и для исполнения поручения о проведении очной ставки был направлен в Москву, а следователь, ведущий расследование по уголовному делу, по которому требовалось проведение очной ставки, находился в г. Ставрополе. Проведение следственного действия в порядке ст. 189.1 УПК РФ подлежит обязательной видеозаписи. Следователи при использовании в качестве технических средств связи телефонов столкнулись с рядом сложностей. Так, при включении автоматической записи видео звонка, осуществляемого через мессенджер WhatsApp, видео записалось, а звук – нет, что стало известно, уже после окончания следственного действия и просмотра видео. Также, ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ предусматривает направление в течение 24 часов с момента завершения следственного действия подписки следователю или дознавателю, которому поручено производство предварительного расследования. Однако порядок составления подписки и перечень содержащихся в ней сведений урегулирован недостаточно, что также оказывает негативное влияние на практику применения ВКС при проведении следственных действий.

На основании изложенного хочется заключить, что за основу применения ВКС на стадии предварительного следствия целесообразно использовать практику применения ВКС при проведении допроса на стадии судебного разбирательства. Считаем необходимым оборудовать в рамках отдела кабинет, который будет технически оснащен средствами для проведения таких следственных действий, как допрос, очная ставка, опознание. Для проведения следственных действий с применением ВКС привлекать специалистов, которые надлежащим образом осуществят запись порядка проведения следственного действия, и в дальнейшем материалы следственного действия будут изъяты и приобщены к материалам уголовного дела надлежащим образом.

Литература

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2021 № 501-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации; федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

© Бондарева И.О., 2023

УДК 343.985.7:343.7

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Гулиев Р.А.

Преподаватель кафедры уголовного процесса Академии Полиции
МВД Азербайджанской Республики

Одним из неотъемлемых гражданских прав, которые установлены Конституцией, а также международным правом, является право собственности. Согласно ст. 13 Конституции Азербайджанской Республики собственность неприкосновенна и охраняется государством [1, с. 8]. Собственность подразделяется на государственную, частную и муниципальную. Затруднения в расследовании преступлений против собственности состоят в том, что с развитием инновационных технологий методы совершения данной категории преступных деяний несколько усложнились. Помимо этого, следует отметить, что большинство этих преступлений совершаются в составе преступных групп. Поэтому нужно ответственно относиться к процессу уголовного преследования и заострять внимание на каждом следственном действии. Это говорит нам о том, что необходимо наиболее сконцентрировано подходить к расследованию преступлений против собственности.

По статистическим данным коллегии МВД Азербайджанской Республики, по итогам 6 месяцев 2022 г. значительное количество совершаемых преступлений в Азербайджане составляют преступления против собственности: кражи, мошенничества, грабежи и разбойные нападения. Из них – 51 % грабежей, 31 % разбойных нападений, 46,4 % краж и 32 % мошенничеств совершены ранее осужденными. Возмещение вреда, причиненного гражданам в результате данных преступлений, составило 89,2 % [8].

Различаясь по уголовно-правовой квалификации, эти преступления имеют ряд схожих криминалистических черт. В систему этих преступлений входят следующие элементы:

- субъект преступления;
- объект преступного посягательства;
- предмет преступного посягательства;
- средство совершения преступления.

По мнению Е.В. Батыщева в структуре рассматриваемых преступлений можно выделить такие материальные объекты посягательства, как организации, предприятия, а также помещения, принадлежащие гражданам. Строго эти объекты должны быть исследованы следствием с целью обнаружения признаков, указывающих на преступность совершенного деяния [7, с. 57].

Информация о следах для данных преступлений зависит от способа их совершения. Самыми встречающимися следами, обнаруживаемыми при расследовании хищений, являются предметы, оставленные на месте преступления. Это следы рук, ног, биологического происхождения и др. [4, с. 125]. При расследовании данных уголовных дел следователи совершают ряд ошибок. Например, несоблюдение оперативности следственных действий, т. е. между ними должен пройти короткий промежуток времени или следователь, отложив проведение обыска в доме или на работе задержанного, предоставляет возможность сообщникам (а также их родственникам) избавиться от вещественных доказательств. Главной задачей при производстве следственных действий является обнаружение и закрепление материальных следов [7, с. 573].

К способам совершения карманных краж как разновидность преступлений против собственности можно отнести следующие: преступник незаметно завладевает чужим имуществом в присутствии потерпевшего. Как правило, карманники совершают свои деяния голыми руками. Поэтому единственным вещественным доказательством в момент их задержания являются вещественные доказательства.

Это значит, что для разоблачения преступника необходимо задерживать его с поличным на месте преступления. Для этого создаются малые группы, состоящие из 3–4 работников. Они, маскируясь под простых граждан, появляются на рынках, в общественном транспорте, там, где карманники чаще всего совершают преступления. Если факт находит свое подтверждение, двое оперативников зажимают вещественные доказательства в руке вора, а третий просит потерпевшего проверить, не пропало ли у него что-либо. После этого задержанного с вещдоками доставляют в дежурную часть, и при участии понятых составляется протокол. Затем возбуждается уголовное дело, и производятся следственные действия. К примеру, можно привести: 1) допрос задержанного; 2) допрос потерпевшего; 3) освидетельствование задержанного; 4) допросы свидетелей; 5) наведение справок о задержанном; 6) очная ставка.

Также, по мнению некоторых ученых в данной отрасли, результативность по делам о грабежах и разбойных нападениях зависит от правильной оценки следователем сложившейся ситуации по уголовному делу.

В данных уголовных делах возникают следующие типичные следственные ситуации: 1) преступник задержан с поличным на месте преступления или сразу же после его совершения; 2) задержано подозреваемое лицо при сбыте похищенного; 3) преступник известен, но скрылся и место его нахождения неизвестно; 4) преступник неизвестен и о нем нет никаких данных.

В Уголовно-процессуальном кодексе Азербайджанской Республики закреплено, что осмотр места происшествия (особенно при грабежах и разбоях) необходимо проводить днем, а при чрезвычайных ситуациях можно вечером и ночью. Но одним из актуальных проблем теории и практики в данной области является то, что осмотр места происшествия, как правило, проводится в то время суток, в которое поступила жалоба или

иная информация о совершении преступления против собственности. Как следователь со стажем считаю позицию практики правильной, т. к. для данной категории преступлений нужна оперативность. А несвоевременная реакция на преступление приводит к потерям доказательств. Проблема для расследования составляет место грабежа или разбоя на открытой местности, потому что в таких обстоятельствах не всегда удастся обнаружить следы ног, транспортных средств, предметы, брошенные преступниками. Но это не дает нам оправдания отказа от производства осмотра места происшествия. Если преступник во время совершения преступления применил огнестрельное оружие, то это дает нам возможность обнаружить на месте происшествия следы выстрела. Если при осмотре будет участвовать потерпевший, то данное следственное действие будет более результативным. Осмотр целесообразно начинать с непосредственного места нападения, если грабеж или разбой совершены на открытой местности. Если преступление совершено в помещении, то исходная точка и способ осмотра обычно меняются (от периферии к центру). При допросе потерпевших выясняется, где, когда, при каких обстоятельствах и с кем потерпевший оказался на месте происшествия; что предшествовало нападению; сколько человек участвовало в нападении, их приемы, как они называли друг друга и др. [5, с. 347].

Подводя итог, нужно отметить, что в настоящее время борьба с преступлениями против собственности приобрела особую актуальность. Это связано с изменением преступной среды, так как она стала более организованной и технически оснащенной. В связи с вышеуказанным считаю, что эффективность расследования преступлений против собственности зависит от того, насколько качественно следователь проводит следствие.

Литература

1. Конституция Азербайджанской Республики (12 ноября 1995 г.).
2. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (30 декабря 1999 г.).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (14 июля 2000 г.).

4. Джафаргулиев М. Уголовный процесс учебник. Баку, 2001 г.
5. Топорков А.А. Криминалистика: учебник. М., 2016.
6. Мозяков З.З. Руководство для следователей. М., 2005
7. Батыщева Е.В. Актуальные вопросы и проблемы качества предварительного расследования и пути их решения // Государство и право. 2017. № 3.
8. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mia.gov.az> (дата обращения: 10.10. 2022).

© Гулиев Р.А., 2023

УДК 343.132

ПРОИЗВОДСТВО ОБЫСКА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Гомозов Н.М.

Доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности
Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС,
кандидат юридических наук

В современном мире в целом и нашем государстве в частности одной из важнейших задач является соблюдение прав человека. В ч. 3 ст. 55 Конституции РФ сказано, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены Федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [1].

Пожалуй, наибольшие ограничения прав человека происходят в рамках уголовно-правового законодательства, а именно при применении мер процессуального принуждения, а также производстве следственных действий, где лидирующие позиции в этом направлении занимает обыск.

Отдельно следует обратить внимание еще на одну проблему, связанную с проведением обыска. Тут можно задаться вопросом, почему

данному следственному действию уделяется столь важное значение. Ответ прост.

Обыск является тем следственным действием, где происходит поиск и обнаружение предметов, которые могут стать вещественными доказательствами, а следовательно, подтверждающими виновность преступника. Например, обнаруженные в ходе обыска оружие, наркотики, запрещенная литература позволяют выявить латентные преступления. А это не что иное, как раскрытие неучтенных преступлений.

Кроме того, сам по себе обыск способствует повышенному моральному переживанию лица, у кого он производится, а потому корректное его проведение способствует как соблюдению прав человека, так и формированию положительного имиджа сотрудника правоохранительных органов.

Важной проблемой на практике является проведение обыска ненадлежащим лицом. Так, очень часто обыски проводят по поручению следователя оперативные сотрудники. Сразу возникает вопрос о законности его проведения. Согласно п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь вправе давать органу дознания в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом, обязательные для исполнения письменные поручения о производстве отдельных следственных действий. Часть 1 ст. 152 УПК РФ гласит, что в случае необходимости производства следственных или розыскных действий в другом месте следователь вправе произвести их лично либо поручить производство этих действий следователю или органу дознания [2].

Вроде бы ничего противозаконного в этом нет. Однако ч. 4 ст. 182 УПК РФ говорит о том, что до начала обыска следователь предъявляет постановление о его производстве. Тут мы встречаемся с конкуренцией общей и специальной норм. Общая норма рассматривает понятие, обладающее большой степенью обобщения, множеством случаев, в то время как специальная норма – это и есть один из подобных случаев. Следовательно, в данном случае применять следует исключительно специальную норму, которая обладает более узким объемом и представлена как индивидуальный случай из общей массы. Подобная норма обладает всеми значительными признаками общей нормы, а также конкретизацией одного либо нескольких из них [3].

Из вышесказанного следует, что в подобных случаях следует действовать в рамках специальной нормы, а именно исходя из требований ч. 4 ст. 182 УПК РФ.

Таким образом, мы приходим к выводу, что при производстве обыска органом дознания по поручению следователя и в отсутствие последнего обыск следует считать незаконным, а следовательно, и все изъятые не будут иметь доказательственного значения. На это прямо указывает ч. 1 ст. 75 УПК РФ – доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Закономерно возникает вопрос: почему ни прокурор, ни суд на практике не обращают внимания на столь явные нарушения норм уголовно-процессуального законодательства? В данной ситуации напрашивается вывод либо о формальном отношении к делу, либо о желании любой ценой направить дело в суд и положительно отчитаться о проделанной работе. В любом случае такой подход не допустим, ибо это не только есть проявление нарушения законодательства, но и прямое нарушение прав человека.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 №177-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Конкуренция уголовно-правовых норм [Электронный ресурс]. URL: <https://zaochnik.com/spravochnik/pravo/ugolovnoe-pravo/konkurentsija-ugolovno-pravovyh-norm/>? (дата обращения: 10.10.2022).

© Гомозов Н.М., 2023

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Горобец Д.Г.

Доцент кафедры криминалистики Ростовского филиала
Санкт-Петербургской академии Следственного комитета
Российской Федерации, кандидат экономических наук

Похищение человека относится к числу тех преступлений, по которым «идеальные» следы являются преобладающим источником криминалистически значимой информации. Их содержательность напрямую зависит от качества проведения фиксирующих их следственных действий.

Тактика допросов по делам о похищении человека имеет некоторое своеобразие, которое определяется спецификой объективной стороны преступлений данного вида. Содержательную часть допросов следует определять с учетом обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также следственной ситуации и в зависимости от того, какой информацией может и должен располагать каждый из допрашиваемых. Тактика же проведения допросов определяется, прежде всего, исходя из процессуального положения допрашиваемого, его отношения к членам организованной преступной группы (преступного сообщества) и потерпевшим, а также предполагаемой психологической «установкой» (на дачу полностью правдивых, полностью либо частично ложных показаний, отказ от дачи показаний) [1, с. 173–175].

Предмет допроса определяется криминальными элементами похищения – захват человека, перемещение и последующим его удержании. Тактические особенности допроса, имеющие свою специфику, предопределяют ряд обязательных требований.

Как и к большинству следственных действий, к допросу следует подготовиться. Тактическое обеспечение допроса состоит в том, чтобы заранее подготовить материалы дела, доказательства, которые могут быть предъявлены (протоколы, видеозаписи других лиц, заключения экспертиз и т. п.) Следует предусмотреть определенную последовательность предъявления доказательств, заранее наметить тактические приемы, определить момент их применения, вопросы, которые могут быть заданы допрашиваемому [2, с. 586–587].

Подготовка к допросу включает три этапа.

На первом обобщается и анализируется собранная в ходе предварительного расследования информация, необходимая для допроса. С этой целью изучаются материалы уголовного дела, включая вещественные доказательства, открытые источники информации (справочники, специализированная литература, тематические сайты электронной информационной среды Интернет и т. п.), проводятся беседы со специалистами, обладающими сведениями по тематике допроса [3, с. 403–404].

На втором этапе составляется психологический портрет допрашиваемого, оцениваемый с позиции возможности получения от него интересующих следствие сведений, на основе которого определяется тактика его допроса.

На заключительном этапе, исходя из полученных результатов, формулируется цель и задачи допроса. Существенным подспорьем являются ведомственные рекомендации по программе допросов.

Тематика вопросов начинается с установления личности похищенного. Помимо стандартных сведений о ФИО, возрасте, приметах, месте проживания и т. д. очень важное значение имеют данные о его роде деятельности, материальном положении, конфликтах и врагах, причиненном ему (либо иным лицам) физическом и имущественном вреде.

Далее выясняются место, время и способ похищения, включая подробное описание преступников и используемых ими средств и орудий преступления, непосредственно самого захвата (применение физической силы, оружия либо средств, используемых в качестве оружия, угроз), перемещения (транспортное средство и маршрут движения) и удержания (адрес и характеристики помещения, строения).

И самая значимая информация о лицах, совершивших преступление, мотивах и целях преступных действий, характере и формах требований, выдвигаемых похитителями для достижения желаемого преступного результата.

Тактика допроса в соответствии со сложившейся следственной практикой заключается в предоставлении допрашиваемому возможности свободного изложения информации на общий следственный вопрос об известных ему обстоятельствах произошедшего, а затем в постановке уточняющих и дополняющих, а также разведывательных, уличающих и контрольных вопросов.

Необходимость постановки уточняющих и дополняющих вопросов обусловлена психологией большинства допрашиваемых, ошибочно не придающих значения ряду известных им обстоятельств, расцениваемых ими как неважные для следствия и не подлежащие в этой связи сообщению.

Разведывательные вопросы не имеют непосредственного отношения к предмету доказывания по похищению и преследуют цель установления других носителей информации о произошедшем (очевидцев), иных событиях, представляющих интерес для следствия (предшествовавших преступлению, последовавших за ним и т. п.).

Уличающие вопросы, вытекающие из допущенных как самим допрашиваемым противоречий, так и несоответствия сообщаемых им сведений установленным из иных достоверных источников обстоятельствам, призваны побудить допрашиваемого давать правдивые показания.

Контрольные вопросы направлены на проверку достоверности сообщенных на допросе сведений посредством установления источников осведомленности допрашиваемого о произошедшем, а также выявления непоследовательности и нелогичности предоставляемой им информации.

Свои особенности имеет тактика допроса свидетеля в так называемой конфликтной ситуации, характеризующейся отказом от дачи показаний либо сообщением заведомо ложных сведений. Прежде всего, необходимо установить причины категорического нежелания сотрудничества со следователем для последующей их нейтрализации. При недоверии к следственным органам следует разъяснить допрашиваемому граждан-

ский долг в борьбе с преступностью. В случаях обоснованных опасений за свою жизнь принять предусмотренные уголовно-правовым законодательством меры защиты свидетелей. Когда мотивом поведения выступает нежелание причинения вреда, вытекающее из религиозной, земляческой, профессиональной общности, необходимо привлечение авторитетных для допрашиваемого лиц с целью разьяснения ложности такой позиции.

Аналогичные рекомендации даются Н.М. Балашовым «согласно обычаям народов ряда регионов Кавказа и Средней Азии считается позорным сообщением правоохранительным органам сведений о лице той же национальности (клана), совершившем преступление тем более, если изобличающие показания даются вопреки мнению старейшины селения. Поэтому в таком случае рекомендуется перед допросом подозреваемого, обвиняемого, свидетеля или потерпевшего установить надлежащий психологический контакт со старейшиной селения либо руководителем клана, особенно в ситуации расследования преступлений, совершенных на почве кровной мести» [4, с. 124–127].

Самую большую опасность в работе следователя представляет неверность выводов о произошедшем событии. Способствует этому получение ложных показаний и принятие их в качестве доказательств. Каждый из участников уголовного судопроизводства в силу различных обстоятельств, в том числе и не прогнозируемых (о которых следователь объективно не мог предполагать) может сообщить недостоверные сведения. Помимо традиционного критического отношения к показаниям подозреваемого (обвиняемого) необходимо учитывать возможную заинтересованность потерпевшего в приписывании преступнику несовершенных деяний как проявление мести и с целью усиления его ответственности.

Незаинтересованность свидетеля в ряде случаев, связанных с наличием скрываемых личных связей со сторонами преступления, может быть фиктивной, и в действительности его показания, априори воспринимаемые как достоверные, являются ложными.

Разновидностью конфликтной ситуации является изменение допрашиваемым своих изобличающих показаний. Обязанность следователя вернуть свидетеля к ранее данным показаниям, что возможно устрани-

нием побудительных причин – подкупа, запугивания, ложного чувства жалости и т. п.

При даче подозреваемым (обвиняемым) признательных показаний допрос проходит в благоприятной обстановке, хотя для данного участника следственных действий больше характерна конфликтная ситуация. Следовательно важны не только признательные показания, но и подробные сведения обо всех обстоятельствах совершенного преступления. Ошибочными являются действия следователя, удовлетворившегося признанием допрашиваемым вины без получения от него подтверждающих данное признание показаний. Встречающиеся в следственной практике случаи отказа допрашиваемых от дачи показаний на основании положений, установленных ч. 1 ст. 51 Конституции РФ при признании факта совершения преступления, указывают на безрезультативность допроса из-за пассивности его проведения следователем. Допрашиваемого необходимо убедить в процессуальной значимости признания виновности только в совокупности с изобличающими его показаниями, в ином случае возможный в дальнейшем отказ от признания вины лишает их доказательственного значения.

Допросы подозреваемого и обвиняемого во много схожи и отличаются лишь объемом раскрываемой перед допрашиваемым информации об обстоятельствах совершения преступления, имеющейся в распоряжении следствия. В ряде случаев, особенно в конфликтной ситуации, тактически неверно пытаться изобличить подозреваемого в виновности, предъявляя ему все доказательства, предоставляя тем самым стороне защиты возможность подготовки ложного алиби и сбора сомнительных либо вообще сфальсифицированных доказательств. Первоначальный допрос подозреваемого целесообразно проводить исключительно как разведывательный, предоставляя возможность высказать допрашиваемому свою точку зрения, без ее критики или опровержения. Отношение лица к подозрению позволит следователю спрогнозировать возможную линию защиты и определить меры по ее преодолению.

Таким образом, отличительной особенностью допроса обвиняемого является наступательный характер, подразумевающий активное предъявление опровергающих версии стороны защиты, доказательств с целью получения от допрашиваемого признательных показаний.

Литература

1. Тишкин Д.Н., Осяк В.В. Вопросы совершенствования орд в сфере противодействия вариативным формам организованной преступности в условиях «цифровизации» и гибридной войны // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. материалов Междунар. научно-практ. конф. Ростов н/Д, 2021.
2. Криминалистика: учебник / под ред. А.И. Бастрыкина. М., 2015.
3. Криминалистическая тактика: учебник / под ред. А.С. Сорочкина. М., 2013.
4. Осяк В.В., Батагова С.А. О некоторых аспектах производства допроса при расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Юридическая деятельность в условиях цифровизации: сб. статей по результатам Междунар. научно-практ. конф. Симферополь, 2021.

© Горобец Д.Г., 2023

УДК 343.13

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Гриценко Т.В.

Доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Ростовского филиала
Российской таможенной академии, кандидат юридических наук

В 2019 г. Верховный Суд Российской Федерации подчеркнул востребованность института судебного штрафа в правоприменении [1], и это соотносится с данными судебной статистики. Так, в 2017 г. в связи с назначением судебного штрафа в России было прекращено уголовное преследование в отношении 18 346 лиц, в 2018 г. – в отношении 18 989 лиц, в 2019 г. – в отношении 34 583 лиц, в 2020 г. – в отношении 35 917 лиц, в 2021 г. – в отношении 17 772 лиц [2].

Вместе с тем, если с начала практики реализации рассматриваемого института она характеризовалась наращиванием темпов, то в 2021 г. произошло резкое сокращение количества прекращенных уголовных дел в связи с назначением судебного штрафа. Категоричные выводы о факторах, повлиявших на неоднозначно складывающуюся практику, делать, безусловно, преждевременно, однако отдельные специалисты связывают ее с озвученной в докладе о состоянии законности и правопорядка в 2021 г. позицией Генеральной прокуратуры РФ о недопустимости необоснованного освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа лиц, совершивших общественноопасные деяния, с тем, что решение вопроса о применении судебного штрафа лежит в плоскости «усмотрения» субъекта расследования и суда, является их правом, но не обязанностью, с наличием лакун и противоречий в правовом регулировании данного института, «восполняемых» правоприменителем по собственному усмотрению.

Противоречивые решения выносятся судами по делам о преступлениях с материальным и формальным составами. Связано это также с несовершенством правовой конструкции, закрепленной в ст. 25.1 УПК РФ и в ст. 76.2 УК РФ, из буквального толкования которой отдельные авторы вполне логично заключают, что применение судебного штрафа возможно только при совершении преступлений с материальным составом, когда есть потерпевший [3], или также по некоторым преступлениям с формальным составом, когда вред не только личности, но также обществу и государству возможно загладить конкретными действиями [4].

Я.А. Климова, Э.А. Хохрякова приводят примеры судебных решений, анализ которых показывает, что суды также непоследовательны в этом вопросе, в одних случаях отказывая в прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа, обосновывая решение тем, что и при совершении преступления с формальным составом необходимы данные о заглаживании вреда, причиненного преступлением; в других случаях – удовлетворяя ходатайства о применении судебного штрафа и в отсутствие заглаживания вреда, если конструкция вменяемого состава не охватывает наступление общественно вредных последствий [5].

Некоторую определенность в решение данного спорного вопроса внес Конституционный Суд РФ, пояснив, что «различные уголовно наказуемые деяния влекут наступление разного по своему характеру вреда», а значит и «действия, направленные на заглаживание такого вреда и свидетельствующие о снижении степени общественной опасности преступления, нейтрализации его вредных последствий, не могут быть одинаковыми во всех случаях, а определяются в зависимости от особенностей конкретного деяния» [6]. Соответственно, в случае совершения преступления как с материальным, так и с формальным составом при решении вопроса о прекращении уголовного дела, как мы полагаем, суды должны установить, во-первых, факт выполнения конкретных действий обвиняемым (подозреваемым) с целью *возмещения* ущерба или заглаживания причиненного преступлением вреда, во-вторых, факт *достаточности* осуществленных обвиняемым (подозреваемым) действий для снижения степени общественной опасности преступления, нейтрализации его вредных последствий, исходя из особенностей конкретного преступления.

Анализ судебной практики показывает, что по делам с формальным составом, когда отсутствует потерпевший, или когда вред вовсе причинен не был, но имела место постановка под угрозу причинения вреда охраняемых уголовным законом общественных отношений, «убеждают» суд в достаточности заглаживания причиненного преступлением вреда, например, пожертвования в различные социальные центры, иные благотворительные акции со стороны обвиняемого (подозреваемого).

Аналогичным образом вопрос о прекращении уголовного преследования должен решаться и в отношении обвиняемых (подозреваемых) в совершении двуобъектных преступлений. Так, основной объект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ, – общественные отношения по обеспечению безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, дополнительный объект – здоровье человека. При решении вопроса о достаточности заглаживания причиненного преступлением вреда следует установить таковую в отношении и основного, и дополнительного объектов преступления (например, компенсация потерпевшему расходов на лечение, возмещение морального вреда в совокупности с направлением определенной денежной суммы в качестве гуманитарной помощи или в Дорожный фонд).

Полагаем, по делам с формальным составом преступления, а также по делам, где потерпевший не установлен, вред причинен общественным отношениям или государству, когда причиненный преступлением вред не является таким «осязаемым», конкретным и очевидным, как при совершении преступлений с материальным составом, целесообразно выработать механизм «заглаживания причиненного преступлением вреда иным образом».

Весьма остро в Российской Федерации стоит проблема возмещения вреда потерпевшим в результате преступных посягательств [7]. Рядом стран уже накоплен опыт государственных выплат потерпевшим в счет компенсации причиненного преступлением вреда их специально созданных фондов помощи жертвам преступлений. Концептуально такая государственная поддержка потерпевшим основывается на взятых на себя государством обязательствах обеспечить безопасность своих граждан, из которых вытекают компенсационные обязательства в случае, если преступление и связанный с его совершением вред личности предотвратить не удалось. Государственные компенсационные фонды формируются преимущественно из налоговых поступлений, сумм штрафов, залогов, конфискации имущества и др. [8]. В Казахстане средства созданного в 2018 г. Фонда компенсации потерпевшим формируются за счет так называемых обязательных платежей, не являющихся санкцией за совершенный деликт, взыскиваемых с каждого осужденного в рамках уголовных дел о любых уголовно наказуемых проступках или преступлениях, независимо от вида и размера назначенного наказания. Принудительный платеж специалисты оценивают как «единовременную оперативную социальную поддержку потерпевшего, которому причинен тяжкий вред здоровью» [9]. Из средств фонда производится единовременная денежная компенсация потерпевшим в качестве «социальной помощи государства потерпевшим до рассмотрения уголовного дела в суде по существу» [10].

Как видно, обязательный платеж в Казахстане во многом схож по своей правовой природе с судебным штрафом в России с той лишь разницей, что первый выплачивается за совершение каждого уголовно наказуемого деликта, а средства его аккумулируются в Фонде компенсации потерпевшим. Заимствование опыта Республики Казахстан в свете

рассматриваемых вопросов видится весьма целесообразным и даже необходимым. Полагаем, суммы выплачиваемых судебных штрафов, а также суммы, выплачиваемые в счет заглаживания причиненного преступлением вреда (в отсутствие потерпевшего, по делам о двуобъектных преступлениях, преступлениях с формальным составом, когда имела место лишь постановка под опасность причинения вреда, или вред был причинен государству, общественным отношениям), должны аккумулироваться в аналогичном фонде, создание которого давно назрело в России.

Литература

1. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10.07.2019 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329089/ (дата обращения: 09.10.2022).

2. Судебная статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2017, 2018, 2019, 2020, 2021 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 09.10.2022).

3. Ворожцов С.А. О некоторых проблемах, возникающих в судебном производстве по прекращению уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Мировой судья. 2017. № 11.

4. Скрипченко Н.Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журнал российского права. 2017. № 7.

5. Климова Я.А. Прекращение уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа: проблемы правоприменения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 2.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 № 2257-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Т.И. на нарушение ее конституционных прав п. 1 ст. 1 Федерального закона от 03. 07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26102017-n-2257-o/> (дата обращения: 09.10.2022).

7. Гриценко Т.В. Обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением: проблемы правового регулирования // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 1(96).

8. Юношев С.В. Государственные компенсации жертвам преступлений: зарубежный опыт и российские перспективы // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/2(122).

9. Мамонтов Н.И. Отдельные нюансы формирования Фонда и выплаты из него потерпевшим компенсации (некоторые комментарии) [Электронный ресурс]. URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc_id= 35356287&pos=4;-106#pos=4;-106](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35356287&pos=4;-106#pos=4;-106) (дата обращения: 09.10.2022).

10. Бектенов А.Е., Омарова Н.Н. Фонд компенсации потерпевшим: недостатки и преимущества // Вестник института законодательства и правовой информации РК. 2021. № 2(65).

© Гриценко Т.В., 2023

УДК 343.352

О НЕКОТОРЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ

Данькова Т.Н.

Адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь

В настоящем докладе под категорией «должностное злоупотребление» мы подразумеваем противоправные действия, уголовная ответственность за которые предусмотрена ст. 424 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ) и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Не ставя перед собой задачу определения отличий между содержанием указанных статей, отметим их схожую сущностную составляющую:

– злоупотребление властью или служебными полномочиями – это умышленное вопреки интересам службы совершение должностным лицом из корыстной и иной личной заинтересованности действий с использованием своих служебных полномочий, повлекшие причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам (ст. 424 УК РБ) [1];

– злоупотребление должностными полномочиями – это использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства (ст. 285 УК РФ) [2].

Приведенные нормы показывают значительную схожесть основных криминалистических признаков, имеющих значение для построения частной криминалистической методики расследования должностных злоупотреблений. Информационную основу указанной методики расследования составляет криминалистическая характеристика, включающая следующие основные элементы: способы и обстановка совершения преступления, личность преступника, характерные следы преступной деятельности, предмет и объект преступного посягательства.

Проведенный ретроспективный анализ методики расследования злоупотребления показал изначальное ее построение на основе данных о способах совершения преступления и определение их в качестве наиболее устойчивого элемента криминалистической характеристики [3, с. 145]. Способы совершения преступления наиболее полно раскрывают сущность преступной деятельности, несут в себе криминалистически значимую информацию о возможных местах нахождения следов преступления и сведения о личности преступника. Для каждого вида преступления существует свой системный, специфический набор способов его совершения.

Способы совершения злоупотребления определяются полномочиями должностного лица. Практически любая деятельность должностного лица, определяемая его полномочиями, может быть использована в криминальных целях.

И.Ф. Пантелеев и Н.А. Селиванов в качестве способов совершения злоупотребления приводят: издание незаконных приказов и распоряжений; создание условий для незаконной деятельности других лиц путем самоуправных действий; расходование денежных средств не по назначению; выдача бестоварных накладных; подчистка, травление и иные изменения текста документов и др. [4, с. 45].

По мнению С.В. Войцеховской, к способам совершения злоупотребления относятся: противоправное предоставление льгот, преимуществ при заключении договоров; покровительство и попустительство по службе; выдача заведомо ложных документов; внесение ложных сведений в документы; использование служебного имущества в личных целях; пользование услугами без их оплаты; противоправное предоставление кредита; снижение суммы экономических санкций; противоправное предоставление путевок; изъятие денежных средств или их удерживание без цели хищения; завышение розничных цен на товары; несвоевременное погашение кредиторской задолженности; занижение стоимости продукции предприятия; начисление денежных средств по договорам, работы по которым не производились, и др. [5, с. 96].

Некоторые авторы в качестве синонима способа совершения злоупотребления употребляют термин «формы» злоупотребления, к которым помимо рассмотренных выше относят: нарушение финансовой дисциплины; обман ревизионных и контролирующих органов; выделение помещений, оборудования, транспортных средств и иного имущества в аренду с заниженной арендной оплатой; заключение договоров на заведомо невыгодных условиях; сокрытие хищений и недостач; необоснованная передача имущества в пользование частным и юридическим лицам; извлечение выгоды без изъятия и обращения чужого имущества в свою пользу; использование труда, транспортных средств, машин, механизмов, помещений в личных целях без оплаты; возмещение стоимости выполненных работ и оказанных услуг и др. [6, с. 96].

По результатам анализа судебно-следственной деятельности нам представляется целесообразным привести способы совершения злоупотребления в классификационном виде и в основе классификации определить критерий непосредственного либо опосредованного отношения к

экономическим ресурсам путем деления на две группы. Под экономическими ресурсами нами подразумеваются трудовые ресурсы и капитал (денежный и материальный: здания, сооружения, оборудование и т. д.).

К первой группе относятся преступные действия, непосредственно связанные с образованием, распределением и использованием экономических ресурсов: приобретение их по завышенной стоимости либо в объемах, которые не обусловлены служебной необходимостью; реализация капитала либо оказание услуг по заниженной стоимости; нецелевое использование капитала; использование капитала без оплаты; выполнение работ (оказание услуг) трудовыми ресурсами без оплаты, с заниженной стоимостью либо с иными нарушениями их деятельности; совершение действий, влияющих на размер материального благосостояния должностного лица и близких ему лиц; совершение действий о прекращении прав собственности государства относительно определенных объектов и возникновение права собственности у физических или юридически лиц на отчуждаемое государственное имущество (квалифицирующее действие, предусмотренное ч. 3 ст. 424 УК РБ).

Ко второй группе относятся преступные действия, напрямую не связанные с образованием, распределением и использованием экономических ресурсов: внесение ложных сведений в документы с целью скрыть некомпетентность, недостачу или противоправное поведение, создать видимость успешной работы и др. (например, внесение ложных сведений о фактическом количестве животных, часть из которых погибла; внесение ложных сведений в акт инвентаризации об отсутствии недостачи, при наличии таковой); выдача заведомо ложных документов (например, справка о трудоустройстве для получения места в общежитии); нарушение бухгалтерского учета, финансовой дисциплины; издание незаконных приказов и распоряжений.

Таким образом, многочисленные способы совершения должностных злоупотреблений отражают многогранность действий должностного лица по достижению преступного результата и в свою очередь многообразие следов преступной деятельности.

Литература

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 14.07.1999 № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г., одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 10 ноября 2019 года. М., 2020.
3. Данькова Т.Н. Становление и развитие взглядов на расследование фактов злоупотребления властью или служебными полномочиями // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2022. № 1.
4. Криминалистика: учебник / под ред.: И.Ф. Пантеева, Н.А. Селиванова. М., 1993.
5. Методика расследования коррупционных преступлений: научно-практическое пособие для следователей и оперативных работников правоохранительных органов / под. общ. ред. В.Х. Кадырова. Минск, 2006.
6. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации: расширенный уголовно-правовой анализ с материалами судебно-следственной практики / под общ. ред. Н.А. Овчинникова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2007.

© Данькова Т.Н., 2023

УДК 343.13:343.148

УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Денисов С.Л.

Старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) специалистом является лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и

изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию [1].

В начале исследования обратимся к мнению различных ученых в части, касающейся определения понятия «специалист», в том числе следует рассмотреть вопрос о том, что лежит в основе данного понятия. Предлагаем принять во внимание мнения некоторых ученых, изучающих недостатки уголовно-процессуального законодательства, в частности правовое положение специалиста и изучение процессуальной природы специальных знаний. Так, З.И. Соколовский считает, что под специальными знаниями уместно считать те сведения, которые получены в рамках профессиональной подготовки, дающие возможность для лица, обладающего этими знаниями, решать определенные вопросы в какой-либо области [2, с. 202].

По мнению В.Н. Махова, в качестве специальных знаний можно понимать знания, которые присущи широкому спектру профессиональной деятельности, однако не относящихся к профессиональным знаниям, которыми обладают следователи, дознаватели и иные участники со стороны обвинения в уголовном судопроизводстве [3, с. 46]. Как следует из научных исследований А.М. Зимина, который под профессионализмом понимал некую подготовку, следующую после изучения теоретических положений, связанных с познанием закономерностей, которые изучаются и анализируются в определенной области техники, науке [4, с. 21].

Исходя из многообразия мнений ученых, вышеуказанные положения дают нам возможность выделить некоторые критерии, отражающие сущность специальных знаний, а именно понятие «специальные знания» базируются на теоретической науке, специальные знания формируются у субъекта в результате его профессиональной деятельности, субъект общественных отношений, обладающий специальными знаниями, способен применить их не только в рамках теории, но и на практике.

Специфика судебно-следственной правоприменительной практики такова, что для принятия определенного процессуального решения основная сложность заключается не в том, чтобы найти соответствующую норму материального или процессуального права, регулиющую ту или

иную складывающуюся ситуацию в рамках уголовно-процессуальных отношений, а в том, что найдя такую норму права, существует вероятность того, что данная норма права будет являться бланкетной: для уяснения ее смысла должно следовать дальнейшее к ней обращение, то есть, не исключена связь между некоторыми отраслями права. К примеру, при расследовании уголовных дел по уклонению от уплаты налогов, предусмотренных ст. 199 УК РФ, недостаточно руководствоваться лишь материальными нормами права – Уголовным кодексом РФ и нормами УПК РФ, важно анализировать и нормы налогового законодательства, так как именно в данной сфере общественных отношений, а именно таких отношений, которые связаны с налогообложением, и требуются те самые специальные знания, которыми следователь или дознаватель вряд ли будет обладать, а без таких знаний о каких-либо успехах в расследовании данного уголовного дела говорить не придется. К примеру, следователь не сможет самостоятельно рассчитать необходимые для надлежащей квалификации элементы налогообложения: налоговый период, ставку, объект и т. д., а также не сможет сделать расчеты, исход которых и будет иметь значение для уголовного дела [4, с. 23].

При этом сторонники мнения, что знания в области юриспруденции относятся к специальным, полагают, что заключение специалиста не должно быть связано с юридическими вопросами, например, квалификация деяния, установление формы вины и т. д. Знания лиц, которые разбираются в специфике отдельных институтов правовой науки и технике, помогают решать большой спектр вопросов, связанных с расследованием уголовного дела.

Такая помощь выражается в проведении консультационных мероприятий в форме официального документа – заключения, выносимого исходя из специфических научно-юридических, технических, бухгалтерских и иных знаний специального, узкоспециализированного характера [5, с. 17].

К мнению Е.Р. Россинской относительно использования в юриспруденции специальных знаний довольно скептически подошел А.А. Тарасов. По его мнению, следователь, дознаватель и иные участники уголовного процесса, которые главным образом задействованы в процессе расследования, являются также специалистами, и то, что они обращаются

к специалисту в области юриспруденции к другой отрасли, не относящейся к сфере уголовных, уголовно-процессуальных и криминалистических, является по смыслу УПК РФ абсурдным, что особенно ярко прослеживается в условиях ясно наблюдающейся динамики падения уровня профессиональной подготовленности сотрудников органов внутренних дел [6, с. 95].

Однако следует отметить, что в последнее время возникает круг вопросов, которые затрагивают правовую регламентацию содержания как понятия, так и прав и обязанностей самих специалистов как в рамках уголовного судопроизводства, так и в рамках гражданского судопроизводства.

В различных научных трудах нашли свое отражение две основные формы использования специальных знаний в рамках уголовно-процессуальных правоотношений. Процессуальная форма, суть которой в том, что результат процессуальной деятельности специалиста в конечном итоге, представляет собой не что иное, как имеющее доказательственное знание обстоятельство, а другой формой является непроцессуальная, выражающаяся в том, что специалист работает вне уголовно-процессуальных правоотношений, а оказывает различного рода помощь сотрудникам, к примеру, оперативным подразделениям [7, с. 52]. На стадии предварительной уголовно-процессуальной проверки в порядке ст. 144–145 УПК РФ специалист помогает лицу, осуществляющему расследование в имеющих значение для дела обстоятельствах и фактов [8, с. 61].

По своей сути, специалист должен обладать несколькими признаками: ему не должен быть интересен исход уголовного дела, а так же, как говорилось выше, он должен обладать специальными знаниями. Наделяя такими признаками специалиста, законодатель преследует цель по обеспечению достоверности данных, полученных с его помощью. Отсутствие этого важного правила могло бы привести к хаотичному расширению лиц, привлекаемых в качестве специалиста, например, за счет представителей вышестоящих организаций [9, с. 9]. В УПК РФ для гарантии объективности его участия отражены правила по отводу заинтересованных в исходе деле специалистов.

Важнейшая обязанность лиц, участвующих в уголовно-процессуальных правоотношениях, – это обязанность не разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с

участием в производстве по уголовному делу в качестве специалиста, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ.

В ч. 1 ст. 168 УПК РФ под специалистом понимается не вызванное (приглашенное) лицо, обладающее специальными знаниями, а лицо, которое в связи с наличием у него указанных знаний может быть вызвано (приглашено) для оказания помощи следователю или защитнику при производстве и (или) подготовке к проведению следственного действия, а равно вызванное (приглашенное) в этих целях и осуществляющее указанную помощь лицо [10, с. 59].

Вследствие этого определяющим фактором того, что лицо наделено уголовно-процессуальным статусом специалиста, выступает то, что у данного лица имеются соответствующие права и обязанности, связанные с реализацией его статуса.

Процессуальный порядок привлечения специалиста к участию в уголовном деле во многом отличается от эксперта. Законодатель не предусматривает необходимости вынесения постановления о привлечении в качестве специалиста. В отношении него нет особой процессуальной формы, специалист вызывается повесткой или приглашается по телефону. Исследования специалиста, в отличие от эксперта, не требуют длительного времени и не носят особой глубины познания, а также имеют предварительный, направляющий характер. Поэтому компетенции специалиста и эксперта отличается познавательный и процессуальный характер деятельности. Согласно первому критерию, специалист основывается на эмпирическом уровне познания, а согласно второму, любой участник уголовного судопроизводства может воспользоваться его специальными знаниями [11, с. 190].

Таким образом, резюмируя все изложенное, следует сказать, что нормативно-правовая регламентация понятия специалиста в рамках уголовного процесса и привлечение такого лица как в рамках расследования уголовного дела, так и в рамках судебного следствия берет свое начало с доктринального определения понятия «специалист», а также регламентируется как уголовно-процессуальным законодательством, так и рядом нормативных правовых актов, которые определяют деятельность специалиста в настоящее время.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.09.2022). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Соколовский З.И. Понятие специальных познаний // Криминалистика и судебная экспертиза. 1969. № 6.
3. Махов В.Н. Использование специальных знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000.
4. Зинин А.М. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник. М., 2011.
5. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2008.
6. Тарасов А.А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России. М., 2017.
7. Абросимов И.В., Гришина Е.П. Специалист как сведущее лица и участник процесса доказывания в уголовном судопроизводстве // Современное право. 2005. № 8.
8. Экзархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. СПб., 2005.
9. Денисов А.Э. Понятие специалиста и формы его участия в уголовном процессе // Образование и право. 2010. № 3.
10. Бишманов Б.М. Эксперт и специалист в уголовном судопроизводстве. М., 2004.
11. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2021.

© Денисов С.Л., 2023

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ДОКАЗЫВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ КОНТРОЛЯ И ЗАПИСИ ПЕРЕГОВОРОВ

Джелали Т.И.

Доцент кафедры уголовного процесса Ростовского юридического
института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Развитие информационных технологий не могло не сказаться на использовании их лицами при совершении преступлений. Это в свою очередь потребовало от правоохранительных органов адекватных мер, направленных на получение необходимой информации, используемой для раскрытия и расследования преступлений. Использование достижений технического прогресса, в том числе осуществление контроля и записи переговоров, предполагает вмешательство в сферу частной жизни человека и посягает на гарантированные Конституцией Российской Федерации права.

Контроль и запись телефонных и иных переговоров, особенно на первоначальном этапе своего существования, вызвало немало дискуссий вокруг себя. Один из противников этого следственного действия отмечал, что «недопустимо расширять круг источников доказательств за счет ограничения конституционных прав личности. Легализация изъятий из тайны телефонных переговоров, возможно, в отдельных случаях позволит следственным органам заполучить какие-то сведения, но никому не удастся объяснить, почему на протяжении десятилетий следственная и судебная практика прекрасно обходились без такого вида доказательств» [1, с. 55]. Однако авторы, поддерживающие данную точку зрения, в то время еще не могли предвидеть возможности технического прогресса, которые будут использоваться как для совершения преступлений, так и в ходе борьбы с лицами, совершающими такого рода преступления. Между тем это следственное действие неоднократно в последующем доказало свою эффективность как средство борьбы

особенно с преступлениями, совершаемыми хорошо организованными преступными группами, террористической направленности.

В отличие от других следственных действий, которые многократно апробировались на практике, контроль и запись переговоров не имеет устоявшейся регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве,

Между тем сведения, полученные в результате контроля и записи переговоров, играют важную роль для дальнейшего планирования расследования, способствуют выдвижению версий, выявлению и обнаружению скрывающихся лиц, установлению соучастников преступления и т. п.

Кроме того, полученная информация позволяет следователю определить мотивы дачи ложных показаний подозреваемого или обвиняемого, установить их преступные связи, роли в преступной группе.

При наличии сведений об оказании противодействия расследованию подозреваемым или обвиняемым они могут быть использованы судом для решения вопроса об избрании или изменении в отношении них меры пресечения.

Полученные следователем сведения могут, в свою очередь, способствовать розыску подозреваемого. При этом следователь может определить места возможного появления подозреваемого, способствовать явке с повинной с помощью лиц, пользующихся у подозреваемого авторитетом. Либо же следователь может создать ситуацию, при которой подозреваемый будет вынужден появиться в определенном месте, выбранном следователем, или же склонить соучастников к оказанию помощи по розыску подозреваемого.

Результаты рассматриваемого следственного действия могут быть использованы при проведении допросов участников уголовного процесса для изобличения их в даче ложных показаний, а также при производстве судебной экспертизы для идентификации лица по голосу.

Полученная информация способна помочь выявить особенности личности, которые позволят применить к допрашиваемому лицу наиболее эффективные тактические приемы допроса. С помощью полученных сведений возможно предотвратить сговор с соучастниками, запугивание потерпевших.

При рассмотрении вопроса о допустимости полученных сведений в качестве источника доказательств необходимо отметить, что современные компьютерные технологии способны изменять содержание полученных аудиозаписей, выполненных в электронном формате, в связи с чем проверка допустимости использования полученных данных в качестве доказательств значительно затрудняется [2, с. 24].

Таким образом, результаты, полученные в ходе производства контроля и записи переговоров, могут непосредственно использоваться в процессе доказывания в качестве самостоятельного источника доказательств, причем использоваться может как сама фонограмма, так и протокол, составленный по итогу ее осмотра и прослушивания. Полученные сведения могут быть информационного характера либо содержать непосредственные сведения о событии преступления и причастных к нему лиц. В любом случае совокупность данных сведений способствует накоплению доказательственной базы по расследуемому уголовному делу.

Одним из основополагающих принципов при расследовании уголовного дела является принцип законности, закрепленный в ст. 7 УПК РФ. В соответствии с п. 3 указанной статьи в случае нарушения следователем требований Уголовно-процессуального кодекса в ходе уголовного судопроизводства полученные таким путем доказательства будут признаны недопустимыми, т. е. они не будут иметь юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения.

Согласно п. 14.1 ст. 5 УПК РФ контроль телефонных и иных переговоров – это прослушивание и запись переговоров путем использования любых средств коммуникации, осмотр и прослушивание фонограмм. Законодатель попытался регламентировать также процедуру производства этого следственного действия, между тем вопросы, требующие рассмотрения, остаются.

Контроль и запись переговоров затрагивает сферу частной жизни человека, поэтому для их осуществления требуется решение суда.

Согласно ч. 3 ст. 165 УПК РФ в судебном заседании по рассмотрению ходатайства о проведении следственного действия вправе участвовать прокурор, следователь и дознаватель. Законодатель

предусмотрел данное ограничение круга лиц для сохранения в тайне факта проведения следственного действия.

Но является ли такая мера достаточной? В соответствии с п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с конституционным ограничением прав граждан (ст. 165 УПК РФ)» ходатайство о производстве следственного действия рассматривается в открытом судебном заседании, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 241 УПК РФ [3]. Из анализа положений указанных нормативных актов следует, что рассмотрение постановления следователя о возбуждении ходатайства перед судом о производстве контроля и записи переговоров ведется в открытом судебном заседании.

Таким образом, у стороны защиты имеется юридическая возможность присутствовать на судебном заседании, что приведет к нецелесообразности проведения следственного действия в целом и контроля и записи переговоров в частности. В связи с этим считаем необходимым дополнить случаи, по которым может проводиться закрытое судебное заседание (ч. 2 ст. 241 УПК РФ), рассмотрением судом ходатайства следователя о проведении следственного действия.

Предлагаемое нами решение позволит также однозначно решить проблему, когда осужденный подает жалобу на принятие решения судом о контроле и записи переговоров в отношении него, без его участия.

Так, Ш. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, т. е. в незаконном сбыте наркотических средств, совершенном организованной группой в крупном размере. Доказательствами вины Ш. в числе прочих являлась фонограмма, содержащая записи его телефонных переговоров с соучастниками преступления. В своей жалобе осужденный Ш. указал, что решение о производстве контроля и записи вынесено без его участия. Однако суд жалобу Ш. оставил без удовлетворения и разъяснил, что в соответствии со ст. 165 УПК РФ ходатайство о проведении следственного действия рассматривалось единолично судьей районного суда. В связи с тем, что контроль и запись переговоров имеет конфиденциальный

характер, участие обвиняемого при рассмотрении ходатайства следователя в этом случае не является обязательным [4].

В соответствии с ч. 5 ст. 186 УПК РФ максимальный срок проведения контроля и записи переговоров составляет 6 месяцев. В связи с этим возникает ряд вопросов. Например, когда контроль и запись телефонных переговоров были проведены, но положительных результатов не дали. Возможно ли его повторное проведение? Этот вопрос законодателем не регламентирован, но, как представляется, контроль и запись телефонных и иных переговоров может проводиться повторно, если изначально он был осуществлен некачественно или не был получен ожидаемый результат. Повторное проведение контроля и записи переговоров может применяться как эффективный тактический прием. Например, подозреваемому или обвиняемому по окончании первичного контроля и записи стало известно о его проведении, и они начнут общаться по телефону более открыто, уже не подозревая о том, что их могут повторно прослушивать. При этом общий срок производства следственного действия не должен превышать предельного срока – 6 месяцев.

Особенность контроля и записи переговоров заключается в том, что данное следственное следствие осуществляется не самим следователем, а оперативными подразделениями, которые предоставляют полученные результаты следователю. Однако не исключены случаи, когда полученная следователем информация непосредственно в момент ее сообщения побудит его к осуществлению определенных действий. В связи с этим целесообразным видится наделение следователя правом присутствовать при производстве прослушивания и записи переговоров.

В заключение следует сказать, что нами отмечена небольшая часть проблем, связанных с осуществлением контроля и записи телефонных и иных переговоров в практической деятельности. Неудачные законодательные формулировки, их неоднозначная трактовка правоприменителями серьезно усложняют процесс проведения рассматриваемого следственного действия, затрудняя расследование уголовного дела в целом.

Литература

1. Савицкий В.М. Правосудие и личность // Советское государство и право. 2001. № 5.
2. Пугачев Е.В. Проблемы соотношения результатов прослушивания телефонных переговоров и контроля и записи телефонных и иных переговоров в процессе доказывания по уголовным делам // Адвокатская практика. 2019. № 3.
3. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Дело № 48-О11-85 [Электронный ресурс]. URL: <https://dogovor-urist.ru/> (дата обращения 20. 10. 2022)

© Джелали Т.И., 2023

УДК 343.12

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЖИЛИЩА В РАМКАХ ПРОВЕДЕНИЯ НЕКОТОРЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Девятовская С.В.

Преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

Пирогова Е.Н.

Старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Волгодонского филиала Ростовского юридического института
МВД России

Статья 25 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому неприкосновенность жилья или другого владения. Так, согласно этой статье, не допускается проникновение в жилище или другое владение лица,

проведение в них осмотра или обыска иначе как по мотивированному решению суда. В неотложных случаях, связанных со спасением жизни людей и имущества либо с непосредственным преследованием лиц, которые подозреваются в совершении преступления, возможен иной, установленный законом, порядок проникновения в жилище или другое владение лица, проведение в них осмотра и обыска [1, с. 372].

Сегодня данное конституционное право призвано обеспечивать свободу личности от незаконных вторжений любых субъектов в ее жилье, сферу личной жизни и гарантируется лицу независимо от того, является он гражданином Российской Федерации, иностранцем или лицом без гражданства. Для этого существует определенная нормативно-правовая база.

Сегодня неприкосновенность жилища – право, которым пользуются и обязаны придерживаться все, включая субъекты уголовного производства, кроме случаев, когда в жилище проводятся обыски, выемки, осмотры, а также налагается арест на имущество обвиняемого. В этих случаях закон допускает вхождение в жилище лиц, производящих дознание, следователей и прокуроров вопреки воле граждан, проживающих в нем, и проведение в жилище соответствующих следственных действий.

Например, И. Фарбер рассматривал это право, как одну из возможностей обеспечения неприкосновенности личности, а Л.А. Красавчикова – как возможность обеспечения конституционного права на неприкосновенность личной и семейной жизни [2, с. 63]. Некоторые авторы право на неприкосновенность жилища сводят лишь к проблеме краж и повреждения имущества в нем.

В уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) проблема неприкосновенности жилища и другого владения лица рассматривается только с позиции обыска, осмотра и выемки, т. е. конкретных процессуальных действий. В связи с этим должен быть установлен порядок получения соответствующих разрешений на проведение этих следственных и оперативно-розыскных действий в жилище и ином владении лица, а также сам порядок их проведения.

Наибольший риск ограничения конституционных прав и свобод личности возникает в результате неправильной трактовки УПК РФ, т. к. в законе нет перечня таких неотложных случаев, связанных с неприкосно-

венностью жилища, хотя на практике обыски без мотивированного решения суда проводятся довольно часто. Такое положение вещей оставляет широкий простор для нарушения права на неприкосновенность жилища или иного владения лица и чтобы этого не допустить, стоит определить элементы обеспечения права человека на неприкосновенность жилища, которыми являются [3, с. 142]:

1) уголовно-правовые гарантии (за нарушение неприкосновенности жилища лица предусмотрена уголовная ответственность);

2) уголовно-процессуальные гарантии: УПК РФ определены основания проведения обыска, время проведения обыска и выемки, лица, в присутствии которых должны проводиться обыск и выемка, требования к протоколу обыска и выемки и другие. Нарушение процессуальных требований, изложенных в указанных статьях, является прямым нарушением прав человека и влечет юридическую ответственность.

Таким образом, можно сказать, что одной из главных задач правового государства является защита и эффективная реализация права на неприкосновенность жилья или другого владения лица, которое является неотъемлемым элементом личной свободы человека, поэтому на законодательном уровне оно определяется как общая и важная основа уголовного права, а также включает в себя неприкосновенность частной и семейной жизни, предусматривает более широкие права личности и в уголовном процессуальном аспекте более широкое понятие жилья и другого владения лица, чем это определено в гражданском и жилищном праве.

Поэтому необходимо знать свои права, не позволять их нарушать, а при любом ограничении права на неприкосновенность жилища – активно реагировать, обращаясь к полиции и суду, чтобы не допустить нарушения в отношении себя или других лиц в будущем.

Законодательством предусмотрены основания и порядок ограничения неприкосновенности жилища и к ним можно отнести: ст. 5 Федерального закона от 12.08.1995. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»; ст. 15 Федерального закона от 07.02.2021. № 3-ФЗ «О полиции» [4].

Однако, самое простое основание – это основание, предусмотренное ч. 1 ст. 12 УПК РФ, когда осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения,

за исключением случаев, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Для того, чтобы осуществить следственные действия в жилище граждан, необходимо подготовить материалы уголовного дела (оперативного дела) для суда, по основаниям которых судья сможет вынести мотивированное постановление о разрешении (либо об отказе) провести оперативно-розыскные или следственные действия, связанные с проникновением в жилище. Такие материалы должны рассматриваться судьей незамедлительно

Существуют такие случаи, когда нарушить неприкосновенность жилого или иного помещения гражданина, просто необходимо, когда это не терпит отлагательств. Данные действия производятся на основании постановления следователя (дознателя) без получения судебного решения, но в течение 24 часов с момента производства следственного действия уведомляет судью и прокурора, с приложением копий документов составленных во время следственного действия. По результатам судья принимает решение о законности проведенных следственных действий [5].

Исследование состояния нормативно-правового регулирования проведения обыска, выемки и осмотра в жилище или ином владении лица позволило прийти к выводу, что фактические и формально-правовые основания, а также процессуальный порядок производства следственных действий в жилище или ином владении лица обеспечивают недопущение необоснованного вторжения органов досудебного расследования, прокуратуры, суда в сферу личной (частной) жизни граждан, осуществление незаконных проникновений в жилище или другое владение лица. Обыск, выемка и осмотр в жилище или ином владении лица, согласно законодательству Российской Федерации, принадлежат к числу тех следственных действий, на проведение которых требуется получать разрешение суда, однако порядок его получения законом не определен.

На основании анализа положений действующего законодательства относительно полномочий органа дознания, следователя, прокурора, судьи выяснены границы их компетенции в ограничении права лица на неприкосновенность жилья или другого владения. Мы приходим к выводу о необходимости установления судебного контроля за законностью и обоснованностью проникновения в жилище или другое владение лица, совершенного в неотложных случаях, а также решения вопроса о признании

недопустимыми тех доказательств, которые были получены во время такого проникновения в случае признания его незаконным, и восстановлении нарушенного субъективного права.

Характеризуя законность и обоснованность решений следователя и судьи о проведении обыска, выемки и осмотра в жилище или ином владении лица, автор отмечает, что полномочия следователя и судьи в сфере ограничения права лица на неприкосновенность жилья или другого владения реализуются ими (каждым в пределах своей компетенции) при подготовке и принятии соответствующих решений относительно составления постановления о проведении обыска, выемки и осмотра в жилище или ином владении лица, выражении согласия на него, его рассмотрении и разрешении. Все эти решения должны быть законными и обоснованными, а решение судьи о проведении соответствующего следственного действия или об отказе в его проведении – мотивированным. При этом следует учитывать, что законность решения следователя, судьи – одна из важных правовых свойств процессуального решения, что означает его полное и точное соответствие (по содержанию и по форме) требованиям закона и правильное применение норм материального права при его вынесении; обоснованность процессуального решения означает соответствие выводов, сформулированных в решении и изложенных в логической последовательности, фактам объективной действительности, которые установлены необходимой и достаточной совокупностью доказательств, полученных из предусмотренных законом источников; мотивация процессуального решения – это не только совокупность мотивов, доводов, которые приводятся для обоснования принятого решения, но и определенный способ приведения этих мотивов в строгой последовательной системе, что исключает любые противоречия между ними.

Литература

1. Терентьева М.С. Проблемы реализации положений ст. 25 Конституции РФ в современном уголовно-процессуальном законодательстве // Проблемы обеспечения национальной безопасности в контексте изменения геополитической ситуации: сб. Междунар. научно-практ. конф. Иркутск, 2017.

2. Красавчикова Л.А. Личная жизнь граждан под охраной закона. М., 1983.

3. Борец Т. Обеспечение конституционных прав и свобод личности при проведении обыска в жилище или ином владении лица // Предпринимательство, хозяйство и право. 2006. № 9.

4. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.03.2021). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Закиров С.Г. Судебная практика о преступлениях, связанных с незаконным проникновением в жилище (ст. 139 УК РФ) // Вестник научных трудов «Юристь». 2018.

© Девятковская С.В., Пирогова Е.Н., 2023

УДК 343.12

НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О СОВЕРШЕННОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ

Диденко Н.С.

Начальник кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Торовков А.А.

Старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Барнаульского юридического института МВД России

Многие ученые-процессуалисты единодушно отмечают, что самое ключевое значение для полного, всестороннего и объективного расследования уголовного дела имеет своевременное получение информации о совершенном и готовящемся преступлении, которая подлежит тщательной

проверке в ходе рассмотрения сообщения о преступлении. Можно сказать, что проверка данной информации является основополагающей для дальнейшего расследования дела.

Несмотря на то что уголовно-процессуальное законодательство не закрепляет процедуру (параметры) проверки сообщения о преступлении, на основе практики можно сформулировать единый алгоритм, по которому зачастую действуют уполномоченные лица.

В первую очередь после регистрации сообщения устанавливается место происшествия, на которое указывают данные. Проверяются сведения об обстоятельствах подлежащего исследованию события, анализируется в совокупности вся информация, указанная в сообщении, а при ее подтверждении выясняются первичные обстоятельства совершенного преступления. При возможности предпринимаются меры по поиску и задержанию виновного лица по горячим следам. Далее строятся первичные версии о характере совершенного деяния, его мнимости или реальности, а также о возможных лицах, которые могут быть причастны к этому.

В дальнейшем при подтверждении информации о совершенном преступлении уполномоченное лицо возбуждает уголовное дело и инициирует уголовное расследование по данному факту.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ в ст. 140 устанавливает, что для возбуждения уголовного дела необходимо наличие основания, а именно достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Однако не всегда в первичной информации можно проследить все признаки преступления: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона. Поэтому нельзя прямо трактовать данную норму.

Немаловажно отметить, что при проверке сообщения о преступлении нет необходимости выяснять все признаки (стороны) преступления. Отсутствие сведений, например, о субъекте преступления не исключает самого факта совершения преступления. Наоборот, в таком случае это может послужить поводом возбудить уголовное дело.

При проверке сообщения о преступлении достаточно доказать его противоправность, общественную опасность и наказуемость. Только в таком случае присутствует факт совершения преступления и возникает необходимость возбуждения уголовного дела [1, с. 35].

Однако в данном случае наказуемость выступает как отношение к определенному лицу, чего на стадии предварительной проверки быть не должно. Поэтому данное обстоятельство можно сформулировать следующим образом: наличие установленного уголовным законодательством возможного наказания лица, виновность которого будет доказана.

Всестороннее установление всех признаков преступления является первоочередной задачей предварительного расследования. Только после производства всех следственных действий можно говорить о виновности лица, а соответственно, и полноте исследования всех признаков преступления [2].

По нашему мнению, при проверке сообщения о преступлении целесообразнее использовать такое понятие, как «выявление преступления», что подразумевает под собой:

- исследуемое событие реально, т. е. имело место в действительности;
- деяние содержит признаки состава преступления, которое предусмотрено Уголовным кодексом РФ.

Данные обстоятельства в совокупности являются основанием для возбуждения уголовного дела, однако уголовный процесс начинается со стадии проверки сообщения о преступлении. Поэтому следует различать понятия основания начала уголовного процесса и возбуждения уголовного дела. Так, уголовный процесс начинается с получения сообщения о подготавливаемом или совершенном преступлении и его проверки [3, с. 69].

На любой стадии уголовного процесса данные, которыми обладает должностное лицо, оцениваются по его внутренним убеждениям. Поэтому и достаточность полученной информации для инициирования уголовного расследования определяется тем лицом, которое уполномочено проводить проверку первичных сведений. Однако в дальнейшем материалы подвергаются проверке со стороны вышестоящих лиц и контролирующих органов. Если уголовное дело будет возбуждено с недостаточным обоснованием, это будет грубой процессуальной ошибкой и нарушением прав лиц, которые были вовлечены в расследование.

Таким образом, достаточность данных предполагает такую их совокупность, которая позволит объективно и обоснованно усмотреть в полученной информации признаки преступления.

Из этого можно сделать вывод, что основанием уголовного процесса и процесса проверки сообщения о преступлении является поступившая информация о подготавливаемом или совершенном преступлении, проверка которой проводится в дальнейшем. На основе исследования всех фактов события уполномоченное лицо выносит решение, присутствуют ли в полученной информации признаки преступления или же признаки такового отсутствуют.

Следует сказать, что в некоторых случаях уголовное дело возбуждается без предварительной проверки. Это происходит в случае, если сотрудники органов внутренних дел могут возбудить уголовное дело без дополнительного исследования и поиска следов преступления.

Например, в случае если обнаружено тело с ранением от огнестрельного оружия. В таком случае очевидно, что было совершено преступление, заводится уголовное дело, и только потом в ходе предварительного расследования выясняются все обстоятельства совершенного события.

Однако в большинстве случаев проверка сообщения о преступлении необходима как гарантия законности дальнейшего расследования уголовного дела.

Литература

1. Белозеров Ю.Н. Законность и обоснованность возбуждения уголовных дел органами внутренних дел. М., 1988.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.03.2022). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Бобров В.К. Стадия возбуждения уголовного дела: учебное пособие. М., 1997.

© Диденко Н.С., Торовков А.А., 2023

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С УЧАСТИЕМ ЛИЦ, СТРАДАЮЩИХ НАРУШЕНИЯМИ СЛУХА

Н.С. Диденко

Начальник кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Н.А. Вакуленко

Начальник кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

В настоящее время защита прав и законных интересов лиц с ограниченными возможностями, либо страдающих теми или иными хроническими заболеваниями, является приоритетной задачей любого развитого государства.

В 2010 г. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию о правах инвалидов, согласно которой они имеют право наравне с другими гражданами нашей страны на признание и поддержку их особой культурной и языковой самобытности, включая жестовый язык и культуру глухих. В 2014 г. Государственной думой Российской Федерации был принят закон, повышающий статус русского жестового языка. Жестовый язык приобрел статус государственного языка.

Летом 2020 г. на общероссийском голосовании в Конституцию Российской Федерации были внесены поправки, которые закрепили, ряд положений, касающихся социальной защиты инвалидов. В первую очередь они основываются на полном и равном осуществлении лицами с ограниченными возможностями своих прав и недопустимости какой-либо дискриминации, об этом говорил Президент Владимир Путин на встрече с инвалидами и представителями общественных организаций [1].

Интересным фактом может служить то, что по распространенности заболевания слухового аппарата находятся на третьем месте после заболеваний сердечно-сосудистой системы и артритов.

В настоящее время в мире, около 466 млн человек страдают тугоухостью, из них 34 млн – это дети, а к 2050 г. их число может увеличиться вдвое [2]. По данным Минздрава, на данный момент в России около 200 тыс. граждан имеют инвалидность, полученную в связи с нарушениями слуха [3].

Сурдопереводчик – это одна из самых сложных, редких и в тоже время одна из самых востребованных профессий. В России жестовым языком пользуются, по некоторым оценкам, около 120,5 тыс. человек. Лишь в 1992 г. профессия сурдопереводчика была признана полноценной специальностью.

Люди, имеющие проблемы со слухом, фактически становятся «иностранцами с российским гражданством». Любая экстремальная ситуация, которая для обычного человека не вызовет каких-либо трудностей, для лица с ограниченными возможностями создаст огромное количество проблем, в первую очередь коммуникативных. Глухой не может позвонить в экстренные службы и сообщить о той либо иной произошедшей чрезвычайной ситуации, а смс-сообщения экстренные службы не принимают. Вследствие этого возникает ряд проблем, когда сотрудники правоохранительных органов не владеют азами общения с глухими. Имели место случаи, когда глухонемого задерживали за совершение преступления, ввиду непонимания им происходящего и невозможности оправдаться. Но есть и обратная сторона. А именно случаи, когда такие лица, прикрываясь своим состоянием и рассчитывая на сочувствие и безнаказанность, объединялись в банды с целью совершения преступлений. Стоит отметить, что довольно часто глухонемых можно встретить в рядах элиты преступного мира, а именно воров-карманников. К примеру, на оживленной улице или в многолюдном месте глухонемые устраивают «ссору». Пока прохожие следят за происходящим, а именно активной жестикуляцией и мимикой, их подельники успевают совершать кражи личных вещей из карманов и сумок.

В 2010 г. в Республике Беларусь имел место случай, когда фигурантом уголовного дела стала женщина с 25 стажем, имела безупречную

репутацию и не раз выступала в качестве переводчика. Она являлась сотрудником Белорусского общества глухонемых и присутствовала при производстве допроса в качестве сурдопереводчика по обвинению гражданина Белоруссии и гражданина Израиля, обвиняемых в «торговле людьми» и «использовании занятия проституцией». Стоит отметить, что она являлась как переводчиком обвиняемых, так и потерпевшей. В ходе производства предварительного расследования следователи заподозрили что-то неладное и привлекли второго сурдопереводчика. После этого стало понятно, что женщина неверно переводила слова потерпевшей, пыталась на нее воздействовать, спрашивала, почему она сообщала именно эту информацию, давала советы. В дальнейшем потерпевшая призналась, что сурдопереводчик сначала правильно переводила ее слова, а потом жестами показывала, что нужно отвечать и какие давать показания. Сурдопереводчик прекрасно понимала, на что шла. Она была предупреждена об уголовной ответственности за заведомо ложный перевод. Впрочем, она и сама не отрицает, что сболтнула лишнее. С ее слов, она просто хотела помочь обвиняемым выстроить линию защиты, ввиду того что сильно переживает за глухих, т. к. сама является дочерью глухих родителей.

В статье предпринята попытка обозначить проблемы, возникающие у правоприменителей в ходе производства предварительного расследования.

В 2016 г. вступил в силу Приказ МВД России и Министерства образования и науки РФ «Об объеме владения навыками русского жестового языка сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, замещающими отдельные должности в органах внутренних дел Российской Федерации», нормы которого установили объем владения навыками русского жестового языка сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации. Безусловно, данная инициатива представляется положительной, но в реалии обучить весь личный состав органов внутренних дел, хотя бы азам жестового языка нам представляется невозможным. Но необходимо в каждом районном или как минимум региональном управлении внутренних дел иметь одного-двух офицеров либо сержантов, владеющих языком жестов.

В соответствии со ст. 59 УПК РФ [4] переводчиком признается лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях,

предусмотренных УПК РФ, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода, т. е. наличие определенного образования либо прохождения определенных обучающих курсов не требуется. В то же время сурдопереводчик (от фр. *sourd* – глухой) – лицо, владеющее жестовым языком и осуществляющее перевод на жестовый язык с какого-либо национального языка или наоборот. В мире насчитывается несколько десятков жестовых языков и их диалектов.

В современной России сурдоперевод является разновидностью дипломированной профессиональной деятельности, право на осуществление, которой предоставляет государственный диплом о среднем профессиональном образовании по специальности 39.02.02 «Организация сурдокоммуникации», утвержденного Приказом Министерства образования и науки РФ от 12.05.2014 № 507 [5]. Данный правовой акт содержит в себе требования, предъявляемые к сурдопереводчику в части касающейся требований к уровню его подготовки, компетенции, навыкам и умениям, ввиду чего для приобретения данного статуса необходимо наличие определенного образования либо прохождение курсов жестового языка.

Установление коммуникации между следователем и лицом с нарушенной функцией слуха посредством сурдолингвистической помощи только одного переводчика далеко не всегда дает максимально позитивные результаты. Конечно же, основная масса данных лиц готова общаться со следователем напрямую, путем «переписки», то есть давать ответы на вопросы в письменной форме, на вопросы, также отраженные допрашивающим на бумаге, без помощи переводчика [6, с. 82]. Но в любом случае его участие должно быть обязательным, как это предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством.

Возникает вопрос, имеются ли нарушения со стороны следователя, если «ввиду отсутствия возможности привлечения к участию в следственном действии сурдопереводчика следователь задавал вопросы свидетелю в письменном виде (следователь писал вопрос на листочке, а свидетель письменно отвечал), а после допроса свидетель ознакомился с протоколом и подписал его. Представляется, что ответ очевиден: согласно п. 2 ст. 189 УПК РФ следователь вправе выбрать любую тактику допроса. Лицо, проводящее предварительное расследование, в ходе допроса или непосредственно

после его окончания составляет протокол, который должен соответствовать нормам ст. 166 УПК РФ. Но в данном конкретном случае считаем обязательным применение видеосъемки и участие адвоката в случае допроса подозреваемого (обвиняемого) лица, являющегося глухим.

Подытоживая вышесказанное, мы смогли прийти к следующим выводам.

В настоящее время оснащенность правоохранительных органов техническими средствами, в том числе средствами видеофиксации, позволяет беспрепятственно их использовать с целью полного исключения риска допущения ошибки перевода при осуществлении сурдолингвистической коммуникации в процессе производства тех или иных следственных действий.

Безусловно, применение средств фото-, видеофиксации при производстве процессуальных действий с участием лиц, страдающих заболеваниями слухового аппарата, будет ограждать от ошибок, которые могут возникнуть в случае недобросовестного отношения переводчика к исполнению своей функции, и, безусловно, повысит его ответственность за качество осуществляемого перевода.

Также нам представляется необходимым законодательное закрепление того, что в качестве сурдопереводчика при производстве следственных и иных процессуальных действий могут привлекаться лишь лица, имеющие диплом о среднем профессиональном образовании по специальности 39.02.02 «Организация сурдокоммуникации», утвержденный Приказом Министерства образования и науки РФ от 12.05.2014 № 507, т. е. для приобретения статуса сурдопереводчика необходимо наличие определенного образования либо прохождение курсов жестового языка.

И последнее. Поскольку сурдоперевод кардинально отличается от обычной переводческой деятельности и предполагает наличие у переводчика определенных специальных навыков, моральных и интеллектуальных усилий, предлагаем внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство, а именно ч. 2 ст. 187 УПК РФ в части сокращения времени непрерывного продолжения допроса с участием переводчика до 2 часов, для чего изложить ч. 2 ст. 187 УПК РФ, следующим образом:

«Допрос не может длиться непрерывно более 4 часов, а в случае, если в его производстве участвует переводчик (сурдопереводчик), – более 2 часов».

Литература

1. [Электронный ресурс]. URL: <http://prezident.org/video/video-so-vstrechi-putina-s-predstaviteljamiobschestvennyh-organizacii-invalidov-3-dekabrja-2020-god.html> (дата обращения: 04.12.2020 г.)

2. Глухота и потеря слуха [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/deafness-and-hearing-loss> (дата обращения: 04.12.2020 г.)

3. Статистические материалы [Электронный ресурс]. URL: [url: https://minzdrav.gov.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/statisticheskie-i-informatsionny-ematerialy/statisticheskie-materialy](https://minzdrav.gov.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/statisticheskie-i-informatsionny-ematerialy/statisticheskie-materialy) (дата обращения: 04.12.2020).

4. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 39.02.02 «Организация сурдокоммуникации»: приказ Министерства образования и науки РФ от 12 мая 2014 г. № 507. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Кузнецов О.Ю. Сурдопереводчик в системе российского процессуального права: особенности судопроизводства по делам с участием лиц с нарушением функции слуха // Вестник Международного юридического института при Министерстве юстиции Российской Федерации. 2009. № 3(31).

© Диденко Н.С., Вакуленко Н.А., 2023

ОШИБКИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАК ФАКТОР, СНИЖАЮЩИЙ ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Ищенко Д.П.

Доцент кафедры уголовного процесса Ростовского филиала
Санкт-Петербургской академии Следственного комитета
Российской Федерации, кандидат юридических наук

Борьба с преступностью остается актуальным и важным направлением деятельности государственных органов, особенно правоохранительных. Одним из основных и первостепенных постулатов указанной деятельности является соблюдение прав, свобод и интересов личности.

В то же время в практической правоохранительной деятельности, в частности субъектами, осуществляющими предварительное расследование по уголовным делам, допускаются ошибки как в форме нарушений, недочетов, так и деяний, ответственность за которые предусмотрена уголовным законом РФ. Соответственно, ошибки, допускаемые на досудебной и судебной стадии уголовного процесса, представляют собой отклонения в форме нарушений принципа законности, и как следствие допущенной ошибки наступает негативный результат.

Ошибки, допускаемые в ходе предварительного расследования, являются распространенным явлением, которое негативно влияет на качество расследования, они выступают существенным препятствием на пути к достижению назначения уголовного судопроизводства [1, с. 160–161].

Для нейтрализации данных явлений и недопущения самой возможности появления ошибок в ходе предварительного расследования на постоянной основе принимаются организационные, практические меры и, конечно, необходимые законодательные инициативы.

В том и отличие правового государства, что правовые основы (источники) непрерывно совершенствуются, изменяются и дополняются,

в том числе с целью повышения качества и оптимизации работы правоохранительной деятельности [2, с. 121–125]. Приоритетными и важнейшими направлениями указанных изменений правового регулирования является совершенствование организации деятельности государственных органов, которые в силу принадлежащих им полномочий осуществляют предварительное расследование [3, с. 70–76]. В связи этим постоянно вырабатывается новая и совершенствуется действующая правоприменительная практика как для обеспечения неотвратимости наступления наказания для лица, совершившего преступление, так и для обеспечения гарантий соблюдения прав и свобод человека и гражданина, неукоснительного соблюдения принципа законности.

Потребность в снижении уровня опасности и минимизации количества ошибок, совершаемых в ходе досудебного производства, в том числе с целью соблюдения принципа разумности срока расследования, допустимости доказательств, приобщенных к материалам дела, свидетельствует о необходимости исследования правовой природы и сущности следственных (досудебных) ошибок, а также формирования правовых механизмов и их компонентов, способов их выявления, устранения и профилактики.

Законно организованная уголовно-процессуальная деятельность должна всецело отвечать требованию принципа законности, закрепленного в ст. 7 УПК РФ [4]. Также необходимо озвучить распространенное мнение, что под преследуемым результатом соблюдения закона во время уголовного судопроизводства должна выступать объективная истина. Отметим уже имевшиеся законодательные инициативы для устранения неполноты предварительного расследования путем законодательного закрепления определения «объективная истина». Важно, что до настоящего времени данные инициативы не были реализованы, однако такая возможность не исключена [5].

Угроза допускаемых ошибок в уголовном судопроизводстве заключается не только в том, что при их допущении невиновное и не причастное к преступному событию лицо может быть незаконно арестовано, заключено под стражу, осуждено или приговорено к более тяжкому виду наказания [6, с. 161–166], но и наоборот, виновный может избежать привлечения к уголовной ответственности, заключения под стражу, быть

оправданным или иным образом избежать уголовного преследования и наказания.

В словаре русского языка под редакцией С.И. Ожегова указывается, что всякая ошибка представляет собой неправильность, неточность, погрешность, ляпсус, неверный или ложный шаг.

В то же время для обозначения ошибок предварительного следствия широко употребляются термины: упущения предварительного следствия, пробелы предварительного следствия, следственные или процессуальные ошибки.

Следственной ошибке присущи такие два признака:

- ошибка в оценке следователем (дознавателем) своих действий как законных и преследующих цель разрешения задач уголовного судопроизводства;

- существенность наступившего в результате ошибки вреда.

В процессе досудебного производства по уголовному делу возможно совершение различных следственных ошибок, которые могут быть связаны с неполнотой исследования материалов и доказательств по делу, а также с применением норм законодательства.

Причина появления ошибок заключается, прежде всего, в неправомерных действиях должностных лиц органов предварительного расследования, надзирающих органов и судов РФ как физического, так и интеллектуального характера. Соответственно, ошибка – результат (итог) действий (бездействия), которые совершаются неточно либо же неправильно, в нарушение плана, не достигнув поставленных задач.

В данном контексте федеральный законодатель при решении вопроса о распределении бремени доказывания не вправе освободить органы уголовного преследования от обязанности обеспечить лицам, в отношении которых оно осуществляется, вытекающую из ст. 46 Конституции РФ возможность добиваться восстановления своих прав и подтверждения своей невиновности в соответствующих судебных процедурах, исправления возможных ошибок, допущенных при осуществлении уголовного преследования на всех стадиях уголовного процесса (в том числе на самых ранних), а значит, защиты их чести и достоинства, а также охраняемых законных интересов [8].

Данная позиция Конституционного суда РФ недвусмысленно утверждает, что исправление возможных ошибок, допущенных на всех стадиях уголовного процесса, возлагается на органы уголовного преследования, не уточняя конкретных субъектов данной деятельности.

В тоже время неоднократно сформулированная позиция, что допущенные ошибки могут и должны быть выявлены и своевременно устранены и соответственно не исключают возможности последующего судебного производства по уголовному делу, говорит о необходимости выявления и устранения допущенных ошибок на всех стадиях уголовного преследования, при этом не определяет в качестве приоритета обеспечения прав как стороны обвинения, так и защиты.

Следующий факт, который требует внимания в том, что определение понятия ошибки, используемое в теории уголовного процесса, должно основываться на том, что совершение ошибок никак не связано с противоправной деятельностью, т. к. умышленное совершение противоправного действия – «ошибки» свидетельствует о совершении преступного деяния. Следовательно, отличительным признаком ошибки в ходе предварительного следствия являются неумышленные действия следователя либо его добросовестное заблуждение [9, с. 286–289].

Наиболее часто допускаемые следственные ошибки проистекают из:

- отсутствия полного, всестороннего, объективного исследования и рассмотрения всех обстоятельств уголовного дела, его материалов, имеющих значение для расследования;
- несоблюдения, нарушения порядка проведения следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ, положений Конституции РФ, требований УПК РФ, а также иных нормативных актов, устанавливающих права и свободы граждан, ограничение которых возможно только в определенных законом случаях;
- существенных нарушений норм УПК РФ;
- неверного применения норм УК РФ (неправильная квалификация содеянного преступником деяния),
- неверного указания или неполноты установления обстоятельств;
- неустановления смягчающих или же, наоборот, отягчающих наказание;

– неполноты сбора сведений об участниках уголовного судопроизводства и др.

Ошибки могут наступить и в результате тактического риска, который дает возможность следователю (дознавателю), осознавая сомнения в законности своих действий, не имея достаточных формальных на то оснований, поступать именно таким, а не иным образом, например, проведение обыска в случаях, не терпящих отлагательства, задержание лиц, застигнутых на месте совершения преступления [10, с. 52–57]. Важно понимать, что тактический риск должен быть направлен на установление истины по уголовному делу, а не на нейтрализацию возможного противодействия со стороны защитника или подозреваемого (обвиняемого).

Следует отметить, что сама возможность и механизм устранения допущенных следственных ошибок законодательно не регламентированы. Исходя из сложившейся практики, для самого механизма устранения ошибок характерны соответствующие этапы и последовательности действий.

Этапы включают выявление, устранение (исправление), а также пресечение (предупреждение и прогнозирование) ошибок в уголовном судопроизводстве. Соответственно, выявление следственных ошибок не может ограничиваться только обнаружением.

Повышение качества производства предварительного следствия по уголовному делу напрямую зависит от улучшения такой деятельности, как ведомственный и прокурорский надзор, так и судебный контроль. Не следует недооценивать и упускать судебный контроль, его место и роль как полноправного субъекта выявления и предупреждения совершения ошибок.

Полагаем, что законодательная регламентация как самого определения ошибки, допущенной в рамках предварительного расследования и судебного производства, так самой возможности и эффективных механизмов, правовых инструментов, порядка устранения рассматриваемого негативного явления – «ошибки» предварительного расследования позволит избежать разночтений судебной практики и применение закона по аналогии.

Литература

1. Григорьянц Э.С., Вирясова Н.В. Следственная ошибка – существенное препятствие на пути к достижению назначений уголовного судопроизводства // Развитие юридической науки и проблема преодоления пробелов в праве: сб. научных статей по итогам работы IV Междунар. круглого стола. 2019.
2. Ищенко Д.П., Ищенко Г.К. Особенности и перспективы уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних // Уголовно-правовое воздействие как специальная целенаправленная деятельность государства: сб. материалов Всерос. научно-практ. конф. (с международным участием). Тольятти, 2021.
3. Ищенко Д.П., Ищенко Г.К., Шараева Я.А. Актуальные вопросы наложения ареста на имущество в уголовном процессе // Юристы-Правоведь. 2022. № 1(100).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. В УПК РФ могут ввести институт установления объективной истины по уголовному делу [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/news/522579> (дата обращения: 20.10.2022).
6. Девятковская С.В., Ищенко Д.П., Ищенко Г.К. Заглаживание вреда как инструмент достижения социальной пользы // Философия права. 2022. № 1(101).
7. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 20.10.2022).
8. Пункт 2.1 абз. 7 Постановления Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений п. 4 ч. 1 первой ст. 24 и п. 1 ст. 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Уварова И.А. Криминалистическая характеристика следственных ошибок и их причины // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 6.

10. Безручко Е.В. Противодействие должностной преступности мерами криминологического характера в условиях современной реальности // Юрист-Правовед. 2021. № 4(99).

© Ищенко Д.П., 2023

УДК 343.132

**К ВОПРОСУ О РАБОТЕ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ
ПО ПРОВЕРКЕ ОТДЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ ЛИЦ,
В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ПРИМЕНЯЕТСЯ ОСОБЫЙ
ПОРЯДОК ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
(СПЕЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ), ПРИ ПРОВЕДЕНИИ
ОБЫСКОВ**

Какуткин П.Ю.

Преподаватель кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России

Проверка лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам, при проведении следственных действий и неотложных следственных действий, является довольно актуальной проблемой для работников правоохранительных органов. Законодатель дает четкий перечень отдельной категории лиц, в ст. 447 УПК РФ:

1) члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы, депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, депутаты, члены выборного органа местного самоуправления, выборные должностные лица органа местного самоуправления;

2) судьи Конституционного Суда Российской Федерации, судьи федерального суда общей юрисдикции или федерального арбитражного

суда, мировые судьи и судьи конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации, присяжного или арбитражного заседателя в период осуществления им правосудия;

3) Председатель Счетной палаты Российской Федерации, его заместители и аудиторы Счетной палаты Российской Федерации;

4) Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации;

5) Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, а также кандидат в Президенты Российской Федерации;

6) прокурор;

6.1) Председатель Следственного комитета Российской Федерации;

6.2) руководитель следственного органа;

7) следователи;

8) адвокаты;

9) члены избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса;

10) зарегистрированные кандидаты в депутаты Государственной Думы, зарегистрированные кандидаты в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации.

Практические работники называют данную категорию лиц специальными субъектами. Законодатель не дает расшифровку понятия специального субъекта в УПК РФ. Хотелось бы предложить следующую формулировку данного понятия. Специальный субъект – это лицо, обладающее наряду с обязательными признаками субъекта преступления (возраст, вменяемость) также дополнительными признаками, указанными в законе, ограничивающими круг лиц, которые могут нести ответственность за данное общественно опасное деяние [1]. В практических органах сложилась негативная практика по проверке лиц, проживающих в адресе, на наличие лиц, подпадающих под категорию специальных субъектов. Как правило, сотрудники полиции, которым поручается проверка наличия регистрации и проживания специальных субъектов в адресе проведения обыска, не понимают, как проводить указанную проверку. Нередки случаи, когда сотрудники полиции, которые пишут рапорт о проверке, нечетко понимают,

кто такие специальные субъекты. Какого-либо единого специализированного учета данной категории лиц не существует. Не понимая, как выполнить поставленную задачу, сотрудники полиции пишут формальные рапорты о том, что специальные субъекты в адресе не зарегистрированы и не проживают. К указанным рапортам проверок сотрудники полиции, как правило, не прикладывают никаких проверочных материалов, послуживших основанием для написания рапортов. Сотрудники полиции при написании рапортов руководствуются только информацией, полученной от подозреваемых или из конфиденциальных источников. Также очень частой негативной практикой является то, что срок проверки крайне ограничен по времени, так как некоторые следственные действия проводятся при обстоятельствах, не терпящих отлагательств, и сотрудники полиции пишут рапорты о проверке фактически не проводя никаких проверочных мероприятий. Очень многие сотрудники полиции считают проведение проверки какой-то незначительной формальностью и не задумываются о возможных последствиях ненадлежащего исполнения ими своих обязанностей. Следователи и дознаватели на основании полученной из рапортов информации выносят постановления о ходатайстве перед судом о проведении обысков или выносят постановления о проведении неотложных обысков.

Возможными проверочными мероприятиями является выезд в адрес проведения намеченных следственных действий, которые должны быть обязательными. В рамках выезда необходимо проведение зашифрованного опроса соседей и, возможно, жильцов, проживающих в адресе, с целью уточнения информации о лицах, зарегистрированных и проживающих в адресе. Также в ходе выезда будет установлено, существует ли вообще указанный адрес, проживают ли в данном адресе какие-либо лица. Направление запросов в различные организации может помочь при получении различной информации, например, запрос в адресное бюро.

Проверка различных категорий специальных субъектов возможна по различным официальным электронным ресурсам, если их анкетные данные известны.

Список всех членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы РФ приведен на официальном сайте Государственной Думы: <http://duma.gov.ru/duma/deputies/8/>.

Список всех судей Конституционного Суда РФ приведен на официальном сайте Конституционного Суда: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Judges/Pages/default.aspx>.

Список судей федерального, арбитражного и моровых судов приведен на официальном сайте: <https://судьи-России.рф/suds/view/2407>.

Список руководителей и аудиторов приведен на сайте Счетной палаты РФ: <https://ach.gov.ru/structure/>.

Данные уполномоченного по правам человека указаны на сайте: <https://ombudsmanrf.org/> Данные региональных уполномоченных по правам человека указаны на официальных сайтах в субъектах РФ. Например, сайт по Ростовской области: <http://ombudsman.donland.ru/Default.aspx?pageid=51328>.

Данные Президента РФ указаны на официальном сайте администрации Президента: <http://www.kremlin.ru/>. Данные кандидатов в Президенты Российской федерации указаны на официальном сайте Центральной избирательной комиссии: <http://www.cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2018/kandidaty/>.

Данные прокуроров указаны на их официальных сайтах в субъектах РФ. Например, официальный сайт прокуратуры Ростовской области URL-адрес <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf>.

Данные Председателя Следственного комитета РФ указаны на официальном сайте: <https://sledcom.ru/>. Данные руководителей следственных комитетов в регионах указаны на их официальных сайтах в субъектах РФ. Например, официальный сайт Следственного комитета Ростовской области: <https://rostov.sledcom.ru/?page=35>.

Списка действующих следователей в официальном доступе нет. Узнать о том, является ли гражданин следователем, можно только по официальному запросу в соответствующее подразделение. Также данную информацию можно проверить путем опроса соседей.

Список адвокатов приведен в официальном реестре адвокатов России: <https://fek.ru/reestr-advokatov>.

Список членов избирательных комиссий приведен на официальном сайте центральной избирательной комиссии: <https://izbirkom.vybory.pro/>.

Списки зарегистрированных кандидатов в депутаты Государственной Думы и законодательные органы государственной власти субъектов Российской Федерации приведены на сайте Центральной избирательной комиссии: <http://www.cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2018/kandidaty/>.

После проведения проверки необходимо составить подробный рапорт, в котором следует указать, с помощью каких электронных ресурсов проводилась проверка и назвать конкретные URL-адреса сайтов. Также необходимо сообщить, в какие организации были направлены запросы и какие получены ответы. В рапорте также указывается информация, которая получена в ходе проведения опросов. Полученные объяснения, запросы, ответы на запросы обязательно приобщаются к рапорту. Целесообразно также сделать скриншоты с интернет-ресурсов, которые следует приобщить к рапорту о проведении проверки.

Игнорирование сотрудниками полиции своих обязанностей по проверке информации о лицах, проживающих в адресах возможного проведения следственных действий, может привести к нарушению законных интересов граждан. В случае отсутствия полной и объективной информации могут проводиться следственные действия и изыматься документы, вещества и предметы, которые впоследствии могут быть признаны недопустимыми доказательствами. Сотрудники полиции, проводившие формальную проверку и следственные действия, впоследствии могут быть привлечены к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 286 УК РФ. В качестве примера приведем приговор центрального районного суда г. Воронежа от 9 декабря 2019 г. в отношении бывшего следователя Е.С. Новокщенова по делу № 1-317/219, который был осужден по ч. 1 ст. 286 УК РФ к наказанию в виде штрафа в сумме 35 000 рублей [3].

Литература

1. Специальный_субъект_преступления [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 20.10.2022).

2. Приговор центрального районного суда г. Воронежа от 9 декабря 2019 г. в отношении бывшего следователя Новокщенова Е.С. по делу № 1-317/219. [Электронный ресурс]. URL: <http://centralny.vrn.sudrf.ru/> (дата обращения: 20.10.2022).

© Какуткин П.Ю., 2023

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ОЧНОЙ СТАВКИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Кузнецова Е.В.

Адъюнкт адъюнктуры

Уральского юридического института МВД России

Несмотря на то что очная ставка как следственное действие реализуется в уголовном судопроизводстве более 20 лет и регламентирована действующим УПК РФ с момента его принятия, однако проблемы проведения этого следственного действия имеются как на законодательном, так и на практическом уровне.

Анализ следственной и судебной практики показывает, что каждое четвертое уголовное дело содержит в себе протокол очной ставки. Практические сотрудники отмечают, что чаще всего показания допрошенными ранее лицами, подтверждаются, но бывают и исключения (примерно 5 %), когда в ходе проведения очной ставки становятся известны новые обстоятельства по уголовному делу.

Процессуальный порядок проведения очной ставки достаточно подробно регламентирован действующим УПК РФ, однако проблемы по ее реализации имеют место как в теории, законе, так и на практике.

Так, на сегодняшний день среди ученых и практиков распространено такое мнение, что очная ставка уже изжила себя. Так как подозреваемые/обвиняемые по рекомендации защитника при проведении очной ставки отказываются от дачи показаний, а линию защиты уже избирают непосредственно в суде, следовательно, данное следственное действие превращается в допрос одного лица – потерпевшего или свидетеля. Исходя из этого, С. Желтобрюхов полагает, что такое следственное действие нельзя считать очной ставкой либо необходимо совершенствовать права участников данного следственного действия, а именно обязать любого участника, в том числе подозреваемого и обвиняемого, давать показания в случае производства очной ставки [1, с. 56].

Но по мнению С. Желтобрюхова, имеется и противоположная точка зрения. Так, М.В. Балалаева отмечает, что, например, ранее молчавший участник под воздействием изобличающих его показаний может начать давать показания, оправдывая себя. Кроме того, последующий анализ поведения допрашиваемого зафиксированный на видеозаписи, производимой в ходе очной ставки, может предоставить много ценной информации следователю (дознавателю), оперативному уполномоченному полиции и даже психологам [2, с. 200].

Из этого следует, что есть необходимость в эффективности и результативности проведения очной ставки для уголовного судопроизводства.

Также, если учитывать криминалистическую составляющую уголовно-процессуальной деятельности, следует полагать, что при отказе лица от дачи показаний во время проведения очной ставки необходимо использовать такой тактический прием, который даст допрашиваемому лицу понять, что его отказ от дачи показаний дает основания для предположения о причастности и подозрении данного лица в совершении преступления. Такой тактический прием, может повлиять на желание давать показания подозреваемым и обвиняемым.

При регламентации данного следственного действия законодатель в ст. 192 УПК РФ закрепил, что лицо, производящее расследование, вправе провести очную ставку при наличии существенных противоречий [3].

Анализируя данную норму УПК РФ, встает вопрос о том, что же именно понимается под существенными противоречиями? С нашей точки зрения, это противоречия, возникающие в ходе получения показаний от участников уголовного процесса касательно предмета доказывания. В связи с этим, видится необходимость законодательного закрепления понятия «существенные противоречия» применительно к очной ставке, например, прописав в ч. 1 ст. 192 УПК РФ следующую формулировку: «Если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются противоречия по поводу обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ, то следователь вправе провести очную ставку».

Кроме того, отдельные ученые-процессуалисты полагают, что очная ставка необходима не только для устранения противоречий, а также когда, например, два участника уголовного судопроизводства (свидетели) дают

непротиворечивые, но при этом, предположительно, ложные показания. В таком случае необходимо в ст. 192 УПК РФ закрепить следующее: «Следователь вправе провести очную ставку между двумя ранее допрошенными лицами».

Также на сегодняшний день дискуссионным остается вопрос по поводу того, что очная ставка – это обязанность или право следователя. Полагаем, что все-таки производство очной ставки – это право следователя. Поскольку в некоторых случаях, даже при наличии существенных противоречий, проводить очную ставку нецелесообразно. Например, при оказании психологического давления в ходе проведения данного следственного действия одного допрашиваемого лица на другое, в результате которого наступают негативные последствия производства данного следственного действия: лицо, на которое оказывается данное давление, отказывается от дачи показаний или дает другие показания.

Так, например, Следственным комитетом было возбуждено уголовное дело по факту совершения насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетнего мальчика. Следователь, возбуждив уголовное дело, допросил несовершеннолетнего потерпевшего, установил лицо, совершившее преступление, и допросил его в качестве подозреваемого. Затем, установив противоречия в показаниях несовершеннолетнего потерпевшего и подозреваемого, он решил провести очную ставку. При производстве данного следственного действия совместно с подозреваемым принимал участие и его защитник. Следователю не удалось устранить противоречия, более того, несовершеннолетний потерпевший вообще отказался от ранее данных им показаний. Впоследствии было установлено, что несовершеннолетний потерпевший испугался психологического давления подозреваемого и его защитника, а также обстановки во время проведения данного следственного действия [4].

Из этого следует, что очная ставка как следственное действие не всегда может нести положительный результат при расследовании уголовного дела. Следовательно, в ходе проведения такой очной ставки не только не достигнута цель данного следственного действия, но и получены негативные факторы, которые неэффективно повлияют на дальнейшее расследование уголовного дела.

Несмотря на то, что проводить очную ставку или нет – является правом следователя, правоприменительная практика идет по тому пути, что надзорный орган (прокурор) требует без исключения по каждому уголовному делу производство очной ставки с целью обеспечения дальнейшего рассмотрения уголовного дела и поддержания обвинения в суде.

Так, при поступлении такого уголовного дела в суд обвинение будет поддерживать государственный обвинитель (прокурор). В ходе судебного заседания у суда возникает необходимость допросить одного из свидетелей по данному уголовному делу, но реальная возможность его присутствия на данном судебном заседании отсутствует. Тогда у суда имеется возможность огласить показания данного лица, которые зафиксированы в протоколе допроса данного свидетеля в ходе предварительного расследования, но только в том случае, если ни одна из сторон не возражает. Но если какая-то из сторон будет против этого, то показания оглашены быть не могут. Тогда суд может воспользоваться протоколом очной ставки, которая также была проведена при расследовании данного уголовного дела с участием этого лица. Оглашение данных в ходе очной ставки показаний будет законно, так как другой вид доказательства, который следует оценивать как самостоятельно, в совокупности с другими.

Ученый-процессуалист профессор В.В. Кальницкий предлагает применять следующий алгоритм действий если лицо, производящее расследование, считает, что проведение очной ставки не целесообразно, либо это может негативно повлиять на ход расследования уголовного дела:

- необходимо допросить одну сторону;
 - предъявить данные показания другой стороне и ознакомить ее, а также разъяснить право о подаче ходатайства по данному допросу;
 - в случае, если ходатайства будут заявлены, повторно допросить.
- В данном случае такие показания также законно будут оглашены в суде и при несогласии сторон, т. к. у другой стороны в ходе предварительного расследования была реальная возможность опровергнуть данные показания и заявить ходатайства.

Анализируя законодательную регламентацию такого следственного действия, как очная ставка, а также его правоприменительную практику, необходимо отметить, во-первых, что в настоящее время имеются как

теоретические проблемы, которые заключаются в толковании норм уголовно-процессуального закона, так и практические, которые содержат в себе проблемные аспекты порядка проведения данного следственного действия. Во-вторых, требуется четкое понимание понятия «существенные противоречия», а также оснований для производства очной ставки. В-третьих, дать возможность следователю самому определять необходимость целесообразности производства очной ставки, в случаях, когда она будет способствовать эффективности расследования уголовного дела.

Литература

1. Желтобрюхов С. Очная ставка не оправдывает себя как следственное действие // Российская юстиция. 2018. № 1.
2. Балалаева М.В. К вопросу об эффективности производства очной ставки // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения: сб. материалов III Междунар. студенческой научно-практ. конф. 2018.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4. [Электронный ресурс]. URL: <https://ykt.sledcom.ru/news> (дата обращения: 20.10.2022).
5. О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2022).
6. Стельмах В.Ю. Процессуальные, тактические и психологические аспекты производства очной ставки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2(36).

© Кузнецова Е.В., 2023

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЛАСНОСТИ И НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

Кузнецова С.М.

Начальник кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Гласность судебного разбирательства предполагает наличие как минимум трех компонентов: возможность не только знать об итоговых решениях суда, но и наблюдать за ходом судебного процесса; доступ в здание суда и судебное заседание не только участников судебного разбирательства, но и любого человека (публики), а также представителей прессы; свободное получение информации о дате и месте рассматриваемых дел, доведение приговоров и других решений суда до широкого круга общественности.

Гласный процесс – это одновременно процесс непосредственный и устный. Любое отступление от устности и непосредственности ограничивает гласность, даже если уголовное дело рассматривается в открытом судебном заседании.

Пандемия и связанные с ней ограничения вызвали многочисленные вопросы по осуществлению правосудия с соблюдением таких основополагающих условий его производства, как гласность и непосредственность. В указанных условиях возможность внедрения видео-конференц-связи в судебное производство по уголовным делам стала активно обсуждаться учеными-процессуалистами и практиками.

Президиумом Верховного Суда Российской Федерации проделана большая работа по анализу вопросов, возникающих в деятельности судов в связи со сложившейся внештатной ситуацией. В результате их обобщения

были разработаны и утверждены три обзора разъясняющих законодательство и определяющих порядок функционирования судов в данных условиях.

Так, Президиум Верховного Суда РФ дал разъяснение, что проведение полного судебного разбирательства посредством видео-конференц-связи возможно только в период действия ограничительных мер, направленных на недопущение распространения коронавирусной инфекции, по уголовному делу, требующему безотлагательного рассмотрения. Это позволит обеспечить личное участие и соблюдение процессуальных прав подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, потерпевшего, а также даст возможность следить за ходом судебного процесса, видеть и слышать участников судебного заседания, задавать им вопросы, быть заслушанным сторонами и судом [2; 3]. Данное разъяснение основывалось на ранее принятом решении Европейского Суда по правам человека, согласно которому, использование в ходе судебного разбирательства системы видео-конференц-связи не противоречит понятию справедливого и публичного слушания дела при условии, что подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, находящиеся под стражей и участвующие в судебном заседании, имеют возможность следить за ходом судебного процесса, видеть и слышать участников процесса, а также быть заслушанными сторонами и судьей беспрепятственно [1].

Таким образом, судебная практика адаптировала процесс осуществления правосудия к условиям сложившейся ситуации. Вместе с тем следует учитывать, что решение о проведении полного судебного разбирательства посредством систем видео-конференц-связи является экстраординарным и временным, призванным компенсировать ограничение гласности судебного разбирательства, связанного с ужесточением пропускного режима и доступа граждан в здания суда.

Законодательно процесс рассмотрения всего уголовного дела по существу посредством видео-конференц-связи не закреплён. На сегодняшний день участие подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и осужденного, содержащихся под стражей, в судебном заседании с использованием систем видео-конференц-связи предусмотрено лишь для производства отдельных уголовно-процессуальных процедур при рассмотрении: дел о преступлениях террористической направленности в целях обеспечения

безопасности участников уголовного судопроизводства; изменении территориальной подсудности уголовного дела; апелляционной или кассационной жалобы или представления; вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, замене неотбытой части наказания более мягким видом.

Министерством юстиции Российской Федерации разработан законопроект, которым предусматривается возможность участия посредством систем видео-конференц-связи в судебном заседании суда первой инстанции, в том числе при выездных заседаниях, не только свидетелей и потерпевших, но и всех участников уголовного судопроизводства, включая подсудимого, обвиняемого, подозреваемого, их представителей. В пояснительной записке к проекту закона указано, что вопрос об участии лица в судебном заседании посредством видео-конференц-связи будет решаться судом по собственной инициативе или по ходатайству соответствующего участника при наличии технической возможности в суде и учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации [4]. Данное предложение следует оценивать критически как ограничивающее непосредственность и гласность судебного разбирательства.

Вместе с тем рациональное зерно в данном законопроекте есть. Следует положительно оценить предложенную разработчиками оптимизацию организационной деятельности суда, в частности возможность подачи документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа в суд, направление повесток и уведомлений участникам уголовного судопроизводства посредством Единого портала информационной системы суда и единой системы межведомственного электронного взаимодействия. Электронный юридически значимый документооборот позволит ускорить доставку уведомлений участникам уголовного судопроизводства, упростит порядок подачи ходатайств, заявлений и других документов, снизит процессуальные издержки сторон.

Однако хотелось бы предостеречь законодателя от избыточного и необдуманного внедрения систем видеоконференц-связи в уголовно-процессуальную деятельность.

Законом закреплена процессуальная форма, предполагающая строго определенный порядок проведения судебного разбирательства.

Предусмотренная процедура обусловлена не организационным удобством исполнения процессуальных обязанностей для суда, государственного обвинителя или подсудимого, цель ее – это, прежде всего, качество правосудия. Реальное участие подсудимого в зале судебного заседания при рассмотрении дела по существу, вне всякого сомнения, обеспечивает более высокий уровень защиты и правосудия в целом. Произвольное, необоснованное ограничение принципа непосредственности участия подсудимого в судебном заседании ограничивает и гласность судебного разбирательства, что недопустимо, поэтому проведение судебного разбирательства посредством видео-конференц-связи должно применяться как исключение из общего порядка, закрепленного в законе, а не подменять его.

Литература

1. Дело «Евдокимов и другие (Yevdokimov and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 27236/05, 44223/05, 53304/07, 40232/11, 60052/11, 76438/11, 14919/12, 19929/12, 42389/12, 57043/12 и 67481/12): постановление Европейского суда по правам человека от 16 февраля 2016 г. // Российская хроника Европейского Суда. 2016. № 3.

2. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 3 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.02.2021). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проект федер. закона (подготовлен Минюстом России, ID проекта 01/05/05-22/00127550) [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 20.10.2022).

© Кузнецова С.М., 2023

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗБРАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ПОДПИСКИ О НЕВЫЕЗДЕ И НАДЛЕЖАЩЕМ ПОВЕДЕНИИ

Латыпов В.С.

Профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Свяженина А.А.

Слушатель 5 курса факультета подготовки сотрудников полиции
Уфимского юридического института МВД России

Рассматривая современную систему уголовно-процессуального права на данном этапе ее развития, крайне важно отметить значимость существующих отечественных уголовно-процессуальных институтов. Одним из таких является старейший институт мер пресечения.

Меры пресечения как одна из форм эффективного воздействия государства на девиантное поведение лиц занимают одно из центральных мест в уголовном процессе. Каждая мера пресечения обуславливается индивидуальными, специфическими особенностями назначения и реализации, что позволяет избрать ее с учетом конкретных обстоятельств [1]. Кроме этого, все уголовно-процессуальные меры пресечения взаимосвязаны и взаимообусловлены между собой: общее назначение их ориентировано на единый и целостный подход к решению определенных нормами российского Уголовно-процессуального кодекса целей и задач. На сегодняшний день законодательная регламентация мер пресечения содержится в гл. 13 УПК РФ, именуемой как «Меры пресечения» и представляющую собой общую систему мер принуждения.

В рамках настоящего исследования предлагаем рассмотреть наиболее часто избираемую меру пресечения – подписку о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ). Мера пресечения в виде подписки о невыезде избирается и реализуется по общим правилам и требованиям, установленным УПК РФ, с учетом назначения уголовного судопроизводства.

По мнению З.Ф. Коврига, меры пресечения ориентированы на обеспечение защиты и охраны общественных отношений от потенциально опасного поведения граждан, препятствующих реализации правосудия в стране [2]. С.Б. Россинский считает, что уголовно-процессуальные меры пресечения координируют активность граждан, т. е. создают такие условия, при которых обеспечивается надлежащее поведение лиц и исключается возможность уклонения их от возложенных процессуальных прав и обязанностей [3].

Аккумулируя имеющиеся в уголовно-процессуальном праве концепции, теории сущности и целей избрания и применения мер пресечения, зачастую принято считать, что уголовно-процессуальные меры пресечения позволяют создать условия организации беспрепятственного предварительного установления фактов и обстоятельств совершенного или готовящегося преступления, а также лиц, совершивших данные преступные деяния, учитывая при этом сроки уголовного производства.

Подписка о невыезде обуславливается личным исполнением процессуальных обязательств подозреваемого, обвиняемого. Из этого следует, что лицо, в отношении которого избрана мера пресечения – подписка о невыезде, в состоянии контролировать свое поведение, оно не представляет особой опасности для общества в данный момент и не будет препятствовать производству по уголовному делу. Однако при избрании подписки о невыезде процессуальное лицо должно быть уверено в эффективности и результативности ее реализации.

Научные концепции и положения об эффективности применения подписки о невыезде указывают на плюрализм мнений авторов. Некоторые указывают, что подписка о невыезде ограничена возможностями (методы, средства и т. д.) воздействия на поведение потенциально опасных граждан. Ее сущность заключается в самостоятельном принятии решения подозреваемого, обвиняемого не уклоняться от следствия и суда. Также считается, что реализация подписки о невыезде не обуславливается значительными затратами, к тому же понятна и проста, что не скажешь о иных мерах пресечения.

М.С. Брайнин на этот счет имеет иное мнение. Он считает, что из-за отсутствия жестких ограничений в жизнедеятельности подозреваемого,

обвиняемого подписка о невыезде обуславливается своей крайне неэффективностью и безрезультативностью реализации [4]. Подобная уголовно-процессуальная мера пресечения не исключает полностью возможность лица скрыться от следствия или суда, не ограничивает его в совершении преступных посягательств, а также воспрепятствовании производства по уголовному делу. Поэтому избрание в отношении лица наиболее радикальных мер пресечения, в том числе заключение под стражу, позволит реализовать правосудие.

Безусловно, различные интерпретации, мнения авторов о значимости представленной меры пресечения позволяют более конкретно и обособленно подойти к определению подписки о невыезде. Однако, на наш взгляд, довольно спектральный перечень уголовно-процессуальных мер пресечения, расположенных в четкой их градации, позволяет наиболее объективно избрать и применить в отношении подозреваемого или обвиняемого подходящую меру пресечения с учетом всех обстоятельств. Это говорит о цивилизованности, гуманизме и современности российского законодательства, где законодатель подразумевает не только уголовно-процессуальные меры, связанные с лишением свободы, но и предоставляет возможность правоприменителю ограничивать подозреваемого, обвиняемого в некоторых его правах.

Так, подписка о невыезде преследует цель ограничения лица в некоторых его правах, при этом подозреваемый или обвиняемый самостоятельно, добровольно дает согласие на обязательство постоянного пребывания на месте своего жительства, при возникновении необходимости смены – уведомлять процессуальное лицо; безотлагательно и вовремя являться по требованию; не осуществлять деятельность, препятствующую производству по уголовному делу. На сегодняшний день процессуалистами довольно часто применяется практика применения обязательства о явке в отношении подозреваемого, обвиняемого, тем самым, исключая реальное применение уголовно-процессуальной меры пресечения – подписки о невыезде. Данную позицию разделяет О.И. Цоколова, считая, что по уголовным делам о преступлении небольшой тяжести нецелесообразно избирать и применять подписку о невыезде, достаточно непосредственно предъявить лицу обязательство о явке [5]. Обуславливается это тем, что,

как правило, являясь одной из частоприменяемых мер пресечения, подписка о невыезде избирается в отношении лиц без учета тех оснований и обстоятельств, которые отражены в ст. 97 УПК РФ. Этим автор хотел сказать, что важность и значимость подписки о невыезде должны быть специально обоснованы.

Обязательство о явке является иной мерой уголовно-процессуального принуждения. По сути, ее цель также заключается в контроле и надзоре за деятельностью лиц, участвующих в производстве. Однако кроме назначения обязательства о явке в отношении подозреваемого или обвиняемого, она также имеет возможность обязать свидетеля, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, эксперта, специалиста, переводчика и понятого являться по требованию дознавателя, следователя или суда, а также незамедлительно уведомлять о смене жительства. Подписка о невыезде специализируется, как уже было отмечено, в отношении лица, подвергнутого уголовному преследованию.

Важно заметить, что дознаватель, следователь или судья предупреждает лицо о смене уголовно-процессуальной меры пресечения на более строгую, в случае неисполнения предъявленных требований или нарушений их. Избирается она в отношении, как правило, обвиняемого с учетом тяжести совершенного преступления, личностных качеств лица, физиологических особенностей, семейного и социального положения и иных обстоятельств, влияющих на выбор меры пресечения. Тем не менее законодатель допускает возможность избрания подписки о невыезде (как и любой другой меры пресечения) в отношении подозреваемого, при условии предъявления ему обвинения не позднее 10 суток с момента применения уголовно-процессуальной меры пресечения. В противном случае подписка о невыезде утратит свою юридическую силу.

Еще одним дискуссионным вопросом в области института мер пресечения является проблема отсутствия четких установленных сроков действия подписки о невыезде. О.И. Цоколева считает, что реализация указанной меры пресечения обязана исполняться в срочном порядке. Причем срок нахождения лица под подпиской о невыезде должен браться во внимание при назначении наказания. Регламентированная ст. 102 УПК РФ уголовно-процессуальная мера пресечения – подписка о невыезде

не имеет ограничений во времени реализации. Иными словами, дознаватель, следователь или суд избирает в отношении обвиняемого меру пресечения – подписка о невыезде, при этом, не указывая срок действия, т. е. неопределенный.

Данные мнения имеют место в науке уголовного процесса. Однако все же обратим внимание на их некоторые неточности. Проанализировав положения УПК РФ, стоит указать, что определение сроков реализации подписки о невыезде зависит от процессуального статуса лица, совершившего преступление, т. е. уголовно-процессуальные меры пресечения могут быть разграничены по субъекту преступления: подозреваемый и обвиняемый, подсудимый. Мера пресечения, избранная в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, регламентированного ч. 1 ст. 100 УПК РФ, реализуется в течение 10 суток, т. е., до предъявления ему обвинения, и в течение 45 суток (ч. 2 ст. 100 УПК РФ).

Что касается обвиняемого и подсудимого, то здесь не представляется возможность определить точные временные рамки действия подписки о невыезде. Мы вправе лишь свидетельствовать о том, что мера пресечения реализуется на этапе предварительного расследования и судебного разбирательства.

Итак, рассмотрев наиболее дискуссионные и актуальные аспекты уголовно-процессуального порядка избрания и применения меры пресечения в виде подписки о невыезде, стоит заметить, что на сегодняшний день в законодательной регламентации имеются некоторые пробелы, неточности, которые препятствуют правоприменительной деятельности. В частности, проблемы возникают вследствие отсутствия специальных норм, указывающих на порядок, условия реализации указанной меры пресечения.

Кроме этого, также следует отметить, что уголовно-процессуальная мера пресечения – подписка о невыезде реализуется посредством добровольного повиновения законным требованиям подозреваемого, обвиняемого, что зачастую является несовершеннолетним. Поэтому ввиду своей неэффективности и безрезультативности указанная мера пресечения не достигает требуемых законом целей.

Литература

1. Логунов О.В., Травников А.В., Кутуев Э.К. и др. Меры уголовно-процессуального принуждения на досудебных стадиях: вопросы теории и нормативного регулирования. М., 2019.
2. Коврига З.Ф. Судебная деятельность и судебная практика: понятие, структура, соотношение // Российское уголовное законодательство: проблемы теории и практики. Воронеж, 1999.
3. Россинский С.Б. Механизм формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве. М., 2015.
4. Брайнин М.С. Меры процессуального принуждения в советском уголовном процессе. Свердловск, 1953.
5. Цоколова И.О. Подписка о невыезде как ограничение прав личности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 1.

© Латыпов В.С., Свяженина А.А., 2023

УДК 343.12

СОБЛЮДЕНИЕ ПРИНЦИПА РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Лантух Н.В.

Профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского
университета МВД России, кандидат юридических наук

Егорова Р.Е.

Старший преподаватель кафедры транспортной безопасности
Санкт-Петербургского университета МВД России

Соблюдение разумных сроков на досудебных стадиях уголовного судопроизводства остается актуальной проблемой российского уголовного процесса, несмотря на все меры, предпринимаемые законодателем

после введения принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Генеральный прокурор РФ, выступая с ежегодным докладом на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ, каждый раз констатирует многочисленные нарушения законности на этапе регистрации и разрешения сообщений о преступлениях, приводящие в том числе к нарушениям разумных сроков досудебного производства [11; 12].

Основания, условия и порядок процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела регламентируются нормами УПК РФ, а также подзаконными нормативными правовыми актами [1; 5].

За действиями должностного лица, которому поручена проверка сообщения о преступлении, осуществляется процессуальный контроль со стороны начальника органа (подразделения) дознания или руководителя следственного органа, чьи полномочия обозначены в соответствующих нормах УПК РФ и подзаконных актах [6; 7]. Обеспечить разумные сроки принятия решения по поступившему сообщению призван прокурорский надзор за деятельностью органов дознания и предварительного следствия [2; 4].

Таким образом, на первый взгляд, положения УПК РФ, регламентирующие стадию возбуждения уголовного дела, подкреплены достаточным количеством ведомственных нормативных правовых актов, чтобы обеспечить своевременное и эффективное рассмотрение поступившего сообщения и обеспечить реализацию задач, стоящих перед данной стадией. Процессуальная деятельность и полномочия участников стадии регламентированы достаточно подробно, что, по мнению законодателя, должно обеспечивать быстроту и результативность действий уполномоченных должностных лиц по оценке поступившего сообщения и принятию законного решения.

Однако анализ ведомственных приказов и указаний, сопоставление их содержания с УПК РФ и друг с другом показывает наличие пробелов и отдельных коллизий, негативно влияющих на обеспечение разумного срока рассматриваемой стадии. К числу таких пробелов относится, на наш взгляд, отсутствие в УПК РФ и подзаконных нормативных актах ясного определения цели стадии возбуждения уголовного дела. Определяя конечный результат уголовно-процессуальной деятельности, цель обуслав-

ливают выбор необходимых средств для ее достижения и круг субъектов, действия которых должны привести к реализации данной цели. Поэтому должностное лицо, осуществляющее проверку по сообщению о преступлении, должно ясно представлять ту цель, к достижению которой необходимо стремиться. От этого будет зависеть, какие проверочные действия оно будет осуществлять и в каком объеме.

Согласно положениям УПК РФ, уголовное дело может быть возбуждено только при одновременном наличии повода и основания. Основанием для возбуждения уголовного дела признается наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Необходимо подчеркнуть, что законодатель указал «признаки преступления», а не признаки состава преступления. Это означает, что закон не требует от следователя или дознавателя установления на данной стадии всех обстоятельств, составляющих предмет доказывания. По замыслу законодателя, вполне достаточно тех данных, которые свидетельствуют о наличии самого события преступления [10].

Такой же подход к определению объема сведений, необходимых для возбуждения уголовного дела, демонстрирует в своих решениях и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ. Так, в одном из определений коллегия отменила все состоявшиеся по делу судебные решения, указав, что «уголовно-процессуальный закон не обязывает следователя при решении вопроса о возбуждении уголовного дела в каждом случае предварительно, до принятия указанного решения, устанавливать все признаки состава преступления» [11].

Однако расплывчатое определение основания для возбуждения уголовного дела при отсутствии ясно определенной цели начальной стадии уголовного процесса и приводит к тому, что понятие «достаточные данные» правоприменитель зачастую трактует, исходя из собственного усмотрения. В связи с этим на практике понятие «признаки преступления» фактически заменено понятием «признаки состава преступления», что повлекло за собой сложившийся во многих территориальных подразделениях порядок, при котором от лица, осуществляющего проверку, требуется установление всех обстоятельств совершенного деяния, включая собирание характеризующих сведений о лице, совершившем преступное деяние.

Анкетирование сотрудников МВД РФ, в полномочия которых входит осуществление проверки по поступившим сообщениям о преступлении, показало, что после установления признаков преступления в объеме, достаточном для принятия решения о возбуждении уголовного дела, в большинстве случаев проверочные действия продолжаются для установления всех признаков состава преступления или сбора материалов, характеризующих лицо, совершившее преступное деяние. Исключение составляли, как правило, уголовные дела, возбужденные по горячим следам, когда лицо, совершившее преступление, установлено и необходимо оперативно решить вопрос о его задержании в порядке ст. 91 УПК РФ.

На вопрос о причинах продолжения проверки одни сотрудники называли устное требование руководства или сложившийся негласный порядок, а другие объясняли продолжение проверки отказом следователя или дознавателя принимать материал: «следователь иначе не принимает материалы проверки», «дознаватель возвращает материалы обратно».

Оспорить указание о продолжении проверки сложно, так как УПК РФ определяет только сроки проверки и порядок их продления, однако на достижение какого результата должна быть направлена процессуальная деятельность должностного лица на данном этапе, то есть какова цель этой деятельности, закон не уточняет. Не содержится такого уточнения и в подзаконных нормативных актах.

Приказ о едином учете преступлений (п. 33) ограничивается указанием «принять незамедлительные меры по обнаружению признаков преступления, сохранению и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих закрепления, изъятия и исследования». Приказ МВД России № 736 содержит предписание руководителю территориального органа по каждому зарегистрированному заявлению (сообщению) о преступлении дать письменное поручение в форме резолюции, с указанием исполнителя, срока проверки и порядка разрешения заявления (сообщения) (п. 41). При этом должностное лицо, которому поручена такая проверка, обязано проверить «действительность факта обращения заявителя с заявлением (сообщением) о преступлении и достоверность данных заявителя: фамилии, имени, отчества, адреса, а в случае неполноты или отсутствия таких данных, принять меры к их установлению» (п. 43).

Какие сведения необходимо установить в ходе проверки и в каком объеме, приказ умалчивает.

Такая неопределенность нормативных установок позволяет произвольно трактовать объем сведений, необходимых для принятия решения. Изучение уголовных дел и материалов проверки по сообщениям о преступлениях показывает, что в объем «достаточных данных» могут включаться, например, установление лица, совершившего преступление, всех квалифицирующих признаков состава преступления, сбор характеризующих материалов (если лицо установлено), дополнительные опросы очевидцев или заявителя, а также установление других обстоятельств, не имеющих ключевого значения для принятия решения о наличии в действиях лица признаков преступления.

Решить данную проблему могло бы, по нашему мнению, закрепление в уголовно-процессуальном законе ясно сформулированной цели стадии возбуждения уголовного дела, по достижении которой процессуальная деятельность должна быть завершена. Это позволит упорядочить практику и исключить произвольное понимание цели и содержания проверочных действий на стадии возбуждения уголовного дела.

На соблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства влияет и то, насколько быстро будет принято итоговое процессуальное решение. Согласно ч. 2 ст. 21 УПК РФ в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель «принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления». Обращает на себя внимание то, что в законе не указано, в какой срок после установления признаков состава преступления или отсутствия таковых должностное лицо, осуществляющее проверку, должно принять решение. Статья 146 УПК РФ «Возбуждение уголовного дела публичного обвинения» также не требует от должностного лица незамедлительности действий. Согласно ч. 2 данной статьи «при наличии повода и основания, предусмотренных ст. 140 УПК РФ, орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь в пределах компетенции, установленной законом, возбуждают уголовное дело, о чем выносятся соответствующее постановление».

Таким образом, между получением достаточных сведений о наличии или отсутствии в деянии признаков преступления и вынесением соответствующего постановления имеет место некоторый временной промежуток, продолжительность которого не урегулирована законодательством. Отсутствие обязанности принимать решение незамедлительно формально позволяет следователю или дознавателю не спешить с принятием решения. И такое промедление с принятием решения может составлять несколько суток, что также необоснованно увеличивает сроки стадии.

Исправить данную ситуацию можно, по нашему мнению, включив в уголовно-процессуальное законодательство не только нормы-предписания, обязывающие незамедлительно выносить постановление о возбуждении уголовного дела, но и нормы-запреты на продолжение процессуальной деятельности после установления необходимых сведений.

Следует отметить, что на необходимость введения требования незамедлительности принятия решения на стадии возбуждения уголовного дела неоднократно обращали внимание процессуалисты. Так, В.И. Кушнерев предлагает указать в ст. 144 УПК РФ необходимость незамедлительного принятия решения о возбуждении уголовного дела с возможностью установления разумного срока проверки сообщения о преступлении до 30 суток [9, с. 16].

Соглашаясь в целом с данным предложением, отметим, что такое дополнение является все же недостаточным. Во-первых, результатом проверки может стать не только решение о возбуждении уголовного дела, но и решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Кроме того, обязанность компетентных органов и должностных лиц принять в каждом случае обнаружения преступления соответствующие меры содержится не только в ст. 144 УПК РФ, но и в ст. 21 УПК РФ, а также ст. 146 УПК РФ, которые также нуждаются в корректировке.

Дополнительно хотелось бы отметить, что требование о незамедлительном возбуждении уголовного дела содержится в настоящее время в приказе СК России от 09.01.2017 № 2 «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации». Пункт 1.8 данного приказа требует от руководителей следственных органов «незамедлительно возбуждать уголовное дело при наличии достаточных дан-

ных, указывающих на признаки преступления» [7]. Представляется, что подобное положение целесообразно добавить и в Приказ МВД России № 736.

Для обеспечения соблюдения разумных сроков на стадии возбуждения уголовного дела необходимо, по нашему мнению, внести изменения в УПК РФ и Приказ МВД России № 736:

1) дополнить ст. 144 УПК РФ ч. 1.2, изложив ее в следующей редакции: «1.2. Проверка по поступившему сообщению о преступлении проводится с целью установления достаточных данных, указывающих на признаки преступления в деянии, о котором стало известно из полученного сообщения, а также проверки наличия обстоятельств, исключающих возбуждение уголовного дела»;

2) дополнить ч. 2 ст. 21 УПК РФ и ч. 2 ст. 146 УПК РФ требованием незамедлительности, изложив их в следующей редакции: «2. В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель незамедлительно принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления»;

«2. При наличии повода и основания, предусмотренных статьей 140 настоящего Кодекса, орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, незамедлительно возбуждают уголовное дело, о чем выносятся соответствующее постановление».

Важной гарантией соблюдения разумных сроков стадии возбуждения уголовного дела является контроль за деятельностью должностных лиц органа дознания, дознавателя и следователя со стороны соответственно начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и руководителя следственного органа, а также эффективный прокурорский надзор.

Порядок прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия регламентируется Приказом Генпрокуратуры России от 05.09.2011 № 277 [2]. Приказ содержит предписание прокурорам контролировать своевременность, полноту и объективность

разрешения материалов. Однако данное указание касается только материалов, направленных прокурорами согласно п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. В связи с этим возникает вопрос: распространяется ли это требование на материалы предварительных проверок, осуществляемых органами внутренних дел по поступившим сообщениям от граждан и других лиц? На наш взгляд, прокурорский надзор за своевременностью, полнотой и объективностью необходимо распространить на все материалы стадии возбуждения уголовного дела, поступающие прокурору. Тем более что начальники органов (подразделений) дознания и руководители следственных органов также обязаны контролировать полноту и всесторонность материалов проверки по сообщению о преступлении.

Согласно положениям Приказа Генпрокуратуры России № 147, МВД России № 209, ФСБ России № 187, СК России № 23, ФСКН России № 119, ФТС России № 596, ФСИН России № 149, Минобороны России № 196, ФССП России № 110, МЧС России № 154 от 26.03.2014 «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела при разрешении сообщений о преступлениях» начальникам органов (подразделений) дознания и руководителям следственных органов предписывается «в целях обеспечения всесторонности, полноты и объективности проверок сообщений о преступлениях и своевременного принятия соответствующих закону решений организовать систематический упреждающий процессуальный контроль за их проведением до истечения предусмотренного ст. 144 УПК срока» (п. 2.1) [3]. Кроме того, указанным должностным лицам вменяется в обязанность проверять полноту и своевременность проведения проверок сообщений о преступлениях» при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (п. 3.2).

Как видно из приведенных положений, начальник органа (подразделения) дознания и руководитель следственного органа обязаны контролировать не только соблюдение сроков проверки, но и полноту собранных сведений, объективность и всесторонность проведенной проверки. Вместе с тем в УПК РФ не содержится ни одного упоминания о таких требованиях к уголовно-процессуальной деятельности, как всесторонность, объективность и полнота.

В Приказе МВД России № 736 подробно регламентированы действия должностных лиц органов внутренних дел при принятии, регистрации и разрешении заявлений и сообщений о преступлениях. Однако в него почему-то не вошли положения вышеприведенного совместного приказа, обязывающего начальников органов (подразделений) дознания и руководителей следственных органов организовать систематический процессуальный контроль для обеспечения всесторонности, полноты и объективности проверок сообщений о преступлениях и своевременного принятия соответствующих закону решений. Такая несогласованность ведомственных нормативных правовых актов существенно снижает, на наш взгляд, эффективность процессуального контроля и повышает возможность неограниченного усмотрения со стороны должностных лиц по определению объема проверочных действий и их продолжительности.

В 2105 г. было издано совместное Указание Генпрокуратуры России № 275/36, СК России 1/206, МВД России № 2/5443, МЧС России № 195, ФССП России № 1-у, ФСБ России № 21, ФСКН России № 4, ФТС России № 1081 от 03.06.2015, в котором содержится требование принять меры по повышению персональной ответственности руководителей следственных органов, начальников органов (подразделений) дознания, следователей и дознавателей, а также иных должностных лиц, уполномоченных в соответствии с порядком, установленным УПК РФ, иными нормативными правовыми актами, осуществлять прием, регистрацию и проверку сообщений о преступлениях, а также расследование уголовных дел, за несоблюдение порядка рассмотрения таких сообщений и вынесение незаконных или необоснованных процессуальных решений по материалам проверок сообщений о преступлениях и уголовным делам [п. 2.2]. Однако никаких изменений в Приказ МВД России № 736 внесено не было.

В связи с этим предлагаем:

1. Дополнить Приказ МВД России № 736 пунктом 41.1:

«Руководитель территориального органа контролирует своевременность, полноту и объективность разрешения материалов, несёт персональную ответственность за соблюдение разумных сроков проверки. Не допускается продолжение проверочных действий после установления достаточных данных, указывающих на признаки преступления в деянии,

о котором стало известно из полученного сообщения, при отсутствии обстоятельств, исключающих возбуждение уголовного дела».

2. Изложить п. 44 Приказа МВД России № 736 в следующей редакции: «Исполнитель обязан проверять действительность факта обращения заявителя с заявлением (сообщением) о преступлении, об административном правонарушении, о происшествии, достоверность данных заявителя: фамилии, имени, отчества, адреса, а в случае неполноты или отсутствия таких данных, принять меры к их установлению. Не допускается продолжение проверочных действий после установления достаточных данных, указывающих на признаки преступления в деянии, о котором стало известно из полученного сообщения, при отсутствии обстоятельств, исключающих возбуждение уголовного дела».

Приведенные предложения позволят сократить срок стадии возбуждения уголовного дела, предотвратить волокиту при принятии итогового процессуального решения. Наличие в законе цели стадии возбуждения уголовного дела даст возможность оценивать каждое процессуальное действие с точки зрения его целесообразности, т. е. насколько оно способствует достижению цели. Все это позволит обеспечить разумные сроки начальной стадии уголовного судопроизводства.

Подводя итог проведенному анализу нормативных актов, регулирующих стадию возбуждения уголовного дела, отметим, что в настоящее время УПК РФ содержит только общее положение о разумном сроке уголовного судопроизводства, но не предусматривает достаточных мер по обеспечению этого положения.

Литература

1. О едином учете преступлений: приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 // Российская газета. 2006. 25 января.

2. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия: приказ Генпрокуратуры России от 05.09.2011 № 277 // Законность. 2011. № 12.

3. Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела при разрешении сообщений о преступлениях: приказ Генпрокуратуры России № 147, МВД России № 209, ФСБ России № 187, СК России № 23, ФСКН России № 119, ФТС России № 596, ФСИН России № 149, Минобороны России № 196, ФССП России № 110, МЧС России № 154 от 26.03.2014 // Российская газета. 2014. 13 августа.

4. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания: приказ Генпрокуратуры России от 26.01.2017 № 33 // Законность. 2017. № 5.

5. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 // Российская газета. 2014. 14 ноября.

6. О процессуальных полномочиях руководителей следственных органов: Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 08.11.2011 № 58 (ред. от 15.04.2021 г.) // Российская газета. 2011. 29 декабря.

7. Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации: приказ СК России от 09.01.2017 № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.12.2020).

8. Об организации прокурорского надзора и ведомственного контроля за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: указание Генпрокуратуры России № 275/36, СК России 1/206, МВД России № 2/5443, МЧС России № 195, ФССП России № 1-у, ФСБ России № 21, ФСКН России № 4, ФТС России № 1081 от 03.06.2015 // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2015. № 11.

9. Кушнерев В.И. Реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства в нормах, регулирующих процессуальные сроки в досудебном производстве: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

10. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / О.Н. Ведерникова, С.А. Ворожцов, В.А. Давыдов и др. М., 2014.

11. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 10 апреля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1590590/> (дата обращения: 13.12.2020).

12. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 17 июня 2020 г. [Электронный ресурс]. // URL: https://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/appearances/1864604/ (дата обращения: 23.12.2020).

© Лантух Н.В., Егорова Р.Е., 2023

УДК 343.985.7

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О НАРУШЕНИИ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Лаврова О.Н.

Заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала Московского университета
МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Селедников Н.В.

Научный сотрудник Научного центра безопасности
дорожного движения МВД России

На первоначальном этапе расследования уголовных дел о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств особое внимание следователи должны уделять проведению осмотра места

происшествия. Поскольку дорожно-транспортные происшествия (далее – ДТП) зачастую происходят в условиях неочевидности, следовательно изначально нужно определить круг тех задач, которые ему необходимо решить в конкретной ситуации. Так, в ночное время в первую очередь должны быть решены вопросы безотлагательного проведения осмотра места происшествия, а также охраны следов преступления для осуществления (в случае необходимости) повторного осмотра в дневное время суток [1, с. 22].

Качественный осмотр места происшествия при ДТП позволяет установить многие обстоятельства: вид транспортного средства, направление его движения, количество пострадавших и др. обстоятельства.

При изучении обстановки ДТП осмотру подвергаются следующие объекты: дорожное покрытие, транспортное средство, труп, иные объекты, находящиеся на месте происшествия [2, с. 45–47]:

М.А. Мирошниченко указывает, что при проведении осмотра места происшествия при ДТП следователь должен активно сотрудничать со специалистами в различных областях знаний (судебной медицины, трасологии, автотехники и др.), для чего включать в состав следственно-оперативной группы соответствующих специалистов [3, с. 39].

В.В. Остробородов, И.А. Обухов, А.В. Остробородов пишут, что при проведении осмотра трупа (обычно в рамках осмотра места происшествия) важно отобразить его позу и расположение относительно транспортного средства [4, с. 245].

Отдельного внимания заслуживают травмы на одежде и теле трупа. Изучая их, необходимо четко зафиксировать их месторасположение, наличие в них осколочных остатков, а также иных веществ, попавших на травму от транспортного средства [5, с. 156].

Осматривая транспортное средство (если оно находится на месте ДТП), следует установить его вид, основные технические характеристики, а также состояние в момент совершения преступления. Помимо этого, важно уделить внимание расположению автомобиля на дороге относительно разметки, других объектов, трупа. Необходимо также зафиксировать повреждения на автомобиле. В отдельных случаях подлежит изучению и дно автомобиля.

При получении при ДТП травмы внутри салона транспортного средства необходимо изучить все детали внутри автомобиля, основные изменения расположения объектов, расположение пострадавших лиц [6, с. 252].

Таким образом, осмотр места происшествия по уголовным делам о нарушениях правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств позволяет выявить обстоятельства преступления, а также выдвинуть следственные версии.

Обстоятельством, подлежащим доказыванию, является установление причинно-следственной связи между совершенным преступлением и наступившими последствиями. Важнейшее значение при этом имеет автотехническая судебная экспертиза, отвечающая, в том числе, на вопросы о возможных причинах ДТП и на вопросы о том, какие именно правила дорожного движения были нарушены водителем.

Д.О. Изотова справедливо указывает, что автотехническая судебная экспертиза решает достаточно обширный перечень вопросов, начиная от установления скорости, с которой передвигался водитель, заканчивая возможным расположением различных объектов на месте ДТП и возможностью водителя предотвратить совершение преступления [7, с. 192–194].

Предметом трасологической судебной экспертизы является установление обстоятельств дела, связанных с идентификацией транспортного средства, участвовавшего в ДТП, и определение механизма происшествия в целом или отдельных его элементов на основе изучения следов транспортных средств и самих транспортных средств (исследование отделившихся деталей и частей транспортного средства) [8, с. 19–21].

При расследовании дорожно-транспортных преступлений проводятся судебно-медицинские экспертизы, основной целью назначения которых является определение степени тяжести вреда здоровью, причиненного пострадавшим, а также определение причины летального исхода, если таковой имеется [9, с. 292–297].

Установление состояния опьянения в ходе уголовного судопроизводства возможно путем производства таких следственных действий, как освидетельствование и наркологическая судебная экспертиза. При этом большинство авторов полагает, что освидетельствование не подменяет судебную экспертизу, а предшествует ее производству [10, с. 18].

Правовое регулирование порядка проведения следственного эксперимента осуществляется на основании ст. 181 УПК РФ. Его проведение по уголовным делам анализируемой нами категории направлено на установление следующих обстоятельств:

- определение видимости на участке дороги, где имело место дорожно-транспортное происшествие;
- определение работоспособности определенных механизмов транспорта, например, механизма торможения, рулевого управления и т. д.;
- определение скорости движения транспорта;
- определение обзора с места водителя;
- определение соответствия состоянию дорожного покрытия, погодных условий, восприятия ситуации на дороге и соответствия физическим возможностям водителя [11, с. 119–122];

Исходные же данные часто могут быть получены только в результате следственного эксперимента [12, с. 20–23].

Специфика расследования дорожно-транспортных преступлений заключается в том, что они, как правило, совершаются на открытой местности и в различных климатических и погодных условиях. Такими условиями могут быть, например, аномально низкие или высокие температуры, дождь, снегопад различной интенсивности, метель, поземка, туман и др., которые, несомненно, способствуют совершению рассматриваемого преступления. И здесь важно не приблизительно, а с максимальной скоростью и точностью определить видимость пути и видимость препятствия с места водителя как в светлое, так и в темное время суток в названных условиях, если они присутствовали. В большинстве случаев от полученных данных напрямую зависит решение вопроса о виновности или невиновности водителя, совершившего ДТП. В связи с вышеизложенным, мы полагаем, что в целях полного и объективного установления всех обстоятельств ДТП, повлекшего причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека, обоснованной юридической оценки действий (бездействия) его участников и дорожно-транспортной ситуации, необходимо внести в уголовно-процессуальный закон (ч. 1 ст. 144 УПК РФ) изменения, предусматривающие возможность производства следственного эксперимента при проверке сообщения о ДТП, до возбуждения уголовного дела.

Одно из ведущих следственных действий, проводимых при расследовании уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 264 УК РФ, принадлежит допросу.

Потерпевший является непосредственным участником ДТП. Его восприятие картины происходящего несколько отличается от восприятия иных участников процесса. К примеру, в отличие от свидетеля, потерпевший в ходе переработки и сохранения информации о произошедшем событии подвергается сильным переживаниям, которые связаны с психическим и физическим воздействием на него [13, с. 261–264].

В ходе допроса свидетель, как и потерпевший, также находится в не свойственной для себя обстановке, что может вызывать стресс и волнение и оказать воздействие на воспроизведение информации. Задача следователя в данном случае заключается в создании максимально комфортных условий для допроса.

Следует отметить, что в показаниях потерпевших и свидетелей можно выявить ряд наиболее часто встречающихся дефектов:

- сильное преувеличение события или картины произошедшего преступления;
- на первоначальных допросах наблюдается обобщенность в действиях лиц, виновных в преступлении;
- пробелы и пропуски важных моментов при описании происходящего события;
- наличие заблуждений в отношении последовательности происходящего события преступления;
- временные ошибки по отношению к протеканию события преступления (стрессовая ситуация оказывает сильное влияние на переоценку временных пределов совершенного преступления).

Допрос водителя, подозреваемого в совершении ДТП, может проходить в условиях как конфликтной, так и бесконфликтной ситуации. В случае, когда подозреваемый отрицает свою вину и причастность к совершению преступления либо дает ложные показания и установить психологический контакт с ним не удастся, М.А. Родионова указывает на важность предъявления ему в ходе допроса обвинительных доказательств, имеющих в распоряжении следователя, с целью мотивирования подозреваемого к даче правдивых показаний по уголовному делу [14, с. 43].

Таким образом, следственные действия, проводимые при расследовании уголовных дел о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, направлены на установление истины по уголовному делу и сводятся к наблюдению и изучению объектов для установления и закрепления доказательств и других обстоятельств, имеющих значение для расследования дорожно-транспортного происшествия [15, с. 408].

Литература

1. Осяк В.В., Бондарева Г.В., Бутенко А.С. Проблемы использования специальных знаний при осмотре места ДТП и предложения по их минимизации // Юрист Юга России и Закавказья. 2019. № 3(27).
2. Демидова Т.В. Качественный осмотр места происшествия по делам о ДТП как одно из условий предупреждения экспертных ошибок // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3.
3. Мирошниченко М.А. Тактика осмотра места ДТП с участием специалистов // Colloquium-journal. 2019. № 6–8(30).
4. Остробородов В.В., Обухов И.А., Остробородов А.В. Тактические особенности осмотра места происшествия при дорожно-транспортных происшествиях, в том числе с летальным исходом // Закон и право. 2021. № 11.
5. Сretenцев А.Н., Морозова Н.В. Некоторые особенности сбора следов биологического происхождения при осмотре мест происшествий по делам о ДТП // Современное состояние и перспективы обеспечения безопасности дорожного движения: теория и практика: сб. материалов Всерос. научно-практ. конф. 2020.
6. Лукьянчикова С.А. Особенности осмотра места происшествия при ДТП и обеспечение личной безопасности сотрудников при их производстве // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. № 1(3).
7. Изотова Д.О. Некоторые проблемы проведения следственного эксперимента при расследовании ДТП, совершенных с участием легкового автомобиля // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: сб. статей XIV Междунар. научно-практ. конф. М., 2018.

8. Сысенко А.Р. Факторы, определяющие понятие раскрытия и расследования преступления // Вестник СИБИТа. 2016. № 2(6).
9. Федорченко А.Г., Безноско Р.А., Русин В.А. и др. Исследования возможностей судебных экспертиз при расследовании ДТП и использование их в расследовании // Организация и безопасность дорожного движения: материалы XII Национальной научно-практ. конф. с международным участием. Тюмень, 2019.
10. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Следственные действия в российском уголовном процессе. СПб., 2004.
11. Кольчурин А. Г. Особенности проведения следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 4(91).
12. Кирюшин В.В., Силкин В.П. О проблемах проведения доследственных проверок по фактам дорожно-транспортных происшествий // Российский следователь. 2018. № 7.
13. Фролов В.В. Организация выявления свидетелей и их допрос при расследовании ДТП // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8–9.
14. Родионова М.А. Особенности проведения допроса водителя, совершившего дорожно-транспортное происшествие, при расследовании дорожно-транспортных происшествий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1(5).
15. Тугушева Н.Р. Возможности трасологической экспертизы при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Молодой ученый. 2020. № 47(337).

© Лаврова О.Н., Селедников Н.В., 2023

МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Матинов С.Г.

Доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Матинова З.Г.

Доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
кандидат биологических наук, старший эксперт ЭКЦ ГУ МВД РФ
по Ростовской области

Грамотное определение методики расследования совершенного преступления является краеугольным камнем раскрытия, установления виновных лиц, розыска преступника и похищенного имущества. Также на успешное раскрытие преступления и наказание виновных лиц влияет и правильность определения следователем методики расследования преступления, его планирование и взаимодействие с оперативно-розыскным подразделением.

Прежде чем исследовать общность и различие методики расследования преступления, их виды и характеристики, необходимо дать понятие об этом значении и природе его образования. Очевидно, что успех раскрытия преступления зависит от правильного и своевременного использования всех применяемых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. При раскрытии того или иного преступления нужно опираться на опыт ранее расследованных аналогичных преступлений, с учетом характера их совершения, обращая внимание на положительные моменты, которые послужили толчком к распутыванию правонарушения и задержанию подозреваемых лиц. Каждое раскрытое по сложности преступление записывается на вооружение методистами и аналитиками следственных и правоохранительных органов, а также учеными-правоведами, и исходя из

этого опыта создаются методики расследования отдельных видов преступления. С каждым годом этот опыт пополняется новыми положительными моментами и, соответственно, дополняются методики усовершенствованными исследованиями, в том числе и в области криминалистики.

Общность всех методик по расследованию преступлений обуславливает наработанный годами и десятилетиями алгоритм последовательности проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, начиная с осмотра места происшествия и заканчивая завершением расследования и изобличением виновных лиц. Различие же методики формируется по отдельным видам преступлений, исходя из их специфических особенностей. Также необходимо понимать, что методики расследования применяются как к преступлениям, совершенным в условиях неочевидности, так и по раскрытым преступлениям. Но прежде всего методики различаются по общеуголовным преступлениям и преступлениям в сфере экономики.

Качественно методики различаются по общеуголовным преступлениям и преступлениям в сфере экономики, потому как в первом случае для правоохранителей сначала происходит преступление и от него необходимо запланировать мероприятия по установлению и задержанию виновного лица, а при использовании методики расследования преступлений в сфере экономики сначала в поле зрения попадает условно подозреваемый, а от него к преступлению. Поэтому правильно было бы излагать следующее обстоятельство, что общеуголовные преступления раскрываются, а по преступлениям в сфере экономики они выявляются.

Самыми распространенными преступлениями экономической направленности, по которым условно разработаны методики расследования, являются: хищение чужого имущества (ст. 160 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), незаконное образования (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1 УК РФ), легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества (ст. 174 и 174.1 УК РФ), преднамеренное и фиктивное банкротство (ст. 196 и 197 УК РФ), уклонение от уплаты налогов (ст. 198 и 199 УК РФ), злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ), коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), злоупотребление должностными

полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностными полномочиями (ст. 286 УК РФ), получение и дача взятки (ст. 290 и 291 УК РФ) и другие, изложенные в главах: 21 (Преступления против собственности), 22 (Преступления в сфере экономики), 23 (Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях) и 30 (Преступления против государственной власти, интересов государственной службы), разделах 7, 8 и 10 УК РФ [1].

Обобщая методики расследования хищений, криминальных банкротств, уклонения от уплаты налогов и коррупционных преступлений, можно констатировать их общие черты, которые, прежде всего, исходят из сбора материалов первичной проверки и проведения оперативно-розыскных мероприятий. Проверки в коммерческой организации или государственном учреждении проводятся по двум основаниям: первое – это заявление о совершенном преступлении и второе – получение оперативной негласной информации о совершаемом экономическом правонарушении со стороны должностных лиц, которые требуют процессуального подтверждения либо опровержения. Проверка состоит из изъятия документов (бухгалтерских), на основании чего назначается и проводится документальная ревизия или судебно-экономическая экспертиза, а уже по результатам этих исследований возбуждается уголовное дело в сфере экономики. Сами оперативно-розыскные мероприятия по сбору материалов проверки проводятся в соответствии с Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», к каковым непосредственно для преступлений экономической направленности необходимо отнести: опрос, исследование предметов и документов, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочную закупку, оперативный эксперимент, прослушивание телефонных переговоров, а также иные мероприятия [2].

Различие в методике расследования преступлений в сфере экономики с общеуголовными правонарушениями предзнаменует тем, что по второй методике все исходные действия начинаются с осмотра места происшествия, опроса потерпевшего и установления возможных свидетелей. И если по общеуголовным преступлениям уголовные дела возбуждаются по факту без указания фигурантов, т. к. к этому моменту лица, совершившие

преступления не установлены, то уголовные дела по преступлениям экономической направленности возбуждаются в отношении установленных конкретных должностных лиц. В своей основе по преступлениям экономической направленности условно подозреваемое лицо известно изначально, и в отношении него оперативным подразделением правоохранительного органа идет сбор доказательств. Этими подразделениями в своей основе являются управления и отделы по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией.

Успех выявления преступлений экономической направленности зависит от хороших оперативных (негласных) позиций оперативного подразделения по борьбе с экономическими преступлениями, что прежде всего означает получение оперативной информации о том или ином фигуранте, который совершил или совершает правонарушение в сфере экономики. Далее полученную информацию необходимо подтвердить или опровергнуть путем реализации полученных сведений. В комплекс реализации по разработке фигуранта или фигурантов согласно методике входит изъятие в проверяемой организации или учреждении документов по отдельному постановлению органа дознания. После изъятия документов должна быть назначена и проведена документальная проверка или ревизия на предмет выявления нарушения финансовой отчетности и способов хищения денежных средств и имущества. При этом обязательно должна проводиться встречная проверка контрагентов по сомнительным финансовым операциям на предмет обнаружения нестыковок бухгалтерских документов и выявления коммерческих организаций на подставных лиц. Именно создание коммерческих организаций на подставных лиц является основным способом хищения и обналичивания денежных средств, поэтому в методиках этому фактору уделяется особое и пристальное внимание как важному элементу установления способа хищения, уклонения от уплаты налогов и злоупотребления должностными полномочиями.

Далее, как только будут установлены признаки выявленного преступления экономической направленности, должен быть продолжен сбор проверочного материала, куда входит опрос всех причастных лиц, изъятие копий документов (бухгалтерских) проверяемой организации и должностных инструкций, изъятие образцов предметов и документов для сравни-

тельного исследования, назначение судебных экспертиз и исследований. Если брать назначение судебных экспертиз по преступлениям экономической направленности, то это проведение экономической или бухгалтерской экспертизы, почерковедческой экспертизы, а по делам о коррупции это фоноскопическая и дактилоскопическая экспертизы. Кроме того, согласно методике должны проводиться оперативно-розыскные мероприятия по установленным фигурантам, таким как наблюдение и прослушивание телефонных переговоров, с целью выявления соучастников преступления и обнаружения похищенного имущества.

После доследственной проверки по делам экономической направленности эти материалы передаются в орган предварительного следствия для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в сфере экономики. После принятия решения следователем о возбуждении уголовного дела, производятся следующие первоначальные следственные действия: задержание подозреваемых лиц (ст. 91 УПК РФ), выемка документов (ст. 183 УПК РФ), обыск по месту работы и жительства (ст. 182 УПК РФ), допрос свидетелей (ст. 79 УПК РФ), личный обыск по делам о коррупции (ст. 184 УПК РФ) и другие процессуальные действия [3].

Резюмируя общие положения методик расследования отдельных видов преступлений в сфере экономики, авторы дали свое толкование понятию этого термина и исследовали общие характеристики методик по преступлениям экономической направленности, алгоритм их применения следователем и оперативным сотрудником, характеристики правоприменительного действия, их аспекты и особенности.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022) // Собр. законодательства РФ. 17.06.1996 г. № 25. Ст. 2954.
2. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ, (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.06.2022), подп. Президентом РФ 12.08.1995 г. // Российская газета. 1995. 18 августа.

3. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022), подп. Президентом РФ 18 декабря 2001 г. // Российская газета. 2001. 22 декабря.

© Матинов С.Г., Матинова З.Г., 2023

УДК 343.14:004

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ПОИСКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ

Малянова К.П.

Доцент кафедры криминалистики и оперативно-разыскной
деятельности Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

Сегодня почти все жители Земли так или иначе пользуются современными цифровыми услугами. Среди других тенденций глобального прогресса цифровизация приобрела черты крупномасштабного долгосрочного процесса, который определяет качественное содержание современного этапа социальной эволюции человека.

Процесс цифровизации затронул все стороны жизнедеятельности общества. С внедрением современных информационных технологий в практическую деятельность государственных, в том числе правоохранительных органов, банковских и коммерческих структур, актуализировалась проблема обеспечения информационной безопасности [1].

Следует отметить, что сценарий жизни общества в период пандемии COVID-19 серьезно воздействовал на актуализацию в социуме цифровизации. В совершенно различных областях деятельности людей (будь то управление, предпринимательская деятельность или же образование) дистанцирование в срочном порядке выявило необходимость внедрения инновационных технологий во все сферы жизни общества. Безусловно,

внедрение новых технологий дало развитие и новым преступлениям. Например, российские банки, в особенности Сбербанк России, в условиях пандемии COVID-19 установил факты мошеннических действий с применением различной социальной инженерии, направленной на изъятие у граждан персональных данных, вплоть до оформления кредитов в режиме online.

Информационно-телекоммуникационная сеть Интернет – это общедоступный пользователям графический браузер, предоставляющий субъектам неограниченные возможности для коммуникации, создания, хранения, передачи, получения совершенно разнообразных данных – от текстовых до видео. На сегодняшний момент глобальная сеть Интернет является составной частью не только повседневной жизни человека и гражданина, но также и функционирования организаций. Различные новые программы, непосредственно касающиеся системы online-доступа ко всему мировому сообществу с сотовых телефонов и иных устройств, во многом увеличивают число пользователей.

В связи с быстро развивающимися темпами компьютеризации и инновационных технологий, касающихся обработки и передачи сведений, общество приобретает особенности цифрового социума. Переход на цифру – это понятие для обозначения процесса внедрения цифровых технологий во все сферы жизни общества, т. е. социальной действительности. Цифровизация оказывает особое воздействие на подсистемы российского общества: экономику, политику, культуру, СМИ, здравоохранение и др., что в результате приводит к совершенно новым социальным и коммуникативным аспектам. В особенности цифровизация повлияла на развитие таких отраслей экономики, как банковское дело, площадки интернет-торговли, нефтедобыча, масс-медиа, медицина и др. Ярким примером цифровизации будет являться активное использование в жизни россиян приложений «Яндекс. Еда», «Самокат», Ozon, Uber и многое другое [2].

Безусловно, цифровизация социума является неотвратимым процессом. Однако ее можно рассматривать как с точки зрения стимулирования положительных общественных преобразований, так и отрицательных, т. е. при развитии новых технологий подразумевается исключение бумажного документооборота, повышение точности в предоставлении и получении

различных услуг, товаров, повышение прибыли и уменьшение издержек и тому подобное. Другая же точка зрения будет свидетельствовать о совершенно разных проблемах в экономической, социальной и правовой среде. В данном случае актуализируется проблема, связанная с цифровым неравенством, когда уровень образования людей является неодинаковым в связи с ограниченными условиями доступа к тем или иным услугам (товарам). С развитием цифровой экономики человеческий труд сокращается, что приводит к утрате ряда профессий, в том числе: менеджеры по продаже, государственные служащие, банковские работники и так далее. Потерпевшие от безработицы зачастую становятся нарушителями российского законодательства.

Целесообразно указать на факт, свидетельствующий о том, что цифровизация порождает киберпреступность в различных формах ее проявления: хищения, мошенничества, взлом и иное, что позволяет выделить следующие виды преступлений:

1. Киберпреступления – утечка информации путем несанкционированного доступа к данным посредством взлома, online-атак, вирусов, спамов и иных вредоносных программ.

2. Кражи – хищение денежных средств, персональных данных, интеллектуальной собственности, авторского права посредством активного применения вредоносных программ.

3. Терроризм – сообщения, содержащие сведения о поддержании и пропаганде терроров, распространение правил по изготовлению и применению взрывчатых веществ и взрывных устройств, оружия и боеприпасов к нему.

4. Торговля людьми (в том числе сексуальная эксплуатация несовершеннолетних).

На сегодняшний день остро стоит проблема, связанная с рассмотрением подходов в использовании информационных технологий при организации поиска и фиксации доказательств. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) закрепляет норму, регламентирующую использование технических средств в процессе производства следственных действий. Органы предварительного расследования зачастую применяют компьютерную аппаратуру, подключенную к сети Интернет, с целью

осуществления, осмотра и, поиска сведений на удаленных ресурсах. Подобная аппаратура в основном исследует определенные сайты, сведения, хранимые на электронной почте, страницы в социальных сетях и иной контент, зафиксированный на конкретных информационных площадках. Указанные действия упрощают и позволяют в наиболее короткие сроки выявить криминалистически значимую информацию, а также закрепить ее посредством отражения в процессуальном документе.

Одним из эффективных способов фиксации и отображения хода осмотра является технология снимка экрана – скриншот, которая позволяет запечатлеть информацию, отображенную на дисплее компьютера и зафиксировать ее в приложении к протоколу следственного действия.

В современном мире граждане активно используют юридические действия посредством глобальной сети Интернет, т. е., без затруднений в режиме online подаются документы на регистрацию юридического лица или индивидуального предпринимателя, публикуются отчетные информационно-аналитические сведения в налоговый орган с обязательной фиксацией электронной подписи, отправляются процессуальные документы в суд. Человек использует одно или несколько мобильных устройств, которые отвечают определенным требованиям функциональности. В этой связи представляется возможным рассмотреть процесс создания средств для дистанционной деятельности по выявлению, фиксации доказательств по нескольким направлениям:

1. Получение сведений от организаций. Раскрытие и расследование общественно опасных и противоправных деяний, непосредственно связанных с применением информационно-коммуникационных технологий, включает требование получения сведений от различных организаций, к которым принято относить: операторов связи, организаторов распространения персональных данных, в базах данных которых хранится информация. Данный перечень закреплен в нормах Федерального закона «О связи» и Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Кроме того, обеспечение возможности представления запроса сведений указанных организаций позволяло бы в наиболее сокращенный срок получить информацию, имеющую значение для уголовного дела, однако лишь в тех случаях, когда были

соблюдены все четко установленные российским законодательством правила и условия конфиденциальности и доступа.

2. Внедрение технологий удаленного исследования объектов – места происшествия, физических предметов, информационных ресурсов, файлов и иных.

3. Внедрение механизмов удаленного получения сведений от физических лиц.

Подводя итог, целесообразно отметить, что для успешной и эффективной борьбы с киберпреступностью требуется:

- для совершенствования российского законодательства необходимо сформулировать и принять нормативные акты, регламентирующие вопросы единообразного подхода к применению положений в области общественно опасных и противоправных деяний с применением информационно-коммуникационных технологий в процессе осуществления предварительного расследования, а также в судебной практике;

- реализовывать ряд мероприятий, направленных на формирование эффективных национальных компьютерных операционных систем, позволяющих устанавливать, фиксировать, анализировать преступную деятельность в глобальной сети Интернет;

- на основе положительного опыта служб и подразделений взаимодействующих с правоохранительными органами в области урегулирования вопросов, связанных с информационной безопасностью, борьбы с общественно опасными и противоправными деяниями в информационной среде, разработать алгоритм совместных действий с целью сокращения временного промежутка для получения доказательств по расследуемым делам.

Задача следователей, экспертов и криминалистов, участвующих в расследовании, состоит в том, чтобы сделать данные легкими для получения, эффективными и пригодными для использования в качестве доказательств. Условием успешного решения этой задачи является квалифицированное использование инновационных технологий и новейших достижений.

Литература

1. Малянова К.П. Актуальные проблемы в деятельности правоохранительных органов при выявлении и раскрытии преступлений с использованием электронных средств платежа // Юрист-Правоведь. 2021. № 2(97).

2. Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В. Цифровизация и ее уголовно-правовые риски // Правосудие. 2020. № 2.
3. Экономика и бизнес [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9076505> (дата обращения: 22.06.2022).
4. Гишинский Я.И. Цифровой мир и право // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4–1(62).
5. Цифровая криминалистика: учебник для вузов / под ред. В.Б. Вехова, С.В. Зуева. М., 2021.
6. Толковый словарь терминов и понятий по вопросам цифровой трансформации URL: <https://elib.bsu.by/bitstream> (дата обращения: 13.08.2022).
7. Роджерс Е.М. Распространение инноваций [Электронный ресурс]. URL: <https://web.stanford.edu/class/symbsys205> (дата обращения: 13.08.2022).

© Малянова К.П., 2023

УДК 343.137.5:343.14

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРОИЗВОДСТВОМ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Мандрыка Ю.С.

Преподаватель кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России

Миронова А.В.

Начальник кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала Московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент

Статья 191 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) указывает на общую характеристику допроса несовершеннолетнего, когда данная категория лиц находится в статусе потерпевшего или свидетеля. Что касается иных статусов несовершеннолетних

в уголовном судопроизводстве, то положения ст. 425 УПК РФ регламентируют статусы подозреваемых, обвиняемых и подсудимых.

Более того, процессуальные требования, предъявляемые при допросе несовершеннолетних, возможно идентифицировать с общим порядком данного следственного действия, но здесь не следует упускать его особенности.

Лица, являющиеся свидетелями или потерпевшими по конкретному уголовному делу, не достигшие шестнадцатилетнего возраста, не предупреждаются об уголовной ответственности за дачу ложных показаний (за отказ от показаний). В данном же случае следователю надлежит разъяснить рассматриваемой категории лиц необходимость предоставлять лишь истинные сведения.

На сегодняшний день сложилась тенденция взаимодействия должностных лиц предварительного расследования с психологами и педагогами при производстве допроса несовершеннолетнего. Однако ранее предполагалось лишь привлечение педагогов. Безусловно, здесь есть свои особенности, конкретно касающиеся участия психолога и педагога для лиц, не достигших 16 лет или достигших указанного возраста, но страдающих психическими расстройствами (отстающих в психическом развитии).

Здесь целесообразно было бы выделить основную проблему, подразумевающую отсутствие урегулированности на законодательном уровне требований, которые необходимо предъявлять педагогу или психологу при привлечении указанных лиц к участию в допросе несовершеннолетнего. На основании п. 62 ст. 5 УПК РФ зафиксировано определение термина «педагог», однако остаются неразрешимыми ситуации, когда следователь (дознатель) привлекает к участию психолога, а когда – педагога [1, с. 89]. Обратившись к специальной литературе по исследуемой тематике, установим, что российские ученые-правоведы также не имеют однозначной и единообразной позиции по закреплённой ранее проблеме.

Невозможно не согласиться с точкой зрения знаменитого процессуалиста С.Е. Тимошенко, указывающей на то, что наиболее значимым будет являться привлечение в процесс допроса несовершеннолетнего психолога, а не педагога, так как деятельность психолога в уголовном судопроизводстве основывается на верном конструировании вопросов, позволяющих

четко и полно произвести совместно со следователем или дознавателем допрос несовершеннолетнего, а также проследить изменение его психического состояния, заметить возможные отклонения в эмоционально-волевой сфере человека, что остается за пределами компетенции педагога [2, с. 377].

При допросе несовершеннолетнего также требуется отметить дополнительные средства обеспечения прав несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых или подсудимых), заключающиеся в обязательном участии защитника, законного представителя. Участие защитника также является необходимым условием в ситуациях, когда ранее несовершеннолетнее лицо достигло 18-летия на момент судебного разбирательства. Средства, затраченные при привлечении защитника, берет на себя Российская Федерация. В случае, если законный представитель участвует в качестве защитника, это не отменяет обстоятельства, касающегося обязательного участия защитника.

Время производства следственных действий должно учитываться исходя из возрастного критерия несовершеннолетних. До 7 лет – продолжительность следственного действия не должна превышать 30 минут без перерыва, в общем – один час; от 7 до 14 – без перерывов – более 1 часа, в общем – до 2 часов; от 14 лет – до 2 часов, в общем – 4 часа в день.

При осуществлении допроса несовершеннолетнего следователю (дознавателю) необходимо обращать внимание на своеобразие психики и возраст несовершеннолетнего. Здесь особую роль будет играть психологический контакт следователь (дознаватель) – несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый, подсудимый, потерпевший, свидетель). Детям до 7 лет рекомендуется задавать вопросы в процессе развлекающей игры, данная обстановка будет благоприятно сказываться на поведении несовершеннолетнего, так как он будет погружен в сложившуюся ситуацию. Именно благодаря подобному методу ребенок дошкольного возраста сможет без труда восстановить некоторые события в памяти. В данном случае также запрещено пренебрегать временем проведения допроса. Дети рассматриваемого возраста наиболее четко запоминают эмоции человека – злость, страх, гнев и т. д. Однако детские показания надлежит рассматривать с особой осторожностью, а оценку производить лишь в интеграции с иными показаниями.

Важно упомянуть и об эффективных средствах получения сведений от несовершеннолетнего потерпевшего. Использование помещения, которое было бы оборудовано специализированным зеркалом Гезелла. Особую актуальность данное зеркало будет иметь при раскрытии и расследовании общественно опасных и противоправных деяний против половой неприкосновенности несовершеннолетних, так как потребуются привлечение специалиста-психолога для установления психологического контакта с потерпевшим.

В процессе получения сведений от ребенка дошкольного возраста зачастую используют комнаты с располагающей обстановкой, в которой могут находиться игрушки для детей, яркая мебель и иное. На момент беседы следователя (дознателя) с несовершеннолетним требуется активно применять специальный наушник, благодаря которому уполномоченное на то должностное лицо способно будет слышать рекомендации психолога, находящегося на расстоянии от них.

Полагаем, что для решения некоторых проблем, связанных с невозможностью получения объективных показаний несовершеннолетним в связи с рядом факторов, требуется:

- максимально оборудовать в территориальных отделах МВД России комнаты для производства ряда следственных действий с участием несовершеннолетних с располагающей обстановкой;
- на законодательном уровне зафиксировать основания и порядок вызова и участия в допросе несовершеннолетнего педагога и психолога, а также требования, предъявляемые к ним.

Подводя итог вышесказанному, надлежит отметить, что законодателем закреплены гарантии обеспечения и поддержания прав несовершеннолетних, выступающих в уголовном деле в качестве потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого или подсудимого. Требования, которых должен придерживаться следователь (дознатель) при производстве допроса несовершеннолетнего, складываются в связи с осуществлением защиты прав и законных интересов данной категории лиц согласно их возрасту, типу личности, психики, уровню развития. Данные нормы явились успешным новшеством и толчком для формирования ювенальных судов в Российской Федерации.

Литература

1. Миронова А.В., Мандрыка Ю.С. Обеспечение прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства при проведении процессуальных действий // Юрист-Правоведъ. 2020. № 1(92).

2. Тимошенко С.Е. Допрос как способ изучения личности несовершеннолетнего, совершившего преступление // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 3.

© Мандрыка Ю.С., Миронова А.В., 2023

УДК 343.163:343.12(100)

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРОКУРОРА НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Митькова Ю.С.

Доцент кафедры уголовного процесса Учебно-научного
комплекса по предварительному следствию в ОВД Волгоградской
академии МВД России, кандидат юридических наук

Международными нормами [1] отведена особая роль прокурору как главе обвинительной власти и «блюстителю законности» в уголовном судопроизводстве, а также определена оптимальная модель деятельности прокурора, соответствующая современным потребностям социально-экономического уровня развития, на которую рекомендовано ориентироваться законодателям всех государств. Так, традиционно в уголовном процессе подавляющего большинства стран на прокуроров возложены обязанности по осуществлению надзорной функции за полицией и органами следствия с целью усиления гарантий соблюдения ими положений закона и основных прав человека в ходе расследования и обвинительная функция как органа публичного уголовного преследования.

Национальное уголовно-процессуальное законодательство многих стран постсоветского пространства объединено схожими базовыми правовыми основами, в том числе касающимися уголовно-процессуальной деятельности прокурора.

В то же время в 2007 г. [2] в Российской Федерации произошла кардинальная трансформация положений уголовно-процессуального закона, регулирующих правовое положение прокурора на стадии предварительного расследования, согласно которым им была утрачена важная часть полномочий по процессуальному руководству предварительным следствием и значительным образом скорректирован объем полномочий по выполнению им функции уголовного преследования.

Указанная реформа привела к существенным противоречиям в формально закреплённом характере и реализуемых на практике прокурором функций в уголовном судопроизводстве, в большей степени на его досудебных стадиях.

В УПК Республики Беларусь [3] (далее – УПК РБ), принятом в 1999 г., основы уголовно-процессуального статуса прокурора закреплены в ст. 34 УПК РБ, которая размещена в гл. 5 «Государственные органы и должностные лица, осуществляющие уголовное преследование». В части первой указанной нормы закона определено, что на прокурора возложена функция осуществления уголовного преследования от имени государства и поддержания государственного обвинения в суде. Далее в ч. 5 ст. 34 УПК РБ в качестве направления деятельности прокурора обозначен и прокурорский надзор за деятельностью органов предварительного расследования. Здесь необходимо отметить последовательность белорусского законодателя, который разделил участников обвинения и субъектов, ведущих уголовный процесс, устранив тем самым неточности в процессуальных статусах, в отличие от отечественного законодателя.

Так, в российском УПК прокурор включен в число участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения (наряду с потерпевшим, частным обвинителем и иными участвующими лицами, не наделенными государственно-властными полномочиями). В силу нормативного установления в ч. 1 ст. 37 УПК РФ к его функциональному назначению относится осуществление уголовного преследования с одновременным

возложением надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. Выдвижение и поддержание прокурором государственного обвинения в суде как отдельное направление деятельности не выделено, но тем не менее регламентировано законодателем далее в ч. 3 обозначенной нормы.

Однако воплощение провозглашенной в УПК РФ функции уголовного преследования многими российскими учеными [4, ч. 11] в современных реалиях уголовного судопроизводства подвергается сомнению после упомянутых выше законодательных изменений в содержании процессуального статуса прокурора. В частности, ключевым выражением данной функции является наличие правовой возможности возбудить уголовное дело и провести предварительное расследование, которой данное должностное лицо было лишено в результате законодательных новелл, принятых в 2007 г. Российским законодателем был сделан акцент на надзорной составляющей функционального назначения деятельности прокурора в уголовном процессе, о чем и свидетельствуют положения ст. 37 УПК РФ.

Так, в ч. 2 ст. 37 УПК РФ установлены следующие полномочия прокурора как органа надзора: проверять исполнение законодательства органами дознания и следствия на стадии возбуждения уголовного дела, вносить требования об их устранении; давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий; давать согласие дознавателю на совершение процессуальных действий и применение мер процессуального принуждения, требующих судебного разрешения; отменять постановления дознавателя, отстранять дознавателя от расследования, возвращать уголовное дело для производства дополнительного следствия и дознания и ряд других.

При обнаружении в ходе надзорной деятельности обстоятельств, свидетельствующих о наличии свойств преступного деяния, прокурор вправе инициировать перед уполномоченными органами процессуальную проверку, вынося соответствующее постановление в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Таким образом, прокурор фактически был лишен права непосредственного возбуждения уголовного дела и, соответственно, самостоятельного проведения расследования, что негативным образом сказывается на эффективности и оперативности прокурорского надзора,

когда прокурор вынужден через посредничество поднадзорных субъектов реагировать на нарушения закона. В связи с этим вынуждены констатировать, что важнейшая функция по осуществлению уголовного преследования, исторически возложенная на органы прокуратуры как гаранта справедливости обвинения и интегрированная в нормы международного права, фактически утратила свою значимость в российском уголовном судопроизводстве. Тем самым мы не можем утверждать, что в нынешних условиях в досудебной деятельности прокурор реализует уголовное преследование.

Законодатель Республики Беларусь, напротив, не отказался от советской модели деятельности прокурора в уголовном процессе, что выражается в полномочиях последнего по возбуждению уголовного дела, принятии его к производству и проведению расследования в полном объеме (ч. 1 ст. 175, ч. 4 ст. 34 УПК РФ); применению мер процессуального принуждения (п. 14 ч. 5 ст. 34 УПК РФ); личному производству отдельных следственных действий в ходе дачи санкции на применение мер пресечения в пределах своих полномочий (п. 3 ч. 5 ст. 34 УПК РФ); разрешению отводов следователю, органу дознания и самоотводы, а также других полномочий.

Содержание проанализированных норм УПК РФ и УПК РБ, регулирующих правовое положение прокурора в досудебном производстве по уголовным делам, позволяет отметить различия в его функциональном назначении в законодательстве указанных государств. Представляется, что наделение белорусским законодателем прокурора правом возбуждения уголовного дела как средства прокурорского реагирования на выявленные в рамках осуществления надзора отступлений от предписаний действующего законодательства в большей степени способно обеспечить эффективность надзорной деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве, нежели «посреднические» действия прокурора в отечественном уголовном процессе.

На основании изложенного, следуя положительному опыту Республики Беларусь, видится целесообразным внесение соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство РФ в части определения в отдельной главе участников уголовного процесса, наделенных правом уголовного преследования, а также возвращения прокурору полномочия по возбуждению уголовного дела как эффективного средства прокурорского надзора, согласующегося с реализуемой им функцией и международными стандартами его деятельности.

Литература

1. О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия. Рекомендации NR (2000) Комитета Министров Совета Европы государствам – членам // Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации [Электронный ресурс]. URL: [http:// docs.cntd.ru/document/90199642](http://docs.cntd.ru/document/90199642) (дата обращения: 20.09.2022).

2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации; О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (с изм. и доп. по состоянию на 20.07.2021 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2002 (дата обращения: 17.09.2022).

2. Абдул-Кадыров Ш.М. Осуществление прокурором уголовного преследования и надзора за исполнением законов в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015

© Митькова Ю.С., 2023

УДК 343.137

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Миронова А.В.

Начальник кафедры уголовного процесса Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Один из аспектов эффективности деятельности органов предварительного расследования состоит в применении «упрощенных» процессуальных форм, позволяющих сокращать процессуальные, временные

и материальные затраты, не ущемляя при этом прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Дознание как форма предварительного расследования является одной из таких процессуальных форм, которая несколько сокращает порядок и сроки производства по уголовному делу, а с введением в 2013 г. дознания в сокращенной форме указанная черта дознания стала более выраженной. При этом на всем протяжении периода применения дознания в сокращенной форме ведется полемика о его достоинствах и недостатках, причиной которой является как нормативная основа, так и сравнительно небольшое количество уголовных дел, ежегодно расследуемых в сокращенной форме дознания.

В научных дискуссиях высказываются как отдельные проблемы производства дознания в сокращенной форме, так и ставится вопрос о целесообразности его сохранения в той форме, в какой оно представлено в гл. 32.1 УПК РФ. В правоприменительной практике проблематика рассматриваемого производства связана с основаниями применения сокращенного дознания. Например, данная форма применяется только если уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица, при этом сроки производства дознания в сокращенной форме исчисляются не со дня возбуждения уголовного дела, а со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме. Учитывая тот факт, что для применения гл. 32.1 УПК РФ не имеет значения, заявил ли будущий подозреваемый явку с повинной или его причастность установили должностные лица органа дознания, связывать факт начала сокращенного дознания с условием, определенным в п. 1 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ, нецелесообразно. И если статус подозреваемого появился путем его задержания при наличии одного из оснований, указанных в ч. 1 ст. 91, в порядке гл. 12 УПК РФ, в скором времени после возбуждения уголовного дела, то это, по нашему мнению, не может быть препятствием для производства дознания в сокращенной форме.

Для некоторых ученых странным является и тот факт, что для сокращенного дознания подозреваемый должен полностью признать себя виновным [1, с. 16–25], что из обязанностей дознавателя исключается необходимость устанавливать все обстоятельства, указанные в ст. 73 УПК РФ [2, с. 58–61], что «право подозреваемого не проверять доказа-

тельства, в том числе признательные показания подозреваемого, является серьезным упущением законодателя и должно быть скорректировано надлежащим образом» [3, с. 134–136]. Указанные проблемы среди прочих других могут являться причиной сравнительно небольшой доли уголовных дел, по которым применяется сокращенное дознание. Так, в 2021 г. лишь 6,6 % уголовных дел, находящихся в производстве дознавателей, расследовалось в форме сокращенного дознания. Анализ сведений о работе органов дознания указывает на то, что в ряде регионов имеется тенденция к дальнейшему уменьшению применения рассматриваемой процессуальной формы. Между тем преобладающее количество таких уголовных дел по разнообразным преступлениям (ст. 112, 115, 116, 119, 158, 264.1, 321.1–322.3 УК РФ и др.) в 2021 г. направлено в суд с обвинительным постановлением (98 %), что свидетельствует об эффективности рассматриваемого дознания в сокращенной форме [4].

Значит, несмотря на обозначенные проблемы в большинстве случаев, когда дознаватели принимали решение о производстве дознания в сокращенной форме, это решение было законным и обоснованным, и препятствий для вынесения обвинительного постановления и направления уголовного дела в суд не было.

Безусловно, оперируя только статистическими сведениями, невозможно сделать вывод об эффективности или неэффективности практики применения сокращенного дознания. Необходимо исследование причин, препятствующих увеличению доли уголовных дел, по которым может применяться дознание в сокращенной форме. Нами проанализированы такие причины, и краткие результаты показывают, что к таким причинам можно отнести:

1) превышение срока производства по уголовному делу и, как следствие, переход к общему порядку дознания;

2) недобросовестное отношение дознавателя к исполнению своих должностных обязанностей, недостаточный контроль начальника подразделения дознания за подготовкой дознавателем материалов уголовного дела перед предъявлением его для ознакомления участникам уголовного судопроизводства со стороны защиты и стороны обвинения по окончании дознания в сокращенной форме и направлением уголовного дела прокурору в соответствии со ст. 226.7 УПК РФ;

3) возвращение уголовного дела прокурором или судом в орган дознания для проведения дальнейшего расследования в общем порядке [5].

Вышеуказанные причины обусловлены разными обстоятельствами. Например, превышению срока, предусмотренного ч. 1, 2 ст. 226.6 УПК РФ, часто «способствует» длительность судебных экспертиз, необходимость проведения дополнительных следственных действий, сложность в организации явки участников уголовного процесса и сбора документов, характеризующих личность подозреваемых, являющихся жителями разных регионов Российской Федерации, неправильное применение уголовно-процессуального закона сотрудниками подразделений и органов дознания. Решение прокурора или суда о направлении уголовного дела в орган дознания для проведения расследования в общем порядке может быть вызвано выявлением процессуальных нарушений. К таким нарушениям можно отнести: составление протоколов следственных и иных процессуальных действий с нарушением установленного порядка (не указан процессуальный статус лица, принимавшего участие в процессуальном действии, отсутствуют сведения о лице, применившем при производстве следственного действия технические средства, не отражены сведения о порядке изъятия и упаковке предметов и другие); несоблюдение порядка разъяснения участникам уголовного судопроизводства прав, предусмотренных нормами УПК РФ, отсутствие отметки в протоколе ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела и обвинительным постановлением, об ознакомлении с приложениями к протоколам следственных действий, и др.

Приведенные примеры свидетельствуют о различных нарушениях требований уголовно-процессуального закона, допущенных дознавателем, которые привели к возвращению уголовного дела, окончанию производства в сокращенной форме и, соответственно, к необоснованному увеличению временных затрат, к неэффективному использованию рабочего времени сотрудников и материально-технических средств.

В ряде территориальных подразделений существует такой подход к расследованию данного вида, при котором в противоречие положениям ст. 226.5 УПК РФ при утверждении обвинительного постановления начальником органа дознания и прокурором от дознавателя требуют проведения не только следственных действий, непроизводство которых может

повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления, иных доказательств, но и всех возможных следственных действий, исходя из обстоятельств дела. Дознавателю даются указания о проведении следственных действий, которые дублируют материалы проверки сообщения о преступлении (допросы, даже при наличии объяснений, назначение судебных экспертиз при наличии заключения специалиста), либо о проведении следственных действий с целью проверки ранее полученных доказательств (включая проведение проверки показаний на месте, следственного эксперимента). Однородные проблемы были выявлены в ходе изучения правоприменительной практики подразделений дознания по Московской, Смоленской, Ярославской областям, Приморскому краю.

Таким образом, причинами несоблюдения сроков сокращенного дознания могут быть завышенные требования к полноте собранных материалов. Проведенное в Нижегородской области социологическое исследование показало, что основанная масса опрошенных сотрудников подразделений дознания (67,14 %) указала при опросе, что в ходе производства дознания в сокращенной форме требуется проведение процессуальных действий в том же объеме, что и при общем порядке дознания [6, с. 34]. Такие требования не соответствуют уголовно-процессуальному закону, поскольку тем самым теряется смысл проведения сокращенного дознания, состоящий в упрощении процессуальной формы досудебного производства.

Изучение практики применения дознания в сокращенной форме указывает на целый комплекс проблем и причин, которые препятствуют увеличению доли уголовных дел, расследуемых в форме сокращенного дознания. Условно можно выделить две основные группы проблем. Во-первых, это необоснованное завышение требований уполномоченных должностных лиц к процессу доказывания, в нарушение положений ст. 226.5 УПК РФ, потере смысла сокращенного дознания, состоящего в упрощении процессуальной формы досудебного производства. Во-вторых, отсутствие должного контроля со стороны руководителей подразделений и органа дознания за соблюдением дознавателями процессуальных правил в ходе производства по уголовному делу. Меры по разрешению подобных проблем помогут существенно повысить эффективность производства дознания в сокращенной форме.

Литература

1. Белкин А.Р. Дознание в упрощенной форме: сомнительная схема с усеченным доказыванием // Уголовное судопроизводство. 2016. № 4.
2. Аристархов А.Л. Трудности применения института дознания в сокращенной форме // Законность. 2016. № 12.
3. Мичурина О.В. Предварительное расследование: современное состояние и перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3.
4. Сведения о следственной работе и дознании органов внутренних дел по Российской Федерации (сводный отчет ГИАЦ МВД России) за 2021 год // Материалы официально не опубликованы.
5. Обзоры правоприменительной практики производства дознания в сокращенной форме за 2018–2021 годы // Управление по организации дознания ГУ МВД России по Московской области. Документы опубликованы не были.
6. Летелкин Н.В. Дознание в сокращенной форме в уголовном процессе России: проблемы, пути совершенствования: учебное пособие. Н. Новгород, 2021.

© Миронова А.В., 2023

УДК 343.13

ОСОБЫЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ИММУНИТЕТ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ

Навалиев Н.М.

Адъюнкт кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России

В корне неверно, пишет А.Г. Репьев, смешивать особый правовой порядок производства по уголовному делу в отношении отдельной категории лиц, закрепленный гл. 52 УПК РФ, как способ реализации особой

правовой процедуры, с правовым иммунитетом». По его мнению, гл. 52 УПК РФ регламентирует лишь усложненную процедуру производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. Ни о какой неподверженности обязанностям и ответственности речи не идет, как в случае с иммунитетом [1, с. 529].

Соглашаясь с автором в том, что особый правовой порядок и иммунитет – это разные правовые феномены, мы вынуждены заметить, что предложенное автором понимание особой правовой процедуры слишком широко и фактически включает в себя любые особые процессуальные производства. Из размышлений автора вытекает, что иммунитет – это феномен исключительно материального права. Получается так, что традиционное понимание уголовно-процессуального иммунитета оказалось как бы заблуждением, ведь на самом деле это особая правовая процедура привлечения к уголовной ответственности отдельных категорий лиц.

Исходя из такого понимания вопроса, следует, что есть уголовно-правовой иммунитет, например, депутата Государственной Думы и особая правовая процедура привлечения к уголовной ответственности. По нашему мнению, при такой постановке вопроса мы идем по пути удвоения сущностей. Ведь если мы признаем, что иммунитет есть неподверженность ответственности (в нашем случае уголовной) и он не может быть преодолен, то наличие какого-либо особого порядка привлечения к такой ответственности просто лишается всякого смысла. Лица, перечисленные в гл. 52 УПК РФ, не имеют никакого иммунитета от уголовной ответственности.

Более того, вынесение обвинительного приговора суда в отношении депутата Государственной Думы констатирует как факт наличия основания уголовной ответственности – совершения деяния, содержащего все признаки состава преступления, так еще и служит основанием для досрочного прекращения его полномочий (п. «д» ч. 1 ст. 4 ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации») [2].

Продолжая анализ особой правовой процедуры, заметим, А.Г. Репьев пишет, что она (особая правовая процедура) выступает одним из барьеров, направленных на необоснованное вмешательство в публичную

деятельность, но, при соблюдении установленного порядка, может быть преодолена, следствием чему станет возбуждение уголовного дела» [3, с. 350].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что разница между иммунитетом и особой правовой процедурой состоит лишь в том, могут ли быть преодолены создаваемые ими трудности или нет. В таком случае получается, что если «барьер» на пути к уголовной ответственности может быть преодолен, то это особая правовая процедура, а если нет, то иммунитет.

Кроме того, по мнению А.Г. Репьева, в отличие от иммунитета, особый правовой порядок не наделяет лицо дополнительными гарантиями неприкосновенности, не освобождает лицо от необходимости претерпевать неблагоприятные для себя последствия, а лишь делает этот процесс облегченным, ускоренным, сокращенным [1, с. 351].

Действительно иммунитет в своей основе – это и есть дополнительная гарантия неприкосновенности лица, им обладающего. Лишение же иммунитета переводит процесс в обычное русло. Причем лицо может лишиться иммунитета как вследствие его преодоления в порядке, предусмотренном гл. 52 УПК РФ, так и по вполне естественным причинам, например, в случае увольнения лица с занимаемой должности.

Если же особый правовой порядок в отличие от иммунитета не наделяет лицо дополнительными гарантиями неприкосновенности, о чем, собственно говоря, пишет А.Г. Репьев, то и нормы гл. 52 УПК РФ, являющиеся гарантийными по своей направленности, тоже нельзя отнести к особому правовому порядку.

Более того, отметим, что весь уголовный процесс, по своей сути, это набор гарантий. При этом у отдельных участников процесса их больше, чем у остальных. Поэтому признавая возможность (а мы в этом пункте, безусловно, и категорически с А.Г. Репьевым согласны) существования в уголовном процессе особых правовых процедур, мы должны и признать их гарантийный характер. Только поскольку эти процедуры особые, постольку и гарантий такой режим по отношению к общему правилу содержит большее количество. Тут важно подчеркнуть, что именно большее по отношению к общему количеству гарантий. Это обусловлено тем, что всякие упрощенные процедуры, существующие в уголовном процессе, можно было бы отнести к особым правовым режимам, если бы только не одно но.

Такой упрощенный порядок привлечения к уголовной ответственности никак нельзя назвать правовым преимуществом. Такие особые производства (например, тот же особый порядок привлечения к уголовной ответственности, предусмотренный гл. 40 УПК РФ) являются лишь примерами дифференциации уголовно-процессуальной формы [4, с. 68], а не правовыми преимуществами лиц.

По нашему мнению, особый правовой режим отличает от иммунитета именно то, что гарантии, предоставляемые им определенным категориям лиц, не могут быть преодолены. Если лицо, обладающее иммунитетом, может его лишиться в порядке, предусмотренном УПК РФ, то особый правовой режим уголовно-процессуальной деятельности в отношении предпринимателей или несовершеннолетних остается неизменен вне зависимости от действий органов, осуществляющих уголовное преследование. При этом такой режим может носить в уголовном процессе как льготный (производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, предусмотренный гл. 50 УПК РФ), так и привилегированный (производство по уголовным делам в отношении предпринимателей, в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности) характер.

Таким образом, гарантии, предоставляемые определенным категориям лиц в сфере уголовного судопроизводства и составляющие в своей совокупности особый правовой порядок, не могут быть преодолены в отличие от гарантий, предоставляемых иммунитетом.

Литература

1. Репьев А.Г. Преимущества в российском праве: теория, методология, техника: дисс. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2019.
2. О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: федер. закон от 08 мая 1994 года № 3-ФЗ (ред. от 14.07.2022) О // Собрание законодательства РФ. 1999. № 28. Ст. 3466.
3. Алексеев И.М. К вопросу о понятии уголовно-процессуальной формы // Вестник Калининградского филиала СПб университета МВД России. 2014. № 1(35).

© Навалиев Н.М., 2023

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 126 УК РФ

Осяк В.В.

Заведующий кафедрой криминалистики Ростовского филиала
Санкт-Петербургской академии Следственного комитета
Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

Вопросы противодействия таким посягательствам на свободу личности, как похищение людей, торговля ими из года в год, не теряют своей актуальности. Кроме того, наметилась тенденция к усилению жестокости действий преступников. Все чаще похищение сопряжено с убийством людей, причинением им увечий, пыток, их эксплуатацией. Так, целью похищений, совершаемых организованной группой под руководством В.А. Палатова являлась последующая торговля лицами низкого социального статуса и без постоянного места жительства на территориях Республики Калмыкия и Астраханской области, для использования на работе в животноводстве [1].

Нередко исследуемые деяния носят групповой характер, часть из них высокой степени организованности, что подтверждается анализом статистических данных. Так, согласно данным ГИАЦ МВД России, только за период с января по август 2022 г. зарегистрировано 250 преступлений, предусмотренных ст. 126 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), из них 36, совершенных организованной группой либо преступным сообществом (преступной организацией), выявлено 541 лицо, совершившее преступление [2].

К сожалению, приведенные показатели зарегистрированных преступлений не показывают реальное количество общественно опасных деяний, связанных с похищением человека, поскольку данные преступные деяния обладают высокой степенью латентности, что осложняет

меры по противодействию данному виду посягательства на свободу личности. Все изложенное свидетельствует о необходимости разработки эффективных мер противодействия данным деяниям.

Как известно, организация и планирование первоначального этапа расследования преступлений, связанных с похищением человека, во многом определяются сложившейся к этому этапу следственной ситуацией, которая характеризуется динамичностью и находится в прямой зависимости от объема, содержания и достоверности информации о расследуемом событии, а также от наличия сведений о характере и местах нахождения иных источников доказательств по делу.

Одной из особенностей рассматриваемого вида преступления является то, что проверка информации о похищении человека начинается, как правило, при отсутствии каких-либо данных о лицах, его совершивших [3, с. с. 218–220]. Поэтому особое значение приобретают первоначальные следственные действия и умелое сочетание их с оперативно-розыскными мероприятиями, направленными на обнаружение преступников, местонахождение похищенного и его освобождение.

Так, следователь, получив материалы, свидетельствующие о похищении человека (сообщение преступников, заявление потерпевшего, его родственников, очевидцев и др.) и приняв решение о возбуждении уголовного дела, должен в зависимости от этапа реализации преступного замысла наметить комплекс необходимых следственных действий, определить, какие из них следует отнести к категории неотложных и в какой последовательности их проводить. И здесь первостепенной задачей, стоящей перед органом расследования, является сохранение жизни, здоровья лица, находящегося в неволе, в том числе и при проведении тактической операции, направленной на его освобождение. При получении информации о возможном похищении человека должен быть реализован комплекс оперативно-розыскных, технических, поисковых и разведывательных мероприятий, направленных на выявление, документирование и пресечение деятельности преступных групп [4, с. 27–29; 5, с. 172–174], специализирующихся на совершении похищения людей с целью последующего требования выкупа за их освобождение.

Задержание преступников может быть произведено сразу же после получения ими выкупа, если похищенный находится с ними и обстановка позволяет освободить его без риска для здоровья и жизни. Иногда целесообразно произвести задержание после того, как похищенный отпущен на свободу и окажется вне опасности. После захвата незамедлительно производится обыск задержанных и их автомобилей с целью обнаружения переданного им выкупа, а также запрещенных к свободному обороту предметов: оружия, боеприпасов, наркотических средств и психотропных веществ.

Важной составляющей процесса организации расследования преступления является выдвижение и проверка следственных версий. Осуществляя расследование по конкретному уголовному делу, следователь выдвигает не типовые, а конкретные версии, основанные на материалах данного уголовного дела, с учетом типовых версий. При этом под общей версией в криминалистике принято понимать предположение следователя о наличии или отсутствии событий или фактов, имеющих значение для правильного разрешения дела. Частные версии определяют отдельные обстоятельства, характеризующие преступное деяние и требующие уточнения и проверки.

Похищение человека выражается в его пропаже для окружающих, и в связи этим возможны следующие общие следственные версии, относящиеся к наличию или отсутствию события преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ: в отношении лица совершено преступление, с лицом произошел несчастный случай, лицо неизвестно пропало, преступление инсценировано.

Важным направлением организации расследования похищения человека является эффективное использование информационных баз данных, позволяющих оперативно получить информацию о подготавливаемом, совершаемом или о совершенном преступлении. Для розыска и установления скрывшихся с места происшествия похитителей эффективно использование криминалистических учетов. Следует обращаться и к пофамильным оперативно-справочным и дактилоскопическим картотекам, сосредоточенным в ГИАЦ МВД России. Также активно пополняется и используется для раскрытия и расследования преступлений система криминалистических учетов Следственного комитета Российской Федерации, таких как

дактилоскопическая следотека (централизованная электронная база данных в виде файлов установленного формата, в которых зафиксирована и систематизирована криминалистическая идентификационная информация о строении папиллярных узоров рук, изъятых с мест происхождения по уголовным делам о нераскрытых преступлениях), ДНК-учет и др.

Полезным будет взаимодействие следователя с оперативными подразделениями и в части своевременного использования современных аппаратно-программных комплексов, информационных поисковых систем, автоматизированных баз данных. Так, в МВД России функционирует и широко используется компьютерная база «Портрет», позволяющая осуществить поиск по фото- и видеоизображениям или субъективным портретам неустановленных преступников. С учетом того, что для реализации своего преступного замысла преступники зачастую используют транспортные средства, значительную помощь в установлении регистрационных данных транспортного средства и определении принадлежности его конкретному лицу оказывает федеральная информационная система Госавтоинспекции (ФИС ГИБДД-М), действующая на базе единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (ИСОД МВД России). ФИС ГИБДД-М позволяет получить данные о зарегистрированных транспортных средствах, их владельцах, о регистрационных действиях с автомобилем и т. д. [3, с. 218–220]. Положительно зарекомендовали себя государственные и частные системы видеонаблюдения и контроля: аппаратно-программный комплекс «Безопасный город», автоматизированные информационно-поисковые системы (АИПС) «Видеопоток», «СОВА». Последняя успешно применяется для распознавания лиц в местах массового скопления людей.

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий совместно со средствами анонимизации, обеспечивающими сокрытие или подмену основных цифровых следов, существенным образом преобразовало механизм совершения похищения человека. Совершенствование информационных технологий, легкодоступность сотовой связи позволяет преступникам осуществлять отправку сообщений родственникам на электронную почту с различных IP-адресов для усложнения отслеживания их местонахождения и изобличения, после каждого телефонного разговора с

родственниками менять телефонные аппараты и абонентские номера, зарегистрированные на неустановленных лиц, получать выкуп с использованием банковских счетов и различных офшоров.

В связи этим все более широкое обнаружение и изъятие криминалистически значимой информации в виде цифровых следов, отображаемых на различных электронных носителях, ставит перед лицом, осуществляющим расследование, и задачу обработки и накопления соответствующей информации в целях обеспечения возможности дальнейшего ее использования. И здесь не обойтись без помощи специалистов в области компьютерной техники. С учетом того, что в настоящее время существует множество признаков, по которым возможна идентификация технического устройства, совпадение электронно-цифрового следа с большой степенью вероятности позволит установить личность пользователя конкретного гаджета.

Таким образом, успешное расследование преступлений, предусмотренных ст. 126 УК РФ, невозможно без анализа типичных следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования, без эффективного межведомственного взаимодействия, использования современных баз данных. Все указанное позволит оптимизировать процесс расследования похищения человека, обеспечить его всесторонность и полноту.

Литература

1. В Волгограде вынесли приговор торговцам людьми [Электронный ресурс]. URL: <https://v102.ru/news/112777.html> (дата обращения: 20.10.2022).
2. Состояние преступности в России за январь-август 2022 г. // Главный информационно-аналитический центр МВД России. М., 2022.
3. Калюжный А.Н. Общая методика расследования преступлений против свободы личности: дис. ... д-ра юрид. наук. Орел, 2022.
4. Варданян А.В. Современная доктрина методикокриминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2(81).

5. Тишкин Д.Н., Осяк В.В. Вопросы совершенствования орд в сфере противодействия вариативным формам организованной преступности в условиях «цифровизации» и гибридной войны // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. материалов Междунар. научно-практ. конф. Ростов н/Д, 2021.

© Осяк В.В., 2023

УДК 343.14:343.12

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ДОКАЗЫВАНИЮ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Седых Т.В.

Старший преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского
университета МВД России, кандидат политических наук

Вопрос доказывания в уголовном судопроизводстве был и остается актуальным во все времена. На современном этапе процессу доказывания уделяется повышенное внимание по причине регулярного и порой кардинального реформирования уголовно-процессуального законодательства, в том числе и регламентирующего основные вопросы доказывания.

Доказательства по уголовному делу, их качество, степень важности, количество и достаточность, по своей сущности, являются знаком качества произведенного расследования.

Учитывать, что деятельность следователя по доказыванию обстоятельств совершения преступления в стадии возбуждения уголовного дела, установить достоверность либо недостоверность сведений о преступлении и создаст благоприятные предпосылки для расследования уголовного дела и его дальнейшего рассмотрения в суде. Данная уголовно-процессуальная деятельность взаимосвязана с правами участников уголовного судопроизводства и созданием гарантий следователем для того, чтобы любой

из участников мог воспользоваться своими правами в досудебном производстве.

Для оптимизации деятельности следователей с учетом судебной практики законодателем вносятся изменения и дополнения в положения уголовно-процессуального закона для совершенствования правоприменения ими при принятии решений в досудебном производстве при выполнении отдельных процессуальных действий как перед началом уголовного преследования лиц, совершивших преступления, так в ходе расследования до возбуждения уголовного дела [1].

Несмотря на позитивные изменения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации возникают отдельные проблемы в связи с тем, что положения уголовно-процессуального закона, которыми расширены полномочия следователя по производству отдельных следственных действий, не конкретизируют процессуальный статус лиц, с участием которых необходимо проводить следственное действие, либо законодателем не определены права участников следственного действия и возможности реализации этих прав при производстве следственного действия.

Например, у следователя при проверке сведений в сообщении о принятии решения о возбуждении уголовного дела о производстве освидетельствования могут возникнуть определенные трудности. Следователю необходимо указать процессуальный статус участника следственного действия, которого следует подвергнуть освидетельствованию. В соответствии со ст. 179 УПК РФ освидетельствование возможно провести в отношении потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого и свидетеля.

Так, следователем при проверке заявления о побоях, поступившего от гражданки И., утверждающей о том, что она периодически подвергается избиению со стороны мужа, было вынесено постановление о производстве освидетельствования, в котором гражданка И. имела процессуальный статус потерпевшей, с целью проверки наличия на ее теле ссадин, синяков и других телесных повреждений [2].

Анализ данной следственной ситуации позволяет отметить, что следователю в постановлении о производстве освидетельствования и в протоколе освидетельствования не следовало указывать у гражданки И.

процессуальный статус потерпевшей, т. к. уголовное дело не было возбуждено, и И. не была признана потерпевшей.

При проведении данного действия другие участники уголовного процесса имеют право заявлять ходатайства, могут обратиться к следователю о признании доказательств недопустимыми при нарушении порядка определения процессуального статуса участника следственного действия, в отношении которого было проведено освидетельствование.

Вышеуказанные дополнения уголовно-процессуального закона обеспечат законность и обоснованность проведения следственного действия и последующего использования его результатов при принятии решений в процессе расследования уголовного дела.

В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ законодателем предусмотрено, что следователь в процессе доказывания вправе проводить различные процессуальные действия, направленные на проверку сообщений о преступлении, в том числе следственные действия: отдельные виды следственных осмотров, освидетельствование и назначение экспертизы.

Данная процессуальная деятельность следователя должна способствовать установлению достоверности сведений о преступлениях, которые имеются в сообщении о преступлении и позволят сформировать доказательства для дальнейшего предварительного следствия.

Анализ следственной практики показывает, что в отдельных случаях следователи затягивают принятие решений о начале уголовного преследования лиц, совершивших преступления [3]. В ряде случаев следователи не имеют возможности своевременно принять решение о возбуждении уголовных дел о преступлениях против личности, преступлениях, которые взаимосвязаны с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, так как при назначении соответствующих экспертиз, которые имеют значение для законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела, заключения экспертов поступают к следователю к концу сроков доследственной проверки, которые исчисляются в 30 суток, а при отсутствии заключения эксперта невозможно принять законное решение о возбуждении уголовного дела.

Вряд ли возможно согласиться с мнением А.Л. Арипова [4], который считает, что доказывание не должно осуществляться в ходе предварительной проверки сообщения о преступлениях, но в этом случае не совсем понятно, каковы цели проверочных действий, проводимых следователем перед

принятием решения о возбуждении уголовного дела. Следовательно по результатам выполнения процессуальных действий важно установить наличие или отсутствие события преступления, лицо, совершившее преступление, и отсутствие обстоятельств, препятствующих началу предварительного расследования по уголовному делу.

В ряде случаев следователь в ходе доследственной проверки выполняет процессуальное действие – объяснение. В результате получения объяснения от граждан возможно получить важные сведения, имеющие отношение к предмету доказывания и к правильной квалификации совершенного преступления. На основе полученных объяснений следователь имеет возможность предупредить совершение новых преступлений, принять меры к пресечению преступной деятельности лиц, совершивших преступление, обеспечить доступ заявителя к правосудию и своевременно начать уголовное преследование лиц, совершивших преступление. Объяснение как отдельный документ возможно отнести к отдельному виду доказательств – иные документы.

В действующем уголовно-процессуальном законе законодателем не предусмотрены требования к получению объяснений от граждан. В ст. 144 УПК РФ объяснение предусмотрено в числе других процессуальных средств, которые могут быть использованы следователем в процессе предварительной проверки, но отсутствуют структурные элементы объяснения, а также не указаны сведения, которые должны быть включены в данный процессуальный документ.

В практической деятельности следователей возникают ситуации, когда после получения объяснений от граждан при проведении расследования по уголовному делу возникает необходимость их допроса в качестве свидетеля, потерпевшего, подозреваемого для того, чтобы использовать их показания в качестве доказательств.

Так, следователем было получено объяснение от гражданина Р., который являлся участником ДТП и находился в тяжелом состоянии в больнице. При проверке материалов следователем было принято решение о возбуждении уголовного дела, после чего появилась необходимость допросить гражданина Р. в качестве потерпевшего, но как, стало известно следователю, гражданин Р. скончался в больнице от полученных травм. В связи с этим следователем было принято решение о признании объяснения в качестве доказательства [5].

В отдельных случаях следователи неправильно используют положения уголовно-процессуального закона об истребовании и изъятии документов в стадии возбуждения уголовного дела и неправомерно проводят следственное действие – выемку, в том числе в случаях необходимости нарушения конституционных прав граждан. Однако следователям важно иметь в виду, что изъятие предметов является одним из процессуальных действий, которое выполняется в совокупности с другими процессуальными действиями, проводимым следователем в ходе производства выемки. В ст. 144 УПК РФ законодателем указаны все следственные действия, которые возможно проводить следователю до возбуждения уголовного дела исчерпывающим образом, и выемка в данной норме уголовно-процессуального закона не предусмотрена. В связи с этим следователи, которые проводят выемку до принятия решения о возбуждении уголовного дела, должны иметь в виду, что при проведении расследования по уголовному делу подозреваемый, обвиняемый, их защитники могут заявить ходатайство о признании недопустимыми доказательствами результаты производства выемки, проведенной до возбуждения уголовного дела. В случае необоснованного отказа в удовлетворении ходатайства следователем о признании полученного доказательства недопустимым подозреваемый, обвиняемый, их защитники имеют право обжаловать незаконное решение следователя.

Важно учитывать, что доказательства, собранные следователем до возбуждения уголовного дела или при проведении расследования по уголовному делу, обладают равной юридической силой.

Допустимость доказательств в процессе производства по уголовному делу зависит от их собирания следователем, которому поручено проведение процессуальных действий, до возбуждения уголовного дела, соблюдения порядка их выполнения и процессуального оформления и их взаимосвязи с обстоятельствами совершения преступления [6].

Литература

4. Арипов А.Л. К вопросу о возбуждении уголовного дела в уголовном процессе // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Междунар. научно-практ. конф. М., 2014.

3. Воскобойник И.О. Проблемы формирования доказательственной базы при проверке сообщений о преступлениях // Адвокатская практика. 2013. № 5.

1. Мешков М.В. Поводы к возбуждению уголовного дела: процессуально-правовые новеллы // Российский судья. 2012. № 11.

4. Румянцева М.О. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы. М., 2019.

6. Ряполова Я.П. Процессуальные действия, проводимые в стадии возбуждения уголовного дела: правовые, теоретические и организационные основы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

2. Архив Советского районного суда города Владикавказа, уголовное дело № 1-352 / 2017.

5. Архив Советского районного суда города Владикавказа, уголовное дело № 1-189/2018.

© Седых Т.В., 2023

УДК 343.14

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Терехов М.Ю.

Заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Свиридов Р.В.

Заместитель начальника отдела кадров
Белгородского юридического института МВД России
им. И.Д. Путилина, кандидат юридических наук

Одним из самых спорных терминов в современной юридической литературе терминов является собирание доказательств. Именно это словосочетание порождает множество споров относительно сущности этого понятия. Кроме того, вызывает сложности в правоприменительной практике, напрямую связанные с собиранием и фиксацией доказательств.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство [1] раскрывает лишь описание процесса собирания доказательств, не давая при этом определения его понятию. По этой причине при анализе иных правовых норм возникают вполне предсказуемые противоречия в терминологии. Например, в п. 19 ст. 5 УПК говорится: «неотложные следственные действия – действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования».

Отчетливо видно, что помимо «закрепления доказательств» законодатель использует такие понятия, как «фиксация, изъятие и исследование», что вызывает вопрос, по какой причине законодатель в случае с доказательствами считает, что они должны быть закреплены, а следы преступления должны быть зафиксированы?

Анализ действующего УПК позволяет нам утверждать, что под собиранием доказательств понимается деятельность уполномоченных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, направленная на получение доказательств по уголовному делу посредством производства следственных и иных процессуальных действий [1]. При этом не все процессуальные действия являются следственными, а все следственные являются, безусловно, процессуальными. Причем последние, имеют ярко выраженное предназначение, говоря иными словами. цель – собирание доказательств. Стоит также отметить, что собирать доказательства уполномочен и защитник обвиняемого, однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что это не совсем так.

Закон позволяет защитнику собирать доказательства тремя способами, указанными в ч. 3 ст. 86 УПК. Полученные таким образом сведения в конечном итоге будет оценивать лицо, в производстве которого находится уголовное дело, и принимать решение о возможности их приобщения к материалам уголовного дела в соответствии с нормами УПК. По сути, окончательное формирование доказательств возлагается законом на следователя, дознавателя, прокурора или суд.

Отметим, А.О. Бестаев говорит о том, что собирание доказательств – это фактическое обнаружение, фиксация (закрепление в соответствующей уголовно-процессуальной форме) [2].

При этом способы собирания доказательств в субъектном составе различаются.

Следователь, дознаватель, прокурор собирают (формируют) доказательную базу путем проведения следственных и иных процессуальных действий, а защитник – путем получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия, истребование справок, характеристик, иных документов от органов власти, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии [1].

В свою очередь, Е.С. Клементьева, Е.В. Семенова считают, что такой интерес, связанный с доказательствами и доказыванием в науке уголовного процесса, объясняется особым положением рассматриваемого правового института в системе норм уголовно-процессуального права [3].

Таким образом, собирание доказательств в системе судопроизводства является основополагающим институтом, имеющим существенное значение для него, способствующим достижению назначения последнего.

Следует отметить, что следы преступления должны быть зафиксированы именно должностными лицами, круг их строго определен законодателем, как правило, это дознаватель и следователь. Далее отметим, что уголовно-процессуальное законодательство достаточно четко регламентирует виды доказательств. Вместе с тем существуют вполне определенные, хорошо заметные особенности, нуждающиеся в осмыслении.

Например, в ст. 74 УПК отсутствует упоминание о явке с повинной. Однако анализ положений п. 6 ч. 2 ст. 74; ст. 140 и ст. 142 УПК РФ позволяет утверждать, что заявление о явке с повинной может являться доказательством по делу в случаях, когда отсутствуют обстоятельства, поштучно указанные в ст. 75 УПК, препятствующие признанию его допустимым доказательством.

Также явку с повинной можно рассматривать как показания подозреваемого или обвиняемого, полученные в установленном законом порядке.

Важно отметить, законодатель не дает определение понятию «показание».

Вместе с тем толковый словарь Д.Н. Ушакова указывает на следующую этимологическую нагрузку этого слова: с одной стороны, это свидетельство, знак, по которому можно судить о чем-нибудь, а с другой – это есть устное или письменное изложение обстоятельств какого-либо дела со стороны допрашиваемого [4].

Не трудно заметить, что при таком подходе явка с повинной имеет ярко выраженный элемент рассказа, сопровождающегося подробным описанием событий, по результатам которых составляется протокол, в котором отражается все сказанное лицом, явившимся с повинной.

По сути, явка с повинной есть ни что иное, как процессуальное действие, направленное в том числе и на собирание доказательств, так как в конечном итоге должностное лицо, принявшее и надлежащим образом оформившее ее протоколом явки с повинной, получает именно показания лица, явившегося с повинной, которое добровольно свидетельствует против себя самого о совершении им преступления.

Очевидно, что ему должны быть разъяснены его права как подозреваемого, в том числе право не свидетельствовать против себя самого.

Подводя итог сказанному, сформулируем следующие выводы:

1. Проблемы собирания доказательств – это обстоятельства, носящие временный или устойчивый постоянный характер, препятствующие или делающие невозможным получение доказательств должностным лицом, уполномоченным на это уголовно-процессуальным законом.

2. Разрешение проблем, связанных с процессом собирания доказательств, осуществляется посредством внесения изменений и дополнений в действующий уголовно-процессуальный закон, как правило, после их глубокого и всестороннего анализа, серьезного научного осмысления и обобщения полученных результатов.

3. Изучение проблем собирания доказательств способствует не только их устранению, но и достижению задач уголовного судопроизводства, в том числе как науки, а также формированию знаний о системе собирания доказательств, о которой будет сказано в последующих работах.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2022). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Бестаев А.О. Способы собирания доказательств в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
3. Клементьева Е.С., Семенова Е.В. Актуальные вопросы собирания доказательств по уголовным делам [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-sobiraniya-dokazatelstv-po-ugolovnym-delam> (дата обращения: 20.10.2022).
4. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М., 2021.
5. По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями ст. 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 06.02.2004 № 44-О
6. Давыдова С.А., Мельникова А.С. Актуальные проблемы доказывания в уголовном процессе [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-dokazyvaniya-v-ugolovnom-protsesse> (дата обращения: 20.10.2022).

© Терехов М.Ю., Свиридов Р.В., 2023

УДК 343.131

ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ ПРИ ПРИМИРЕНИИ СТОРОН

Фисаков М.Ю.

Преподаватель кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России

Моругина Н.А.

Доцент кафедры уголовного процесса Воронежского института
МВД России, кандидат юридических наук

Уровень преступности так или иначе влияет на количество потерпевших от преступлений, а также побуждает законодателя пересматривать институт примирения потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого). Термин «примирение» носит под собой смысловое значение понятий «мириться», «остановить вражду», «восстановить мир, согласие» [1]. Таким

образом, примирение сторон – это своего рода соглашение между потерпевшим и подозреваемым, результатом которого является исчерпание конфликта и принятие решения о прекращении уголовного дела.

На сегодняшний день российское уголовное судопроизводство не содержит единого института примирения конфликтующих сторон. Такой институт регулируется двумя нормами уголовно-процессуального закона, а именно ст. 20 и 25 УПК РФ [2].

Изучение ст. 20 УПК РФ показывает, что уголовные дела, указанные в ч. 2, не могут быть возбуждены кроме как по заявлению лица, пострадавшего от преступного посягательства, и могут подлежать прекращению по примирению сторон. Такой процесс примирения является обязательным для должностных лиц, которые осуществляют предварительное расследование. Многие ученые-процессуалисты на этом случае справедливо подчеркивают, что продолжение уголовного судопроизводства вопреки воле потерпевшего в данной ситуации означает лишь одно – подмену законных прав и интересов потерпевшего правами и интересами государства, а сам уголовный процесс превращается в данном случае в инструмент репрессий [3, с. 59–61].

В принципе такая категоричность довольно справедлива, поскольку по рассматриваемым делам, т. е. делам частного обвинения, самым фактом совершения преступления затронуты личные интересы только потерпевшего. При этом УПК РФ закрепляет лишь три основных состава преступления, согласно которым в принципе возможно осуществление такого примирения. В связи с этим считаем, что такой перечень чрезвычайно ограничен. Данная процедура должна распространяться не только на дела частного обвинения, но также на ряд уголовных дел о преступлениях против личности и собственности [4, с. 43–46]. Верно высказывается И.Л. Петрухин, который отмечает, что общественное начало в процессе правосудия должно минимизироваться посредством усиления состязательности участников уголовного судопроизводства. Усиление принципа публичности только внешне кажется гуманным. Но на деле это свидетельствует о неуважении к гражданину, потому что его волеизъявление не учитывается под предлогом его же интересов. Именно в этой связи требуется усиление диспозитивного начала и увеличение перечня дел частного обвинения [5].

Второй нормой, которая регулирует порядок примирения сторон в уголовном судопроизводстве, является ст. 25 УПК РФ, из которой следует, что прекращению подлежат лишь преступления небольшой или средней тяжести при условии соблюдения нормы ст. 76 УК РФ [6]. Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что в указанной статье говорится о том, что должностные лица вправе принять решение о прекращении уголовного дела, тем самым давая возможность и отказать в волеизъявлении потерпевшего.

Под указанные требования ст. 25 УПК РФ подходит значительное число составов преступлений, указанных в УК РФ, что говорит о том, что закрепление такой нормы в уголовно-процессуальном законе, бесспорно, удачно. Однако если анализировать данные составы, можно отметить тот факт, что объектом охраны практически половины этих составов является не только личность и собственность, но также и общественная безопасность и многие другие. Даже тот факт, что по данным составам могут быть потерпевшие, не исключена возможность причинения вреда населению. В таком случае решение о прекращении уголовного дела в связи с примирением потерпевшего и обвиняемого нельзя назвать справедливым.

Таким образом, считаем целесообразным внести изменение в перечень составов преступлений, которые действительно можно прекратить в связи с примирением сторон. Это можно осуществить либо посредством исключения некоторых статей УК РФ или, наоборот, закрепления порядка, указывающего на необходимость прекращения тех или иных составов преступления в связи с наступлением соответствующих последствий [7, с. 37–39].

Из-за закрепления нормы, которая касается примирения сторон в уголовном судопроизводстве, возникла еще одна проблема, которая связана с лицом, которое будет уполномочено принимать данное решение. В связи с этим мнения ученых-процессуалистов существенно разделились. Так, ряд из них, например, С.В. Юношев [8] и И.Л. Петрухин считают, что решение вопроса о законности примирения сторон является прерогативой суда. Другая точка зрения состоит в том, что возможно прекращение уголовных дел публичного обвинения за примирением сторон без судебного рассмотрения.

Интервьюирование следователей показало, что они при поступлении ходатайства от потерпевшего о прекращении уголовного дела чаще всего отказывают в удовлетворении ходатайства, основываясь на том основании, что принятие решения о прекращении уголовного дела является их правом, а не обязанностью. Таким образом, возникает вопрос, насколько заинтересованы правоохранительные органы в обеспечении соблюдения прав потерпевшего, если он не желает продолжения уголовного преследования в отношении подозреваемого и продолжения расследования уголовного дела. Считаем, что в таком случае может произойти конфликт интересов и возрастание недовольства со стороны граждан в адрес правоохранительной системы.

Таким образом, анализируя данную проблему, хотелось бы отметить, что необходимо уделять большее внимание интересам потерпевшего от преступления, внося изменения в уголовно-процессуальное законодательство, позволив потерпевшему самостоятельно решать, будет ли он заключать перемирие с обвиняемым или нет. В данном случае должно быть ограничено право лица, принимающего решение, исключив из ст. 25 УПК РФ слово «вправе». При этом у органов предварительного расследования должно быть время и возможность удостовериться в том, что желание потерпевшего является исключительно его волеизъявлением, а не обстоятельством возможного оказания на него противоправного воздействия со стороны подозреваемого путем шантажа, угроз или других методов.

Литература

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка 4-е изд., перераб. и доп. М., 1997.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изменениями и дополнениями в редакции от 24.09.2022) . Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
3. Шамардин А. Примирение сторон и отказ от поддержки обвинения должны утверждаться судом // Российская юстиция. 2011. № 2.
4. Ларин А.М. Наш инквизиционный процесс // Судебная власть: надежды и реальность. М., 2015.

5. Петрухин И.Л. Правосудие: время реформ. М., 2011

6. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями, в редакции от 24.09.2022). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

7. Ковтун Н.Н. Соотношение частных и публичных начал в уголовном судопроизводстве РФ: время выбора // Государство и право. 2014. № 11.

8. Юношев С.В. Адвокат-представитель потерпевшего: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук Самара, 2013.

© Фисаков М.Ю., Моругина Н.А., 2023

УДК 343.12

ПРИНЦИП РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Черкасова А.М.

Адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России

Основополагающими началами, руководящими идеями любого правового института являются его принципы, которые так или иначе закреплены на правовом уровне законодателем. Своеобразным и неотъемлемым фундаментом уголовного судопроизводства является принцип разумного срока. Указанные в уголовно-процессуальном кодексе (далее – УПК) России процессуальные сроки обеспечивают назначение уголовного судопроизводства [1]. Они гарантируют права личности на защиту от преступных посягательств, незаконного и необоснованного обвинения и ограничений прав и свобод.

Необходимо упомянуть, что термин «разумный срок» является оценочным понятием, на законодательном уровне его определение не закреплено. Что следует понимать под данной категорией, как его исчислять выражено на монографическом уровне учеными, однако единства среди их изречений нет.

Упомянув о разумности сроков, необходимо учитывать ряд субъективных и объективных критериев, которые оказывают влияние на продолжительность расследования. Среди объективных факторов следует упомянуть правовую и фактическую сложность уголовного дела, многоэпизодность, количество причастных к совершению преступного деяния, общую продолжительность уголовного судопроизводства. К субъективным относится поведение участников, задействованных при расследовании уголовного дела, своевременность и эффективность взаимодействия следователя (дознавателя), прокурора и суда и пр.

Каждая из стадий уголовного судопроизводства ограничена сроками, о чем упоминается в правовых положениях УПК России. Наибольший интерес представляет стадия возбуждения уголовного дела, когда принимается решение о том, будет расследоваться дело в дальнейшем или подлежит отмене в последующем рассмотрении. Законодатель четко ограничил данную стадию процессуальными сроками: на принятие решения у должностного лица есть трое суток, в необходимых случаях срок может быть продлен до 10 суток, в исключительных случаях – до 30 суток. Но на практике возможно наблюдать иную ситуацию: решения о возбуждении или отказе в таковом могут применяться неделями, месяцами или даже годами. Как это происходит? Действует схема «отмена отказа», то есть следователь или дознаватель принимает решение об отказе в возбуждении уголовного дела, после чего прокурор выносит постановление об отмене вышеуказанного постановления и сроки начинают исчисляться заново. Такой круг может повторяться ни один десяток раз.

Согласно статистическим данным, указанным Генеральной прокуратурой Российской Федерации, за август 2022 г. прокурорами отменено 972 094 постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (за АППГ – 1 083 042) [2].

Кроме того, правоохранительные органы осуществляют выборочную регистрацию преступлений [3, с. 97]: когда это выгодно – заявление купируется и принимается решение о возбуждении уголовного дела, при наличии в заявлении лица обстоятельств, указывающих на неоднозначность дела (например, лицо могло само потерять или отдать имущество и забыть об этом), сотрудники полиции стараются не регистрировать такое обращение и провести проверку на незаконных основаниях.

В связи с вышеизложенным, мы приходим к выводу, что необходимо создать такую систему контроля, которая не позволяла дежурным дежурной части отдела полиции не кустировать обращения граждан (например, создать систему, где граждане могли бы проверять, зарегистрировано их заявление или нет), а также механизм, который не будет позволять действовать круговороту отмены отказных материалов.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 24.12.2001 г. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

2. Статистический отчет Генерального прокурора Российской Федерации за август 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=76881224> (дата обращения: 27.09.2022).

3. Анашкин О.А. Совершенствование процессуальных сроков в досудебном судопроизводстве: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.

© Черкасова А.М., 2023

УДК 343.125

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УВЕДОМЛЕНИЯ БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКОВ О ЗАДЕРЖАНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Шараева Я.А.

Доцент кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук

В современном мире в целом и нашем государстве в частности одной из важнейших задач является соблюдение прав человека. В ст. 55 Конституции РФ сказано, что права и свободы человека и гражданина

могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [1].

Наибольшие ограничения прав человека происходят в рамках уголовно-правового законодательства, а именно при применении мер процессуального принуждения, а также производстве следственных действий.

Одной из наиболее серьезных мер уголовно-процессуального принуждения, затрагивающих право на неприкосновенность личности и свободы, является задержание. По поводу данной меры принуждения до сих пор в научной среде ведутся дискуссии относительно сущности, оснований, момента и сроков задержания. Мы также ранее освещали некоторые проблемные вопросы, возникающие при производстве задержания [2; 3]. В настоящей статье остановимся на рассмотрении проблемных вопросов, возникающих в реализации одного из обязательных элементов процесса задержания – уведомления близких родственников о задержании.

В целях соблюдения прав и законных интересов задержанного ему разъясняется целый комплекс прав, предусмотренных нормами уголовно-процессуального законодательства. Кроме того, с момента задержания следователь (дознаватель) должен выполнить ряд обязательных требований, одним из которых является уведомление близких родственников или близких лиц о задержании.

Возможность уведомления указанных лиц может быть реализована подозреваемым самостоятельно путем телефонного разговора на русском языке в присутствии следователя, дознавателя либо в случае отказа подозреваемого воспользоваться таким правом – путем уведомления следователем, дознавателем.

Однако норма ч. 4 ст. 96 УПК РФ наделяет следователя, дознавателя правом не уведомлять близких родственников в случае сохранения в интересах предварительного расследования дела, но только при обязательном условии – вынесении мотивированного постановления, согласованного с прокурором.

Исходя из этого, на практике возникают вопросы, связанные с реализацией данного права следователя (дознавателя). Так, согласно

ч. 1 ст. 96 УПК РФ подозреваемый должен воспользоваться правом на уведомление в течение трех часов с момента его доставления, т. е. если следователь (дознатель) примет решение в целях сохранения интересов расследования не уведомлять близких родственников, то он должен незамедлительно вынести соответствующее постановление, согласовав его с прокурором. Реализовать данные действия не позднее трех часов с момента доставления подозреваемого не представляется возможным. Отсюда следует, что данное решение должно быть на руках у следователя до разъяснения данного права подозреваемому (обвиняемому). Учитывая региональные особенности Российской Федерации, отдаленность ряда прокуроров от места предварительного следствия, трудно осуществить вышеупомянутую норму о возможности сохранения факта тайного содержания подозреваемого от родственников.

Все вышеизложенное приводит к выводу, что целесообразно вернуться к предыдущей процедуре оповещения родственников и задержания подозреваемого в течение 12 часов с момента задержания. Возможность сделать телефонный звонок одному из родственников может быть предоставлена, но только по усмотрению следователя или дознавателя на основании постановления, не требующего согласования с прокурором.

Таким образом, предполагаемая положительная ценность анализируемой нормы для обеспечения прав подозреваемых сомнительна, поскольку она не отражает четкого порядка и условия действий следователя в тех или иных ситуациях.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Шараева Я.А. Исчисление срока задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Право: история и современность. 2018. № 2.

3. Лугинец Э.Ф., Шараева Я.А. Постановление о задержании подозреваемого: миф или реальность? // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2017. № 4(36).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

© Шараева Я.А., 2023

УДК 343.163:343.12

РЕШЕНИЯ ПРОКУРОРА НА ОКОНЧАНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Якубина Ю.П.

Доцент кафедры уголовного процесса Орловского юридического
института МВД России им. В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент

Положение прокурора в рамках его участия в предварительном следствии регулируется Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее – УПК РФ).

Само понятие прокурора и его полномочий регламентируется в первую очередь ст. 37 УПК РФ [1]. В указанной статье отмечается, что прокурор в качестве должностного лица уполномочен на осуществление уголовного преследования, а также надзора за деятельностью органов дознания и предварительного следствия.

В соответствии с ч. 2 ст. 37 УПК РФ имеется необходимость в выделении некоторых полномочий прокурора, связанных напрямую с этапом окончания предварительного следствия.

Однако для начала следует разобраться, что представляет собой окончание предварительного следствия и какие процессуальные действия могут осуществляться в рамках данного этапа расследования.

Итак, окончание предварительного следствия – это завершающий этап следственного производства, характеризующийся совокупностью процессуальных действий, решений и оформленных должным образом актов, направленных на проверку полноты, всесторонности, объективности собранных по делу доказательств и, возможно, восполнению пробелов, допущенных следствием [2].

Более того, в добавок к вышеизложенному, по мнению Б.А. Мириева, окончание предварительного следствия заключается в «проверке выводов следствия методами прокурорского надзора и определение дальнейшего направления уголовного дела» [3]. Это означает, что прокурор занимает особое положение и в силу предоставленного ему содержания процессуального статуса может решить вопрос о дальнейшей судьбе уголовного дела.

Существуют формы окончания предварительного следствия: во-первых, самая распространенная – направление дела в суд с обвинительным заключением (ст. 220 УПК РФ); во-вторых, по исключительным основаниям уголовное дело может быть прекращено с вынесением соответствующего постановления (ст. 213 УПК РФ); в-третьих, направление уголовного дела в суд с постановлением о применении принудительных мер медицинского характера (ст. 439 УПК РФ) и др.

Соответственно, любой процессуальный документ (обвинительное заключение или постановление), принятый в рамках вышеизложенных форм окончания предварительного следствия, проходит через одобрение прокурора с вынесением в последующем им своего процессуального решения.

Возвращаясь к вопросу о полномочиях прокурора, закрепленных в ч. 2 ст. 37 УПК РФ, стоит выделить те, которые исключительно связаны и последуют окончанию предварительного следствия. Итак, прокурор уполномочен: утверждать обвинительное заключение по уголовному делу; возвращать уголовное дело следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков.

Вышеназванные полномочия прокурора являются его процессуальными решениями в случаях, когда по уголовному делу следователем вынесено обвинительное заключение.

Согласно ч. 1 ст. 221 УПК РФ, помимо вышеуказанных выводов прокурор может принять и решение о направлении уголовного дела вышестоящему прокурору для утверждения обвинительного заключения, когда оно подсудно вышестоящему суду.

Кроме того, стоит учитывать тот факт, что копии постановления о прекращении уголовного дела и постановления о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера также направляются прокурору для принятия им процессуального решения в рамках осуществления последним своих надзорных функций.

В соответствии с ч. 5 ст. 439 УПК РФ прокурор по уголовному делу, в результате которого было вынесено постановление о направлении его в суд, принимает одно из следующих решений: об утверждении постановления следователя и о направлении уголовного дела в суд; о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного расследования; о прекращении уголовного дела.

Все ранее указанные процессуальные решения в юридической литературе изучаются в качестве основных. Тем не менее существуют также факультативные процессуальные решения [4]. К примеру, решение вышестоящего прокурора по результатам проверки законности решения о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия, принятого нижестоящим прокурором при его обжаловании следователем.

После всестороннего изучения уголовного дела, придя к выводу, что отсутствуют препятствия для его рассмотрения судом, прокурор своей резолюцией утверждает обвинительное заключение и направляет уголовное дело в суд.

Такой вывод имеет место, если по делу не допущено нарушений норм процессуального и материального права, деяние обвиняемого квалифицировано в соответствии с уголовным законом правильно, обвинительное заключение составлено по форме и содержанию в соответствии с требованиями УПК РФ.

Иными словами, с точки зрения судей, прокурор принимает такое решение, когда судья может по данному уголовному делу принять в свою очередь процессуальное решение о назначении судебного заседания.

Вместе с тем для принятия такого решения имеет значение и оценка прокурором собранных доказательств с точки зрения их допустимости, достоверности и достаточности. Это необходимо для организации поддержания государственного обвинения в суде.

Таким образом, исходя из всего вышеуказанного, можно сделать вывод о том, что прокурор в качестве должностного лица, исполняющего надзорные полномочия за деятельностью следователя, все его решения проверяет и выносит собственную резолюцию. Все это происходит строго с соблюдением норм уголовно-процессуального законодательства и в рамках досудебного производства.

Стоит учесть, что решения прокурора на окончании предварительного следствия могут быть обжалованы непосредственно следователем с согласия руководителя следственного органа.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Фоменко И.В. Сущность, основание и формы окончания предварительного следствия // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2012. № 2.

3. Мириев Б.А. Окончание предварительного следствия в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2011. № 8.

4. Синдеев А.Ю. Проблемы процессуальных решений прокурора, принимаемых после окончания предварительного расследования // Социально-политические науки. 2018. № 5.

© Якубина Ю.П., 2923

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

**Сборник материалов
Международной научно-практической конференции**

(9 ноября 2022 г.)

Редактор *Н.А. Тапашева*
Корректор *Л.Н. Кожоридзе*
Технический редактор *Н.А. Тапашева*
Компьютерная верстка – *Е.Е. Пелехатой*

Издатель: федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации».
Адрес: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.
Тел.: 8 (863) 224-58-15. Сайт: <https://рюи.мвд.рф>
Подписано к использованию 30.03.2023.
Тираж 10 экз.

ISBN 978-5-89288-488-4

